

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1 2016 (январь)

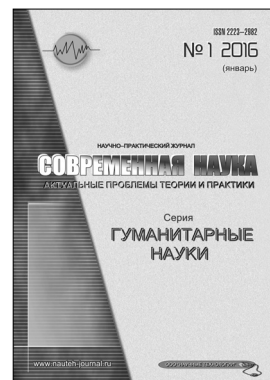
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редационный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГМУ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, МИЭП
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН
А.П. Миньяр-Белопучева – д.ф.н., профессор, МГУ им. Ломоносова
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, РАНХ и государственной службы при Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет
А.С. Сенявский – д.и.н., г.н.с. ИРИ РАН,
В.И. Тюпа – д.ф.н., профессор, Институт филол. и истории РГГУ
А.Е. Чирикова – д.соц.н., г.н.с., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор РГСУ
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, ИСК РАН
Н.М. Щедрина – д.ф.н., профессор, МГОУ
С.Н. Ханбалаева – д.ф.н., МГИМО
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, ИВИ РАН
Н.В. Юдина – д.ф.н., профессор, ректор Владимирского филиала ФУ при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел/факс: 8(495) 755–1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http: // www.nauteh-journal.ru
http: // www.vipstd.ru/ nautehЖурнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. СтепановВыпускающий редактор
Ю.Б. МиндлинВерстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296Подписано в печать 26.01.2016г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифроваяЗаказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ИСТОРИЯ

И.А. Агакишев – История Бакинской нефтяной промышленности и второй нефтяной бум: историография
I. Agakishiyev – The History of Baku Oil Industry and the Second Oil Boom: A Historiography 3

А.И. Бакшеев – К вопросу о характере "колониальной зависимости" Сибири в XIX – первой четверти XX вв.
A. Baksheev – Nature of colonial dependence of Siberia in the XIX – early XX centuries 9

Г.М. Бурдина – Структура городской семьи Вятской губернии во второй половине XIX в.
G. Burdina – Structure of urban family Vyatka province in the second half 19th century 14

Д.В. Колупаев – Казачьи поселения 3-его отряда Сибирского казачьего войска во второй половине XIX века: управление, хозяйственные занятия, социально-экономическое развитие
D. Kolupaev – The Cossack settlements of the 3rd Siberian Cossack division troops in the second half of the nineteenth century: management, economic activities, socio – economic development 19

Е.В. Короплясова – Проблемно-ориентированный контент-анализ молодежного движения Русской Православной Церкви
E. Koroplyasova – Problem-oriented content analysis of the youth movement of the Russian Orthodox Church 24

Т.А. Магсумов, Г.О. Ковзик – Чернобыль как деструкция в ментальной матрице Советского общества
T. Magsumov, G. Kovzik – The chernobyl as destruction in a mental matrix of the soviet society 29

С.Н. Уэсли – Сочинения путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. как источник по истории Керчи: тематический аспект
S. Wesley – Travel writings of the late 18th – first half of 19th century as a historical source about Kerch: thematic aspect 34

ПЕДАГОГИКА

Е.В. Антонова, И.З. Сквородкина – Развитие личности преподавателя высшей школы в контексте профессиональной культуры
E. Antonova, I. Skovorodkina – The development of personality of high school teacher in the context of professional culture 39

И.А. Киреева, С.Х. Казиахмедова, Е.А. Разумовская – Решение проблемы межкультурной интеграции педагогов в региональной системе профессионального образования
I. Kireeva, S. Kaziakhmedova, E. Razumovskaya – Problem solving of cross-cultural integration of teachers in the regional system of professional education 42

О.А. Козырева – Компетентностный подход в условиях реализации федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования
O. Kozyreva – Competence approach in the conditions of realization of federal educational standards of higher education 44

В.В. Коробкова, Л.А. Метлякова – Педагогические условия реализации концепции развития воспитательного потенциала современной семьи
V. Korobkova, L. Metlakova – Pedagogical conditions, ensuring the implementation of the conceptual model of the development of the educational potential of the modern family 48

И.А. Левицкая – Особенности профессионального самоопределения будущих специалистов: социально-личностные компоненты
I. Levitskaya – Features of professional self-determination of the future experts: social and personal components 54

К.И. Настинова, Г.Э. Настинова – Оценка структуры, регулярности и полноценности питания учащихся образовательных учреждений Республики Калмыкия
K. Nastinova, G. Nastinova – Evaluation of the structure, regular and nutrition students of educational institutions of Republic of Kalmykia 62

С.М. Платунова, Е.Ю. Авксентьева – Методы и модели проектирования системы материально-технического обеспечения учебного процесса
S. Platonova, E. Avksentieva – Methods and models for system design, material & technical support of educational process 67

ФИЛОЛОГИЯ

И.С. Алипулатов – О трансформации фразеологических единиц в Русской речи
I. Alipulatov – On the transformation of phraseological units in Russian language 70

А.С-Э. Батаева – Лингвистические аспекты образа моря в рассказе Рэя Брэдбери "The Fog Horn" ("Ревун")
A. Bataeva – Linguistic aspects of the image of the sea in the story of Ray Bradbury's "The Fog Horn" ("Howler") 77

А.А. Каразия – К вопросу об изменении прагматической составляющей высказывания в результате применения трансформации опущения в синхронном переводе
A. Karaziya – On the issue of pragmatic changes as a result of omission transformation implementation in simultaneous interpreting 80

А.В. Кожокина – Особенности вербализации познавательного потенциала процесса внимания
A. Kozhokina – Cognitive potential of the process of attention and some special features of its verbalization 84

Е.А. Полтавская – Тема вечности в повести Б. Зайцева "Река Времени"
H. Poltavskaya – Theme eternity in the story Boris Zaitsev "River of Time" 87

Н.М. Пчелкина – Восприятие англоязычной прессой современной Русской литературы
N. Pchelkina – Perception of modern Russian literature by the English language media 91

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors 94
 Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале 96

ИСТОРИЯ БАКИНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВТОРОЙ НЕФТЯНОЙ БУМ: ИСТОРИОГРАФИЯ

THE HISTORY OF BAKU OIL INDUSTRY AND THE SECOND OIL BOOM: A HISTORIOGRAPHY

I. Agakishiyev

Annotation

Analysis of scientific literature on the history of the Baku oil industry from the second half of the 19th century to the early 21st century is presented in the article. The work pays special attention to the general and distinctive characteristics of the First and the Second Baku Oil Boom, as well as to the problems of exploration for Caspian oil in the late 20th and early 21st centuries.

Keywords: oil, fields, extraction, exploration, Oil Boom.

Агакишиев Исмаил Аловсат Оглы

*К.ист.н., доцент
исторического фак., МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье проведен анализ научной литературы, посвященной истории бакинской нефтяной промышленности во второй половине XIX – начале XXI в. Особое внимание в исследовании уделяется общим и отличительным особенностям первого и второго бакинского нефтяного бума, а также проблемам освоения каспийской нефти в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова:

Нефть, месторождения, разведка, добыча, нефтяной бум.

Статья посвящена исследованиям истории бакинской нефтяной промышленности, проведенным в постсоветский период. В начале обзора хотелось бы особо отметить работу, сделанную большим научным коллективом, возглавляемым В.Ю. Алекперовым и спонсируемым компанией "ЛУКОЙЛ". В связи с тем, что многие историки среднего и молодого поколения перешли на попрание политологии, работа группы Алекперова выглядит очень своевременной и актуальной. Историки-профессионалы этой группы справедливо восхищаются своими соотечественниками, продолжающими начатую во второй половине XIX в. титаническую работу ученых, среди которых были Д.И. Менделеев, С.И. Гулишамбаров и др.

Именно под эгидой этой группы историков (А.А. Иголкин, А.А. Матвейчук и др.) был создан музей "ЛУКОЙЛа", где представлены архивные документы по истории нефтяной промышленности. Основатели музея провели большую организационную и научную работу, скрупулезно проверили достоверность собранных материалов, составили реальную картину нефтяной истории России. Особое значение имеют архивные документы и научные работы, посвященные истории нефтяной промышленности Апшеронского полуострова и Каспия. Компанию, финансировавшую этот проект, возглавляет представитель бакинцев – нефтепромышленник Вагит Алекперов.

Важное место в историографии нефтяной промышленности занимают работы А.А. Матвейчука. Професси-

ональный историк и инженер, он в своей книге "Первые инженеры-нефтяники России" [1] посвящает немало страниц судьбе и достижениям отечественных инженеров, ярко показывает в работе открытия специалистов, входивших в БОИРТО – Бакинское отделение Императорского Русского технического общества. Изучая его печатный орган "Труды БОИРТО", Матвейчук обстоятельно раскрывает этапы развития и особо выделяет преемственность творческой деятельности нескольких поколений инженеров-нефтяников. Они сумели создать общественную организацию, выполнявшую в то время функцию творческой лаборатории в достижении и внедрении научно-технических открытий в бакинской нефтяной промышленности. Матвейчук по-новому оценивает промышленный переворот в нефтяной промышленности, обеспечивший Баку первое место в мире по добыче нефти в конце XIX в.

Среди отечественных исследований, опубликованных в конце 1990-х гг. и в начале нынешнего века, особое место занимают работы А.А. Иголкина. В его книге "Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг." [2] исследуются проблемы, накопившиеся в данной отрасли к моменту Февральской революции. Автор также анализирует политические и экономические факторы, влиявшие на работу отрасли во время Гражданской войны и в период "военного коммунизма". Особенно оригинальными в данной работе выглядят утверждения Иголкина о поджоге Бакинских нефтяных промыслов рабочими-персами по заказу британских нефтепромышленни-

ков. Несмотря на очевидный интерес, который представляет этот вывод, в связи с отсутствием на сегодняшний день достоверных фактов он выглядит не совсем убедительно.

Ранее, на основе многочисленных архивных материалов советские исследователи сделали вывод, что в официальных документах начала минувшего века всех пришедших из Ирана без разбора называли персами, хотя большинство их составляли турки-азери, проживавшие в южном Азербайджане (он и поныне входит в состав Ирана). Бакинское население называло их "хамшарами", что означает "горожане, земляки". Очень сложно поверить, что эти рабочие были поджигателями нефтяных промыслов, поскольку они лишили бы себя и свои семьи единственного источника существования.

Значительный интерес представляет книга "Во славу Российской нефти" [3], изданная в 2006 г. на основе материалов научно-исторической конференции "Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX в." (23 февраля 2006 г.). Достойное место в постсоветской историографии занимает труд под общей редакцией В.Ю. Алекперова, изданный в 2005 г. [26] В предисловии к сборнику справедливо отмечается, что на научных работах, посвященных советскому периоду истории нефтяной промышленности, лежит идеологический отпечаток. Этот сборник – еще одна попытка раскрыть отдельные аспекты истории нефтяной промышленности советского периода, уменьшить количество "белых пятен". Ряд рассматриваемых в сборнике вопросов носит дискуссионный характер и требует, по признанию самих же авторов, проведения дальнейших научных исследований.

Среди отечественных вузов, изучающих историю становления и развития нефтяной и газовой отрасли, особое место занимает РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Сложилась традиция регулярно проводить под эгидой этого учебного заведения конференции "Актуальные проблемы состояния и развития нефтегазового комплекса России", на которых регулярно работает секция "История и традиции отечественного нефтяного и газового дела". Материалы секции обобщаются в сборнике докладов с одноименным названием. Среди этих работ хотелось бы выделить написанные А.А. Матвейчуком и И.Г. Фуксом "Иллюстрированные очерки по истории российского нефтегазового дела" в двух частях [4] посвященные 70-летию юбилею РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Первая часть посвящена зарождению и становлению нефтяной промышленности на Апшероне, Северном Кавказе и в Ухто-Печерском крае. Вторая часть посвящена этапу промышленного развития до 1917 г. в Волго-Камском бассейне, Сибири и на Дальнем Востоке. Отличительная особенность этих работ – широкое использование разнообразного иллюстративного материала – архивных документов, старинных художественных открыток, ценных

бумаг и других фотографических первоисточников. Современным энергетическим проблемам азербайджанского сектора Каспия посвящено много обзорных и научных работ. В основном эти труды написаны политологами, и общие проблемы стран каспийского региона освещаются именно с политической точки зрения. Не секрет, что многие статьи, публикуемые в печати и электронных СМИ, носят заказной характер, и потому в них зачастую не раскрываются глубокие исторические, политические и экономические причины решения того или иного вопроса. Часто опускаются причины происходящих событий. Все это приводит к запутанности и недостаточной освещенности недавних исторических событий. На этом фоне анализ научной литературы становится наиболее актуальным. Однако настало время для более глубокого и непредвзятого рассмотрения энергетических проблем Каспия в историографии. Исследования должны объективно представлять все основные события того времени и более глубоко раскрывать причины проблем, возникших во время реализации энергетических проектов.

Автором многочисленных работ по проблемам Каспия, в том числе энергетическим, является доктор географических наук И.С. Зонн. Это "Каспийский меморандум" (1997 г.), "Каспий: иллюзия и реальность" (1999 г.), "Каспийская энциклопедия" (2002 г.) и др. [5, 23, 24, 25] Он же – главный редактор информационного бюллетеня "Вестник Каспия". В книге "Очерки по истории Каспийского моря" И.С. Зонн освещает историю изучения Каспийского моря с античного периода до наших дней. В хронологическом порядке представлены эволюция изучения этого региона, а также этапы формирования информационного поля Каспия.

В книге И.С. Зонна "Стратегия США в Каспийском регионе" [6], написанной в соавторстве с С.С. Жильцовым, раскрывается эволюция энергетической стратегии администрации США в Каспийском регионе и Центральной Азии на современном этапе. Авторы анализируют причины большого интереса США и крупнейших нефтяных компаний к Казахстану, Туркменистану и Азербайджану. Естественно, главная причина – углеводородные запасы, находящиеся в недрах на территории этих государств. Авторы объясняют, почему руководство США оценивает ситуацию в странах Каспийского региона как стабильную и процветающую. По их мнению, такие искаженные оценки отвечают стремлению США привлечь в эти страны инвестиции.

Вызывают удивление противоречия в высказываниях авторов. Как можно создать иллюзию для привлечения инвестиций, если, как отмечают сами авторы, эти страны действительно обладают большими запасами углеводородов? Хорошо известно, что крупные нефтяные компании России и Запада, заключившие контракты с компаниями этих стран, добывают нефть в этом регионе миллионами тонн. Удивляет и то, что книга вышла не в

1993г., когда проекты существовали лишь как замыслы, и в регионе не добывалось большое количество нефти и газа, а в 2003 г., когда нефтяные контракты принесли всем прикаспийским странам многомиллионные доходы и обеспечили экономический прорыв и стабильность. Руководства этих государств получили возможность направить нефтяные доходы на решение накопившихся экономических и социальных проблем. Книга "Геополитика Каспийского региона" (авторы – С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Н. Ушков) также посвящена актуальным проблемам геополитики в Каспийском регионе [27]. Основное внимание в книге уделяется развитию на протяжении десятилетий политики США в регионе, их стремлению закрепиться там и играть "первую скрипку".

Фундаментальной работой является книга доктора политологических наук И.Г. Алиева "Каспийская нефть в Азербайджане" [7]. В ней исследуется политическое и экономическое развитие Каспийского региона. Книга основана на большом количестве протокольных и информационных материалов. Алиев рассматривает вопросы происхождения и развития факторов, оказавших значительное влияние на ситуацию в регионе. Автор на солидной документальной базе анализирует одну из самых актуальных проблем региона – статус Каспийского моря. Работа написана в соответствии с лучшими традициями политологической науки.

Научную литературу, посвященную нефтепромыслам Азербайджана, можно условно разделить на две группы. В первую входит ряд исследований азербайджанской историографии, где затрагиваются экономические и политические вопросы, связанные с нефтью. Вторая группа работ посвящена непосредственно проблемам углеводородов. Работу одного из лучших исследователей этой темы Э.Р. Исмаилова "Власть и народ" [8] можно отнести в первую группу литературы. В ней он раскрывает важнейшие события в Азербайджане в первые послевоенные годы. На основе архивных документов показаны тяжелые условия жизни бакинских нефтяников в те годы. Впервые в историографии подробно освещается тема республиканской элиты, находившейся у власти в тот период, дается политическая характеристика многим руководителям. Автор дает портрет первого секретаря Азербайджана М.Д. Багирова, имевшего незаурядные организаторские способности и награжденного шестью орденами Ленина за перевыполнение республикой плана по обеспечению фронта и тыла нефтепродуктами.

По оценке Э.Р. Исмаилова, Багиров был сыном своего времени и патриотом Азербайджана. Он искренне верил в дело Ленина–Сталина и был сторонником присоединения Южного Азербайджана к Северному. Но также известно, что под его контролем составлялись списки для репрессий известных нефтяников за невыполнение нерепальных планов добычи нефти в послевоенные годы. Интересны данные автора о том, как центр осуществлял ру-

ководство нефтяной промышленностью. Вопросы ее развития с 1920–х гг. входили в сферу влияния бакинской партийной организации. В Москве рассматривали эту партийную ячейку как свою опору в республике, отводя ЦК Компартии Азербайджана роль руководящего органа за пределами Баку. Итогом проводимой центром политики стало то, что функции первого лица в ЦК и Бакинском комитете Компартии Азербайджана вплоть до 1933 г. исполняли не азербайджанцы, а командированные из Москвы. М.Д. Багиров, подчинив себе с 1930–х гг. вплоть до окончания войны Бакинский комитет и ЦК КП Азербайджана, стал единоличным руководителем республики. Но после войны ситуация постепенно начала возвращаться к прежнему состоянию.

В 2006 г. издана вторая монография Э.Р. Исмаилова "Азербайджан: 1953–1956 гг. Первые годы оттепели" [28], в которой впервые в историографии исследуется особый период в жизни страны, получивший в советской историографии название "оттепель". Автору удалось раскрыть основные закономерности этого сложного явления. В центре внимания исследования находилось, наряду с процессами, происходившими в высших эшелонах власти республики, и развитие азербайджанской нефтяной промышленности. Работа написана на основе архивных материалов России и Азербайджана.

Настоящим "бестселлером" можно назвать книгу другого известного исследователя – Джамиля Гасанлы "СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны 1941–1946 гг.". [9] В этой монографии исследуются малоизвестные страницы истории советско-иранских отношений в 1940–х гг. Изучив уникальные и ранее неизвестные документы из архивов России, США, Азербайджана, Грузии, автор приходит к неожиданному выводу – "холодная война" началась не с Европы, а с Азербайджана. Именно советско-американский кризис, вызванный стремлением контролировать иранскую нефть, а также проблемы присоединения к Северному Азербайджану, тогда неотъемлемой части СССР, Южного Азербайджана, входившего в состав государства Иран, обозначили непримиримые противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции и составили основу последующей конфронтации между Востоком и Западом. Автор раскрывает причины возникших с середины 1944 г. разногласий между союзниками по антигитлеровской коалиции. С указанного времени именно борьба за иранскую нефть стала точкой отсчета противоречий между СССР, с одной стороны, и США с Великобританией – с другой. Руководство СССР не желало мириться с сокращением запасов бакинской нефти и хотело участвовать в добыче нефти в северных территориях Ирана, пользуясь нахождением советских войск на территории Южного Азербайджана. Советское руководство поддержало национально-освободительное движение азербайджанского народа во главе с С.Д. Пишавари. Однако угроза применения атомной бомбы со стороны президента

США Трумэна заставила Сталина вывести войска с территории иранского Южного Азербайджана.

Представляет интерес монография Р.С. Мустафазаде "Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг." [10], в которой рассматриваются актуальные вопросы становления и развития азербайджано-российских отношений. В контексте 13 экономических проблем большое внимание уделено борьбе различных государств за бакинскую нефть. Особое место в историографии, посвященной современному Азербайджану, занимает исследование С.И. Чернявского "Азербайджан: Выбор курса" [11]. Эта книга написана видным российским дипломатом, очевидцем описываемых событий. На основе богатого фактического материала раскрываются первые самостоятельные шаги независимого Азербайджана на постсоветском пространстве. Автор исследует итоги деятельности первых трех президентов Азербайджанской Республики. Во второй главе данной работы наряду с другими внешнеполитическими вопросами анализируются роль нефтяной стратегии в укреплении независимости страны, основные компоненты "энергетической дипломатии", такие как разработка правового статуса Каспийского моря в контексте региональной безопасности, роль и значение политики диверсификации в определении маршрутов трубопроводов.

В книге Айдына Балаева "Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955)" [12] исследуется жизнь одного из ярчайших представителей политической истории Азербайджана XX столетия. М.Э. Расулзаде был основателем идеологии азербайджанизма, послужившей теоретической основой для создания азербайджанской государственности в мае 1918 г. Особое внимание автор уделит деятельности М.Э. Расулзаде в 1917–1920 гг. В эти годы, будучи одним из признанных лидеров азербайджанского народа, он определил стратегическую линию национального движения, руководил процессом зарождения и становления АДР, первой демократической республики не только среди тюркских народов, но и во всем мусульманском мире.

Среди книг, посвященных странам постсоветского зарубежья, особое место занимают работы члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара. Он видный специалист в области социально-экономической истории России и бывших социалистических стран, основатель кафедры истории стран Ближнего Зарубежья на историческом факультете МГУ им. Ломоносова и кафедры стран постсоветского зарубежья Российского государственного гуманитарного университета. Его монография "Постсоветское пространство: альтернативы интеграции" [13] посвящена одной из наиболее интересных и актуальных проблем развития постсоветского пространства – интеграции стран бывших союзных республик, некогда входивших в единое государство СССР. Автор анализирует предпосылки и процессы интеграции и дезинтеграции, рассматривает направления взаимодействия России и стран постсоветского зарубежья, оценивает проблемы

интеграционных процессов. Монография освещает проблемы модернизации постсоветского экономического пространства на трех уровнях – страновом, региональном и глобальном. Глобализация предъявляет новые жесткие экономические требования к недавно образованным независимым государствам. Модернизация хозяйственных систем в связи с этими требованиями становится их главной стратегической задачей.

В монографии А. Казанцева ""Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия" [14] анализируется структура международных отношений, сложившихся в Центральной Азии в 1991–2008 гг., и ее влияние на региональную политику крупнейших государств мира. Исследуемые проблемы интересны для нас в связи с тем, что большая часть стран Центральной Азии входит в Каспийский регион. Автор рассматривает влияние фактора неопределенности на международные отношения в различных регионах мира, анализирует особенности политики всех ведущих в регионе игроков (России, США, стран СНГ, Китая, Турции, Ирана, Индии, Пакистана и других государств) в 1991–2008 гг. Выявляется сложная динамика столкновения интересов или, напротив, сотрудничества этих игроков в этом регионе. Особое внимание уделяется энергетической политике.

Большой интерес в этом аспекте представляет работа "Консолидация потенциала: Прикаспийская пятерка" [15]. По сути, это доклад независимых экспертов из Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана по актуальным вопросам Каспийского региона. Экспертами выработана согласованная позиция. По их мнению, от состояния дел в регионе зависит благополучие каждой из этих пяти стран. Для внешних игроков Каспийское море – это средство для решения своих задач, зачастую никак не связанных с интересами народов, населяющих этот регион. Авторы считают, что в формате пятистороннего прикаспийского сотрудничества есть возможность найти решение, в равной степени выгодное всем странам региона и обеспечивающее условия рационального и эффективного освоения каспийских богатств. Особое значение придается созданию Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЕС) – межправительственной структуры, способной объединить Азербайджан, Иран, Казахстан, Россию и Туркменистан, что будет иметь весьма позитивное экономическое и политическое значение для всего региона.

Среди трудов, посвященных в целом мировому нефтяному рынку, выделяется фундаментальное исследование всемирно известного эксперта по нефтяным вопросам Дэниела Ергина "Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть" [16]. Автор книги раскрывает сложные взаимоотношения между мировой нефтяной индустрией и международной политикой. Д. Ергин показывает, как нефть стала одним из определяющих факто-

ров развития мировой экономики, и как она будет продолжать играть ключевую роль в будущем. Книга разделена на пять частей, каждая из которых охватывает определенный этап процесса превращения нефти из малоначинного природного ресурса в мощный инструмент борьбы за мировое господство. В работе значительное место отведено роли Советского Союза, которую Д. Ергин считает деструктивной. В то же время автор признает, что политика кремлевского руководства во многом определяла ситуацию на мировом рынке нефти, поскольку в течение длительного времени Советский Союз был крупнейшей нефтедобывающей державой и имел большой политический авторитет и влияние в мире. Автор предсказывает возможность этнических конфликтов и других потрясений в стране, которые неминуемо повлияют как на состояние нефтяной отрасли, так и на мировой рынок нефти. В книге рассмотрены события, происходившие на мировом нефтяном рынке в период с 1853 г. по 1990–е гг. Анализируя нефтяную промышленность XIX – начала XX в., автор основное внимание уделяет месторождениям США, тогда как нефтяным месторождениям Баку отведено явно мало места.

Страны Ближнего Востока долгое время были и остаются по нефтяным запасам богатейшими странами мира. Множество работ отражает проблемы нефтяной промышленности этих стран. Особой популярностью пользуется работа Мэтью Р. Симмонса "Закат арабской нефти (будущее мировой экономики)" [17]. Ее автор, авторитетный аналитик нефтедобывающей отрасли, член Национального совета США по нефти, исследует состояние нефтяных месторождений Саудовской Аравии, имеющей самые большие запасы нефти в мире. Положение дел в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях этой страны является ее стратегическим секретом. На основе косвенных данных о состоянии двенадцати основных месторождений Саудовской Аравии и подтвержденных сведений о снижении уровня нефтедобычи на этих полях автор предрекает упадок саудовской нефтедобычи и нефтепереработки. Он убежден, что "закат пустыни" серьезно изменит ситуацию в мировой экономике. Симмонс требует от главных производителей нефти предоставить миру более точную информацию в отношении своих месторождений. Это необходимо и для прогнозирования момента, когда объем их добычи достигнет максимума, и для прогнозирования развития нефтяной промышленности в странах других регионов мира, в том числе и Каспийского бассейна.

Одной из главных проблем экономики и, в частности, нефтяной промышленности, на наш взгляд, является проблема инвестиций. В этом смысле особый интерес представляет книга Стивена и Доина Либ "Фактор нефти. Как защитить себя и получить прибыль в период грядущего энергетического кризиса" [18]. Инвестирование – сложный бизнес, и самое сложное в нем – огромное количество внешней информации, способной существенно

влиять на принятие решений. Книга посвящена тенденциям, определяющим характер мировой экономики, политики и финансовых рынков в начале XXI века. Основным фактором экономического развития авторы считают рост цен на нефть, обусловленный повышенным спросом на этот основной энергоноситель. Авторы исследуют глобальное значение нефти с позиции осмысления истории, экономики и политики. Они приходят к выводу об истощаемости запасов нефти в недалеком будущем и обосновывают тезис о необходимости ее замены альтернативными источниками энергии. Ученые, основываясь на анализе действий многих компаний, предлагают рекомендации по формированию инвестиционного портфеля.

Книга Марины Юденич "Нефть" [19] посвящена событиям, которые прогнозировал Д. Ергин в своей уже упоминавшейся работе. Конец XX в. наряду с другими исследователями Юденич называет эпохой борьбы за нефть. Это время, когда страны и целые континенты оказались на пороге энергетического коллапса. В огне войны запылал Ближний Восток, произошел распад мировой сверхдержавы СССР. Нефтяные страны постсоветского зарубежья стали центрами экономической и политической активности. Пришло время не только развития и созидания, но и коррупции, провокаций и попыток государственных переворотов. Страны постсоветского зарубежья оказались перед дилеммой: сохранить и укрепить статус независимого государства или стать сырьевым придатком развитых стран, привлекая международные корпорации к освоению своих природных богатств. Автор книги – бывший начальник информационного управления Администрации президента РФ – с публицистических позиций дает оценку эпохи борьбы за нефть.

Понять процессы, происходившие на нефтяном рынке в последние десятилетия, помогает книга Боба Типпи "А если дефицит? Азбука нефтяной экономики" [20]. Автор, посвятивший жизнь исследованию нефтяного бизнеса, использует в книге свои впечатления от поездок в Латинскую Америку, Европу и страны Ближнего Востока. Он предпринимает попытки дать оценку различных факторов, влияющих на предложение, спрос и цены на нефть, убедительно раскрывает механизмы работы рынка и обозначает основные индикаторы его изменений. По его мнению, нефтяной рынок является самым интернациональным сектором мирового рынка. Хотя в работе анализируются процессы, происходящие на нефтяном рынке США, сделанные выводы в целом отражают экономические закономерности развития нефтяной промышленности и других стран.

Поэтому американский опыт представляет интерес во всех регионах. Книга Джереми Рифкина "Если больше нефти нет: кто возглавит мировую энергетическую революцию?" [21] посвящена принципиальному вопросу – сокращению нефтяных запасов и возможностям заменить нефть другим топливом. В отличие от оптимистов, уве-

ренных в том, что человечеству не грозит энергетическая катастрофа, Рифкин призывает малый и крупный международный бизнес к энергетической революции. Он считает обывательскими предположения, что нефть всегда находили и, если потребуется, найдут еще и просто надеются на достижения научно-технического прогресса и успокаивают себя, что ученые что-нибудь придумают. По мнению автора, корпорации, которые занимают монопольное положение в области поставок энергии, очень громоздки, а качество их бизнеса уже не позволяет им самим эффективно управлять имеющимися мощностями и модернизировать технологии. Рифкин убежден, что будущее за мобильными и гибкими энергетическими компаниями, которые сумеют получить экономические выгоды от оперативного перехода на новые технологии. Однако рассуждения Рифкина не свободны от недостатков. Он часто увлекается крупными проблемами на макроуровне, однако некоторые важные детали игнорирует. Его книга ставит проблему, но конкретных рецептов решения не дает. Впрочем, многие книги, посвященные проблемам ограничения нефтяных запасов, страдают таким же недостатком.

Одна из самых ярких женщин XX века американка Клер Бут Люс сказала: "Разница между оптимистом и пессимистом заключается в том, что пессимист обычно бывает более информированным". Именно это выражение стало эпиграфом работы известного исследователя мирового нефтяного бизнеса Эрика Лорана "Нефть: ложь, тайны, махинации" [22]. Он занимает особое место среди французских авторов, публиковавших работы по нефти.

Основные выводы книги: в настоящее время все сферы жизни зависят всецело от добычи нефти. Она приводит в движение механизмы международной политики и экономики. Она – ключ для понимания истории XX в. Выявление скрытых пружин нефтяной политики дает новую точку зрения на события Первой и Второй мировых войн, а также на события 11 сентября 2001 г. и военные действия в Ираке. Политические маневры правительств, государственная экономика, финансовые и промышленные интересы нефтяных магнатов и поставщиков нефти – все это сплетается в клубок сложных проблем и оказывает влияние на все аспекты жизни мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвейчук А.А. Первые инженеры-нефтяники России: Исторические очерки. М.: Интердиалект+, 2002. 376 с.
2. Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М.: Издательство РГГУ, 1999. 187 с.
3. Во славу российской нефти. Серия: Б-чка журнала "Нефть России". М.: ЗАО "Мосиздат инвест", 2006. 302 с.
4. Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Иллюстрированные очерки по истории российского нефтегазового дела: в 2 ч. М.: Газоил Пресс, 2002. 150 с.
5. Зонн И.С. Каспийский меморандум. М.: Б. и., 1997. 290 с.
6. Зонн И.С., Жильцов С.С. Стратегия США в Каспийском регионе: Большая игра–2. М.: ООО "Эдель-М", 2003. 197 с.
7. Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. 712 с.
8. Исмаилов Э.Р. Власть и народ: послевоенный сталинизм в Азербайджане: 1945–1953 гг. Баку: Адильоглы, 2003. 344 с.
9. Гасанлы Д.П. СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006. 156 с.
10. Мустафазаде Р.С. Две республики: азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М.: МИК, 2006. 356 с.
11. Чернявский С.И. Азербайджан: выбор курса. М.: Азер-Медиа, 2003. 334 с.
12. Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М.: Флинта, 2009. 288 с.
13. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2008. 280 с.
14. Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО–Университет, 2008. 380 с.
15. Мехтиев А., Крышталёв Е., Чеботарёв А., Михеев С. Консолидация потенциала прикаспийской пятерки: проблемы и перспективы. М., 2009. 28 с.
16. Ергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2013. 943 с.
17. Симмонс М.Р. Закат арабской нефти: будущее мировой экономики. М.: Поколение, 2007. 496 с.
18. Либ С., Либ Д. Фактор нефти: как защитить себя и получить прибыль в период грядущего энергетического кризиса. М.: Вильямс, 2007. 308 с.
19. Юденич М. Нефть. М.: Популярная литература, 2007. 312 с.
20. Типпи Б. А если дефицит? Азбука нефтяной экономики. М.: Олимп–Бизнес, 2005. 303 с.
21. Рифкин Д. Если больше нефти нет: кто возглавит мировую энергетическую революцию? М.: Секрет фирмы, 2006. 412 с.
22. Лоран Э. Нефть: ложь, тайны, махинации. М.: СТОЛИЦА–ПРИНТ, 2007. 432 с.
23. Зонн И.С. Каспий: иллюзия и реальность. М.: Коркис, 1999. 467 с.
24. Зонн И.Г. и др. Каспийское море: энциклопедия. М.: Восточная книга, 2013. 558 с.
25. Зонн И.Г. Очерки по истории изучения Каспийского моря. М.: Советский спорт, 2005. 202 с.
26. Алекперов В.Ю. Нефть страны Советов: проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). М.: Древлехранилище, 2005. 616 с.
27. Жильцов С.С., Зонн И.Г., Усков А.М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2002. 276 с.
28. Исмаилов Э.Р. Азербайджан: 1953–1956. Первые годы "оттепели". Баку: Адильоглы, 2006. 351 с.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ "КОЛОНИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ" СИБИРИ В XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

NATURE OF COLONIAL DEPENDENCE OF SIBERIA IN THE XIX - EARLY XX CENTURIES

A. Baksheev

Annotation

Siberia for inhabitants of the Russia long time remained a link place, the territory making profit of the mother country. Further development of natural resources of Siberia, increase of its population and development of the industry will increase productive forces of our Homeland. However, the very Siberia and its inhabitants and remained in the colonial status, being the object of predatory exploitation of the central.

Keywords: Siberia, natural riches, industry development, state formation, New Economic Policy.

Бакшеев Андрей Иванович

*К.ист.н., доцент
каф. культурологии, Сибирский
федеральный университет*

Аннотация

Сибирь для жителей России долгое время оставалась местом ссылки, территорией, приносящей прибыль. В дальнейшем разработка естественных богатств Сибири, рост ее населения и развитие промышленности увеличили производительные силы страны. Однако возникает вопрос: была ли сама Сибирь и ее жители в рассматриваемый период в "колониальном статусе", являлась ли она объектом хищнической эксплуатации со стороны центра.

Ключевые слова:

Сибирь, природные богатства, развитие промышленности, формирование государства, новая экономическая политика.

Сибирь – неотъемлемая часть России; могущество страны сегодня все больше прирастает Сибирью, что подтверждает правоту великого ученого М.В. Ломоносова. Между тем, потребительское отношение к этому региону в рассматриваемый период породило в отечественной историографии представление о "колониальной зависимости" Сибири. Сибирские областники и их последователи, пытаясь добиться лучшей доли для этого края, обвиняли центральную власть в хищнической эксплуатации сибирского населения [Подр. см.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония..., 1882]. Возникает вопрос: насколько это справедливо?

В советское время известный ученый–сибиревед Л.М. Горюшкин закрепил ленинское определение Сибири как "колонии в экономическом смысле". Находясь на марксистских позициях, исследователь не мог признать присутствия, помимо классовых, устойчивых территориальных противоречий. В рамках господствовавшей тогда идеологии он, в известной мере, игнорировал приводимые областниками факты политико–правового неравноправия Сибири в составе Российской империи, хотя и признавал колониальный характер управления коренными сибирскими народами. В отношении же русского населения Л.М. Горюшкин считал, что система управления принципиально ничем не отличалась от центральной

России [Горюшкин, 1986, с. 37–50].

Но дело заключалось не только в ограничениях, накладываемых в советское время официальной наукой. И сегодня, по мнению А.В. Ремнева, исследователям российской имперской управленческой политики приходится сталкиваться со многими трудностями в понятийном аппарате, чтобы правильно разобраться с такими терминами, как "внутренняя колония", "периферия", "центр", "колониализация", "окраина" и т.д. [Ремнев, 2000, с. 345].

В этой связи далеко не случайно В.А. Ламин и Д.Я. Резун вынуждены были отметить: "Специалисты по истории и экономике Сибири до настоящего времени не определились, что такое есть эта громадная страна: колония, или колонизируемая территория, или неотделимая часть неделимой России" [Ламин, Резун, 1998, с. 22]. Иначе говоря, роль и место Сибири в составе Российской империи трудно определить, оперируя лишь понятиями "колония" и "метрополия".

Можно отметить, что в сибирской историографии указание на колониальный статус Сибири в составе России использовалось чаще всего для того, чтобы обратить внимание центра на сибирские нужды. В дальнейшем сибирский областнический проект, в котором активнее

всего использовался колониальный дискурс, был отодвигнут на второй план общероссийскими политическими и социально-экономическими программами.

На практике получилось так, что сибирское население пополнялось за счет переселений из центра и запада страны. Начиная с момента похода Ермака за Урал и до отмены крепостного права из европейской России переселилось около 1,5 млн. чел. Первоначально переселенцев привлекал, прежде всего, пушной промысел. "Этот выгодный бизнес, – считает специалист по имперской политике России А. Эткинд, – создал огромную территорию, впоследствии пережившую смуты, расколы и реколонизации" [Эткинд, 2013, с. 21].

В период после великих реформ императора Александра II наблюдалось увеличение активности переселенцев. В 80-е гг. XIX в. поток переселенцев в среднем за год составлял 31 тыс. чел., а к 90-м гг. данный показатель составил 77 тыс. чел. Таким образом, за период 1861–1900 гг. за Урал переселились почти 2 млн. чел. Правительство России после 1861 г. практически не принимало в этом участия и только в начале XX в. оно начало активно поддерживать такое переселение. Уже в 1900–1916 гг. за Урал переселилось почти 4,5 млн. чел., из них только в Енисейскую, Томскую и Иркутскую губернии – более 2 млн. [Винокуров, Суходолов, 1996, с. 116].

По мере переселения крестьян сельскохозяйственное производство стало основным направлением развития экономики Сибири. В этой сфере работало более 90 % населения, а валовая продукция отрасли в 1914 г. превысила в 3,5 раза стоимость продукции, производимой промышленностью Сибири. Более половины товарной продукции региона представляло земледелие, 25 % – маслоделие, 18 % – животноводство, 2 % составляли прочие виды хозяйствования. После того, как была проложена Транссибирская железнодорожная магистраль, вывоз хлеба из Сибири постоянно увеличивался. Период 1900–1904 гг. характеризовался сбором более 200 млн. пудов хлеба в год, период 1905–1909 гг. – 320 млн. пудов хлеба. Уже в 1910–1914 гг. этот показатель составил 380 млн. пуд. А в 1917 г. собрали рекордный для Сибири урожай – более 600 млн. пудов, т. е. в период первой мировой войны темп роста в Сибири валового сбора хлеба оставался очень высоким [Винокуров, Суходолов, 1996, с. 117]. Можно утверждать, что сибирское крестьянство шло по американскому пути развития в области сельского хозяйства.

Среднегодовой показатель вывоза мяса из Сибири перед революцией составлял 3 млн. пудов. Важно отметить, что по количеству скота на душу населения территория Сибири превосходила не только европейскую Россию, но и многие зарубежные страны. Канада и США опережали Сибирь лишь незначительно по количеству

голов крупного рогатого скота, свиней, которые приходились на душу населения. В то же время по количеству лошадей и овец Сибирь лидировала [Рогачев, 2008, с. 47].

Из Сибири в 1900 г. вывезли более 1 млн. пудов сливочного масла. Этот показатель за 1905 г. составил 2 млн. пудов, а за 1913 г. – 6 млн. пудов. Маслодельческая продукция направлялась в центральные регионы России и на европейские рынки. В России маслоделы Сибири успешно конкурировали с производителями из Архангельской, Оренбургской, Вологодской, Смоленской и Пермской губерний, а также с голландскими, датскими, австралийскими, американскими и новозеландскими фермерами. Так, Сибирь за очень короткий промежуток времени обогнала все российские маслодельческие центры и обеспечивала перед революцией до 90 % всего масляного экспорта России. От этой деятельности страна получала доход в два раза больший, чем доход от всей золотодобывающей промышленности Сибири [Сибирь: Историческая хрестоматия, 1932, с. 160–161].

Можно ли в таком развитии усматривать элементы "колониализма"? Скорее всего, речь здесь может идти об успешной колонизации сельскохозяйственных ресурсов Сибири.

Вместе с тем, одним из основных источников развития Сибирской территории считалась добыча полезных ископаемых, причем обработка руд велась сибиряками в сложных условиях. Сибирское золото долгое время выступало в качестве основного фактора экономического развития всей страны. Золотодобыча в Сибири началась в первой половине XVIII в. Вначале она была государственной монополией и производилась исключительно ссыльными, каторжанами и крепостными. В начале XIX в., когда было разрешено искать и добывать золото частным лицам, в золотодобывающую промышленность пошел сибирский капитал и иностранные инвестиции.

В Сибири добывалось до 1917 г. почти 90 % золота России. Начиная с 30-х гг. XIX в. активно развернулась его промышленная добыча. В период 1836–1897 гг. в Сибири добыли 88 тыс. пудов золота. За период 1898–1904 гг. – 12 тыс. пудов. А за 1905–1915 гг. в Сибири добыча золота составила 30 тыс. пудов, причем такое количество не было эквивалентно реальному результату, потому что, как свидетельствовали золотосплавочные лаборатории, количество переработанного золота в начале прошлого века составило на 20–25 % больше [Тихомиров, 2010, с. 422].

Очень важно то, что формирование экономики Сибири до 1917 г. основывалось в значительной мере на иностранном капитале. Особенно Сибирь приобщилась к мировому рынку после проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, которая строилась невиданным

ми темпами – ежегодно прокладывалось по 500–600 км. [Рогачев, 2015, с. 105]. Можно ли рассматривать иностранные капиталовложения как "колониализм"? Скорее всего, это были иностранные инвестиции, необходимые для развития сибирской экономики.

В Сибирь иностранный капитал проникал в виде торгово-посреднических предприятий. В Кургане в 1896 г. была открыта первая фирма – торговый дом "Паллизен и Компания", который занимался скупкой масла и его экспортом. Экспортеры-иностранцы вкладывали немалые средства, чтобы организовать маслоделие на основе передовой техники. Центральная и западная части Сибири были покрыты агентствами, отделениями, складами, которые располагались по всей линии железной дороги и вдоль водных путей, где и принималось масло [Сибирь: Историческая хрестоматия, 1932, с. 160–161].

В сфере промышленности капитал иностранных фирм активно использовался в развитии горнозаводского дела. В 1906–1914 гг. разработка полезных ископаемых предпринималась разными исследовательскими партиями, принадлежавшими англичанам, немцам, французам, бельгийцам, американцам и другим иностранцам. Среди многочисленных компаний (более 20), которые создавались с целью освоения горных богатств Сибири, действовало по факту в области золотопромышленности шесть предприятий: Российское золотопромышленное товарищество, Ленское золотопромышленное товарищество (Лензолото), общество Мариинских приисков, Русско-Азиатская компания, Нерчинская золотопромышленная компания, Новая центральная Сибирь. Перечисленные предприятия практически полностью принадлежали английским предпринимателям [Томсинов, 1991, с. 224]. Революция 1917 г. и советская власть национализировали и конфисковали эти капиталовложения без всякой компенсации.

Также необходимо указать, что период начала прошлого века и вплоть до революционных событий характеризовался для Сибири особыми успехами – социально-экономическая модернизация была здесь на уровне, близком к американскому, а не на уровне европейской России того времени.

Что действительно прервало поступательное развитие Сибири, так это революция и гражданская война. Наиболее ярко "колониальная сущность" центра по отношению к Сибири проявилась в период политики "военного коммунизма" и в начальный период новой экономической политики.

В отечественной историографии широкое хождение нашла ленинская оценка сибирского крестьянина как наиболее зажиточного, не знавшего крепостного права и не почувствовавшего сразу благожелательных для себя

результатов Октябрьской революции. Поэтому, делал вывод Ленин, у сибирских крестьян была некая повышенная "мелкобуржуазность" [Ленин, 1963, с. 320]. Развивая эту идею, Наркомпрод, а вслед за ним и все большевистские исследователи утверждали, что к моменту прихода Красной Армии в Сибирь в конце 1919–нач. 1920 гг., в последней только по Западной Сибири и Степному краю (Семипалатинская губерния) от урожаев 1917–1918 гг. осталось 130 млн. пудов излишков хлеба [Лойко, 1958, с. 75].

Однако исторические факты позволяют подвергнуть критике эти выводы историков и отнести их к разряду ложных. Еще в 20-е гг. первые исследователи Сибири отмечали, что Советская Россия в 1919–1920 гг. пришла в Сибирь нищей, поэтому могла дать ей в десятки раз меньше, чем предполагала взять [Северьянов, 2010, с. 162].

Теория "зажиточности" сибирского крестьянина, огромных запасов "излишков" продовольствия от прошлых лет, когда не взимались налоги, была скорее идеологической подготовкой заготовительной работы большевиков в Сибири. Советское правительство возлагало на Сибирь двойную тяготу: помогать пострадавшим от голода в других регионах России и в то же время уплачивать государственные и местные налоги. Несмотря на то, что к 1920 г. в Сибири крестьянское хозяйство было разрушено, изголодавшемуся населению европейской России внушалась мысль, что в регионе имеются неисчерпаемые запасы хлеба, масла, мяса и сырья. Желанием добыть продовольствие отчасти объясняется та энергия, напор и в конечном итоге успех Красной Армии в борьбе с Колчаком. В то же время сибиряки, измученные войной, партизанщиной и бесчинствами колчаковских генералов и интервентов, с радостью встретили Советскую власть, видя в ней спасительницу от всякого насилия и несправедливости. Однако разочарование у сибиряков наступило довольно быстро.

Удельный вес жителей Сибири во всем населении страны составлял около 6 %. И на эти 6% населения республики Декретом от 20 июня 1920 г. "Об изъятии хлебных продуктов в Сибири" была возложена задача с 1 августа 1920 г. по 1 марта 1921 г. сдать по подразверстке 110 млн. пудов хлеба – третью часть общереспубликанского задания [Заповодникова, 1969, с. 81]. Фактически властью были проигнорированы все социально-экономические и политические факторы в Сибири, пагубно отразившиеся на хозяйственном развитии деревни. Это, во-первых, развитие массового партизанского движения и военных действий на сибирских землях, вследствие чего в некоторых регионах хлеб в 1919 г. остался неубранным; во-вторых, разорение от колчаковщины; в-третьих, стихийное бедствие от кобылки (саранчи); в-четвертых, перепродажа хлеба внутри Сибири. Так,

например, колчаковцы сожгли и разрушили 58916 крестьянских дворов, до 10 тыс. различных построек, увели 53064 тыс. голов скота, уничтожили 2768 различных сельскохозяйственных орудий, отняли 1568783 пудов хлеба [Советская Сибирь, 1921, 23 апр.].

И на этом фоне для определения планов советской разверстки в Сибири в расчет брались самые фантастические цифры. Помимо хлеба, масла, мяса, овощей, сырья и всего того, что массово производилось в деревнях, в разверстку включили и такие экзотические продукты, как мед, грибы, кедровые орехи, ягоды и даже пельмени в замороженном виде. Для выполнения государственных заданий председатель Сибревкома М.М. Лашевич предлагал учитывать даже цыплят, еще не вылупленных из яиц. В Алтайской губернии предполагалось, что сбор урожая будет 60–75 пудов с десятины. Из этого составили план продразверстки – 25–30 пудов. Фактический сбор составил 30–40 пудов с десятины, который почти весь был отобран у крестьян [Отчет II съезда Сибирского..., 1922, с. 66, 67, 72].

Не намного улучшилось положение сибирской деревни и в период новой экономической политики. Вообще в исторической литературе проблема перехода к нэпу освещалась крайне односторонне. Дело в том, что новые реформы в Сибири местные большевики восприняли неоднозначно. Сиббюро ЦК РКП(б) 27 марта 1921 г. принимает Постановление об отношении к крестьянству в связи с решениями X съезда партии: отныне основной задачей становилось разъяснение массам нового отношения к сельским жителям со стороны большевистской партии. Предполагалось, что губкомы РКП(б) должны были узнавать о настроении сибиряков и доносить об этом в центр.

Постановления, которые одобряли новую экономическую политику, были приняты летом 1921 г. на губернских партийных конференциях. Несмотря на это, среди значительной части представителей советского и партийного аппарата имели место колебания. Секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровский говорил об этом на Сибирской партконференции в августе 1921 г. Докладчик пояснил, что кулацкий бандитизм, крайние формы классово-борьбы, колебания среднего крестьянства в Сибири требуют поэтапного и медленного внедрения новой экономической политики с целью получить дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства [Шишкин, 1978, с. 109].

В 1921 г. в Сибири было заготовлено 48 млн. пудов зерна, в 1922 г. – 45 млн. пудов. Кроме того, в Сибири в 1921–1922 гг., по неполным данным, к 10 апреля 1922 г. было собрано в помощь голодающему населению Поволжья 476 тыс. пудов продовольствия и более 9 млрд. руб. в знаках 1921 г. На территории Сибири получили

приют около полумиллиона беженцев из голодных губерний европейской части страны [Отчет IV съезда Сибирского..., 1923, с. 19].

Огромные изъятия продовольствия в сибирских губерниях привели к полному расстройству сельского хозяйства. Все исследователи отмечали, что урожаи 1923 и 1924 гг. в Сибири были крайне низкими. А в главные житницы края – Алтайскую и Омскую губернии, где свирепствовал голод, потребовалось даже ввозить хлеб, чтобы хоть как-то остановить гибель людей. Из-за бедственного положения в полеводстве в 1923–1924 гг. хлебозаготовки в Сибири были исключены из общего союзного плана.

Однако недостаток продуктов в СССР подтолкнул власти к дальнейшему изъятию продовольствия у голодающей Сибири. В 1924–1925 хозяйственном году было заготовлено 44279 тыс. пудов хлебопродуктов, в том числе в губерниях: Омской – 4068 тыс. пудов, Новониколаевской – 7531 тыс. пудов, Алтайской – 7409 тыс. пудов, Томской – 10888 тыс. пудов, Енисейской – 11540 тыс. пудов, Иркутской – 2843 тыс. пудов. [Северьянов, 2010, с. 170].

По подсчетам историка В.И. Шишкина, в продкампанию 1920–1922 гг. в Сибири было заготовлено 22,1% всего хлебофуража, который Советская Россия получила в счет разверстки и помольного сбора. Около 25 млн. пудов хлеба было вывезено за пределы Сибири в основном в европейскую Россию, причем доля посевных площадей Сибири в общей посевной площади РСФСР значительно уменьшилась [Шишкин, 1985, с. 225].

Дефектов в налоговой политике начала 20-х гг. в Сибири было множество. Однако самым основным из них было несоответствие размера налога платежеспособности населения. Это привело не только к уменьшению основного и оборотного капитала сельского хозяйства, но и к снижению общей суммы самого налога. Так, в Омской губернии в 1923 г. по сравнению с 1920 г. размер посевных площадей составил 51%, поголовье скота – 67%, размер сельскохозяйственного налога – 23,3% [Перспективный план Омской..., 1924, с. 235].

Таким образом, сельское хозяйство после гражданской войны пребывало в глубоком кризисе. В Сибири он был намного глубже, чем в других регионах страны. Посевные площади в Сибири составили в 1921 г. 4/5 от уровня 1913 г. Существенно изменилась структура посевов. Значительно понизился удельный вес главных товарных культур – пшеницы и овса. В упадке было и животноводство. Так, к 1922 г. в Сибири общее количество скота стремительно уменьшилось, если сравнивать с показателями 1916 г. – на четверть. Главной товарной отраслью сельского хозяйства было маслоделие. Однако и

его сильно запустили, поэтому заготовки масла уменьшились почти в 13 раз [Сибирский революционный..., 1978, с. 341].

Непомерно высокие налоги, опустошения крестьянских хозяйств, привели к страшному голоду, охватившему Сибирь в 1921–1924 гг. В 1922 г. Сибревком признал, что голодает большая часть сибирских губерний. Спасаясь от голода, сотни тысяч людей бежали в относительно не голодные уезды. Однако в скором времени и там, в связи с наплывом переселенцев, начинался голод, отягощенный массовыми эпидемиями. К сожалению, нет возможности подсчитать, сколько сибиряков погибло от голода, но то, что их было сотни и сотни тысяч – не вызывает сомнений [Подр. см.: Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба..., 2013, с. 183–190].

Таким образом, в первой половине 20-х гг. полугодные сибирские крестьяне, часто ценой своей жизни, спасали от смерти голодающее население других регионов страны. Практически в этот период можно говорить о новом советском "колониализме" по отношению к Сибирскому краю. Это отметил и Первый съезд Советов Сибири в декабре 1925 г. в Новосибирске [Бакшеев, 2013, с. 209–210].

В дальнейшем развитие Сибири проходило с переменным успехом. В советский период с 30-х гг. наблюдался определенный "перекосяк" в сторону индустриализации. Культурно-социальное развитие Сибири явно запаздывало. В настоящее время пора исправить этот недостаток, так как регион стал важнейшим фактором для геополитической стабильности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба с голодом 1921–1924 гг. в Сибири. // Федерализм. – 2013, № 2 (70) – С. 183–190.
2. Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 346 с.
3. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. – Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.
4. Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск, 1986. С. 37–50.
5. Заповодникова А.Г. Сибирское крестьянство в ходе борьбы с кулацкой контрреволюцией в 1920–1922 гг. // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. – Барнаул, 1969. С. 81–85.
6. Ламин В.А., Резун Д.Я. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. С. 17–24.
7. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. – Полн. собр. соч. – Т. 39. – М.: Госполитиздат, 1963. С. 318–331.
8. Лойко В.М. После разгрома Колчака (конец 1919–1920 гг.). – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1958. 96 с.
9. Отчет II съезда Сибирского экономического совещания. – Новониколаевск: изд-во Сибревкома, 1922.
10. Отчет IV съезда Сибирского экономического совещания. – Новониколаевск: изд-во Сибревкома, 1923.
11. Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. – Омск: изд-во Губ. Зем. Управл. 1924. 426 с.
12. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской "географии власти" (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. – 2000, № 3–4. – С. 343–358.
13. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы). – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп., 2008. 172 с.
14. Рогачев А.Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления. – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2015. 180 с.
15. Северьянов М.Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). – Кызыл: ГОУ ВПО "Тывинский гос. ун-т", 2010. 247 с.
16. Сибирь: Историческая хрестоматия / сост. М. Гудошников. – Москва-Иркутск: Вост.-Сиб. краевое гос. изд-во, 1932. 244 с.
17. Сибирский революционный комитет (Сибревком). – Новосибирск: Наука, 1978. 658 с.
18. Советская Сибирь. Орган Сибревкома и Сибоблбюро ЦК РКП(б). – Новониколаевск, 1921.
19. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 752 с.
20. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии; Исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Мол. Гвардия, 1991. 336 с.
21. Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919–март 1921 г.). – Новосибирск: Наука, 1978. 334 с.
22. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919–март 1921 г.) – Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
23. Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткин; авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

СТРУКТУРА ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

STRUCTURE OF URBAN FAMILY VYATKA PROVINCE IN THE SECOND HALF 19TH CENTURY

G. Burdina

Annotation

The article discusses changes in structural characteristics of the urban family in Vyatka province in the second half XIX century. Special attention in research is paid to the analysis of such structural characteristics of the family as: the population size family, the system of relations or the principle of precedence, the typology of the family. Marked social and ethnographical features of families of city dwellers.

Keywords: Russian Empire, Vyatka province, XIX century, the district city, urban family, the family structure.

Бурдина Гульнара Мансуровна

Ст. преподаватель,

*Елабужский институт ФГАОУ ВО "Казанский
(Приволжский) федеральный университет*

Аннотация

В статье рассматриваются изменения структурных характеристик городской семьи Вятской губернии во второй половине XIX в. Особое внимание в исследовании уделяется анализу таких структурных характеристик семьи как: людность (численность) семьи, система связей или принцип старшинства, типология семьи. Отмечаются социальные и этноконфессиональные особенности семей горожан.

Ключевые слова:

Российская империя, Вятская губерния, XIX век, уездный город, городская семья, структура семьи.

Анализ структуры городской семьи имеет особое значение для исследования эволюции семьи второй половины XIX – начала XX в., так как позволяет определить не только направленность процессов, протекавших в семье, но и проследить, каким образом сказывалось воздействие окружающей социальной, природной и экономической среды на важнейших сторонах жизнедеятельности семьи. Более того, такой анализ позволяет проследить влияние норм и ценностей, принятых в городском обществе на ценностные ориентации, которыми руководствовались члены семьи в своей жизнедеятельности и взаимоотношениях.

Особый интерес вызывает исследование эволюции семьи в условиях уездных городов, так как уездный город российской провинции второй половины XIX–начала XX в. представлял собой уникальный социокультурный феномен.

В XIX–начале XX в. в состав Вятской губернии входили следующие уездные города: Глазов, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Сарапул, Слободской, Уржум, Яранск.

По определению отечественных социологов, "под структурой семьи следует понимать, прежде всего, тип, систему связей между членами семьи (отношения равенства – неравенства, главенства – подчинения и т.д.)

или характер деятельности и взаимоотношений между ними" [15, с. 24]. В демографии понятие "структура семьи" четко не определяется, но фактически она отождествляется с такими характеристиками семьи, как численный, родственный и поколенный состав [1, с. 17]. В исторических исследованиях по истории семьи в целом не сложилось общепринятого определения понятия "структуры семьи" и составляющих его компонентов. Поэтому в качестве основных структурных характеристик семьи были проанализированы: людность (численность) семьи, система связей или принцип старшинства, тип семьи, поколенный состав семьи.

В отношении исследований, посвященных истории городской семьи, термины "семья" и "домохозяйство" следует разделять. Прежде всего, потому, что для города было характерно наличие определенной доли семей или одиноких, проживавших на съемных квартирах, и, соответственно, не имевших хозяйства, которое наличествовало в семьях горожан, проживавших в собственном доме. Например, согласно переписным листам по г. Елабуге, в большинстве случаев разноквартирующие были представлены бессемейными людьми или семьями, включавшими одно или два поколения. Намного реже были случаи, когда на съемных квартирах проживали трехпоколенные семьи [13, д. 1, 20]. В городе было меньше возможности для размещения каждой семьи в отдельном доме, поэтому было характерно проживание се-

мей в отдельных квартирах частных домов, что во многом обуславливало распространенность в уездных городах небольших семей.

В первое пореформенное десятилетие средняя людность семей горожан уездных городов Вятской губернии составляла от 4,6 чел. до 6,9 чел., в зависимости от города. Наиболее полные сведения о численности семей в данный период мы можем представить по г. Котельнич, так как в обывательскую книгу города за 1868 г. были внесены семьи всех социальных групп горожан. Было проанализировано 299 семей с общим количеством 1474 чел. Купеческие семьи были самыми многочисленными – 7,3 чел., семьи крестьян, военных и мещан состояли в среднем из 4–5 чел., самыми малочисленными были семьи дворян и духовенства. Средняя людность семей горожан Котельнича составляла 4,9 чел.]

В обывательских книгах 1868 г. других уездных городов: Елабуги, Малмыжа, Нолинска, Орлова и Яранска представлены сведения о семьях лишь основных городских сословий – купцов и мещан. Но так как в данный период они являлись преобладающими сословиями в вятских уездных городах, то, вычислив среднюю людность их семей, можно применить результаты в целом к городу. По результатам анализа людности данных городов можно выделить города с высокой людностью семей. К их числу можно отнести Елабугу – 6,9 чел., Малмыж – 5,9 чел., Сарапул – 5,8 чел. (по результатам однодневной народной переписи г. Сарапула, проведенной 28 ноября 1875 г., в городе насчитывалось 1722 семьи, с количеством членов семьи 10125 чел., таким образом, средний показатель людности сарапульских семей составлял 5,8 чел. [14, с. 3]). И города с более низкой людностью: Котельнич – 5,3 чел., Нолинск – 5,2 чел., Яранск – 5,2 чел., Орлов – 4,6 чел.

Одним из факторов, имевших влияние на количественный состав семьи Вятской губернии, являлись природно-географические условия. Так, В.Я. Заволжский в 1871 г., собирая сведения для Статистического комитета по экономическому быту населения северной части Вятской губернии, отмечал влияние природно-географического фактора на численность семьи. Крупные семейства с людностью до 11,2 чел. проживали в самом северном Слободском уезде. В Орловском и Котельничском уездах, где "население более склонно к дележу на мелкие семейства", средняя людность семей составляла 5,7 чел. [9, с. 15] Развитие промыслового хозяйства в северной части губернии способствовало сохранению больших неразделенных семей, так как семейная организация дела требовала большого количества работников.

Материалы переписи населения Российской империи 1897 г. свидетельствуют о сокращении, по сравнению с

первыми пореформенными десятилетиями, людности семьи вятских уездных городов в среднем до 4,3 чел. В городах с развитым сельскохозяйственным и мелким ремесленным производством, таких как Малмыж и Яранск, людность семьи была самой высокой и составляла в среднем 4,5 чел. Сельским хозяйством и мелким ремесленным производством занимались преимущественно семьями, и в работе принимали участие все члены семьи. Поэтому данные виды хозяйственной деятельности горожан диктовали необходимость иметь большую семью. В более крупных торгово-промышленных городах Слободском, Елабуге, Нолинске и Сарапуле людность семьи колебалась от 4,3–4,5 чел. В городах с более низким уровнем экономического развития Глазове, Котельниче, Уржуме показатель людности сократился до 4–4,2 чел. Самый низкий количественный состав семьи наблюдается в Орлове – 3,8 чел. Скорее всего, столь низкий показатель людности орловских семей связан с неблагоприятной экономической обстановкой, сложившейся в конце XIX в. в городе. Вятский губернатор А.Ф. Анисьин в своих записках об итогах ревизии и обозрения присутственных мест Вятской губернии в 1887 г. отмечал неудовлетворительное состояние города Орлова в хозяйственно-экономическом отношении: "Когда-то цветущий хлебной торговлей г. Орлов, сносясь непосредственно с Архангельским портом, имел не только местные конторы для закупки хлеба, но и иностранные. Ныне город почти не имеет никакой внешней торговли, и год от года в благосостоянии падает. Дома пустуют и некоторые представляют собой руины. Квартиры дешевы, но хороших нет" [6, л. 59]. В связи с закрытием в 1862 г. Архангельского порта благосостояние городов, осуществлявших через него внешнюю торговлю, пришло в упадок.

Важен вопрос о соотношении численного состава городских семей и их социальной принадлежности. Самые многочисленные семьи были у купечества. Исследования купеческих семей уездных городов Вятской губернии, проведенные И.В. Масловой, показали значительные колебания средней людности купеческих семейств на протяжении XIX в. Если в начале века размер купеческих семей составлял в среднем 6,6 чел., то уже к 1858 г. в отдельных городах губернии этот показатель увеличился до 8,2 чел. [12, с. 172, 173] Так, в процветавшем в торговом отношении г. Елабуге, средняя людность купеческих семей в 1860 г. составляла 8,1 чел. [5, лл. 1–25] Относительно других уездных городов Вятской губернии высокая людность отмечается в купеческих семьях Котельнича и Яранска, которая составляла в 1868 г. 7,3 чел. В Малмыже средний размер купеческой семьи составлял 6,8 чел., в Уржуме–6,5 чел., в Нолинске–4,1 чел. Самая низкая людность купеческой семьи наблюдалась в Орлове–3,9 чел., и скорее всего это связано с упадком внешней и внутренней торговли и неблагоприятной экономической обстановкой в городе в целом [4, лл. 3–240]. Демогра-

фический анализ купеческих семей западносибирских городов, проведенный Ю.М. Гончаровым, также показывает колебание людности купеческих семейств в XIX в. от 5,3 до 7,7 чел. [8, с. 140] Как отмечают исследователи российского купечества, размер купеческой семьи напрямую зависел от уровня ее благосостояния, степени развития семейного предприятия и экономического процветания уездного города в целом.

Семьи мещан существенно отличались по количественному составу от купеческих семей. Средняя людность мещанских семей была более приближена к количественным характеристикам крестьянства, так как источником пополнения мещанского сословия служило в основном крестьянство и небольшая часть военных. В первое пореформенное десятилетие средняя людность мещанских семей уездных городов Вятской губернии составляла в Малмыже–5,8 чел., в Елабуге–5,7 чел., в Нолинске–5,3 чел., в Котельниче–5,1 чел., в Яранске и Орлове людность мещанских семей была самой низкой [4, лл. 8–62, 5, лл. 26–64].

К концу XIX в. наблюдалось стойкое уменьшение людности мещанских семей. В мещанское общество Котельнича в 1886 г. входило 456 семейств с 950 ревизскими душами, наличных насчитывалось 1000 чел., т.е. средняя людность семьи составляла всего 2,3 чел. [2, л. 29] Исследователь городов и городского населения Поволжья А.Н. Зорин, анализируя структуру и людность мещанских семей г. Казани, отмечает, что средняя людность семей казанских мещан в 1898 г. составляла 3,4 чел. [10, с. 78] В целом мещанские семьи были меньше, чем купеческие, и в большей степени зависели от характера хозяйственной деятельности семьи.

Людность крестьянской городской семьи в первое пореформенное десятилетие была довольно низкой–4,8 чел. Семьи военных также были малолюдны и в среднем состояли из 4 чел. Дворянские семьи в городах традиционно были малочисленны с низкой средней людностью, которая составляла 3,5 чел. [4, лл. 180–240] Однако ввиду незначительности доли дворян в составе городского населения семейная организация горожан в пореформенный период складывалась главным образом под влиянием мещан, купцов и крестьян–переселенцев.

Таким образом, во второй половине XIX в. численный состав семей горожан Вятской губернии во многом определялся социально–экономическими преобразованиями, происходившими как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне. Увеличение межсословной мобильности городского населения приводило к изменениям в системе семейных ценностей горожан в данный период, что в итоге отражалось на количественных показателях семьи.

Значительное влияние на структуру семьи оказывала этноконфессиональная принадлежность. Так как семейно–брачные отношения у различных народностей и конфессиональных групп имеют свои особенности, этот факт находит отражение в людности семьи. По данным Вятского губернского статистического комитета, в городах губернии проживали наиболее распространенные группы семей по этноконфессиональной принадлежности: русские православные семьи, старообрядческие семьи, мусульманские семьи, еврейские семьи. В исследуемых нами посемейных списках разделение по национальному составу отсутствует. Единственным признаком национальной принадлежности, да и то весьма условным, являются имена и фамилии членов семьи. Крещеные–небольшие национальные группы: удмурты, марийцы, чуваша, принимавшие при крещении православные имена–не имели и этого признака. Поэтому более точные сопоставления показателей людности семьи можно сделать у русских, татар, евреев.

Был проведен анализ произвольной типологической выборки 50 еврейских семей, 50 татарских семей и 50 русских семей, проживавших в уездных городах губернии в 1880 г. [3, лл. 22–60, 7, лл. 7–68] Проведенный анализ имеющихся данных показывает, что во второй половине XIX в. татарские и еврейские семьи в среднем были более крупными, чем русские семьи. Так, если средняя людность русских семей составляла 4,3 чел., то татарские семьи состояли в среднем из 5,7 чел., а еврейские семьи из 4,8 чел. Но особенностью еврейских семей было то, что большинство семей составляла супружеская пара с детьми, эти семьи являлись нуклеарными. Людность еврейских семей увеличивалась за счет многодетности, в 18 семьях было больше трех детей. Многие русские и татарские семьи включали в свой состав несколько поколений родственников, а в некоторых семьях татарских купцов было по две жены.

При характеристике семей значительный интерес представляет собой вопрос о главенстве. В исследуемых нами обывательских книгах и посемейных списках не содержится указаний на то, кто являлся главой каждой отдельной семьи. Проанализировав последовательность записей членов семьи, можно проследить, что во второй половине XIX в. в основном сохранялась патриархальная традиция главенства старшего в семье мужчины. С него начинался перечень членов семьи, независимо от возраста старшей женщины. Например, в обывательской книге Елабуги 1860 г. записана семья купца III гильдии Матвеева Павла Николаевича–27 лет, женатого вторым браком на крестьянской дочери–20 лет, "при нем находятся: мачеха–30 лет, родные братья: Иван–23 лет, Василий–10 лет; сестра Елизавета–12 лет" [5, л. 20]. По Духовному завещанию их отца Николая Матвеева недвижимое имущество–дом наследовался его старшими сы-

новьями Павлом и Иваном, можно предположить, что семейное дело (торговля хлебом) также перешло в руки старшего сына Павла, а не его, более старшей, мачехи. Но встречались совершенно иные случаи главенства в семье. Например, семья купеческой вдовы III гильдии Шабалиной Настасьи Андреевны – 63 лет, "при ней находятся внуки – дети умершего сына: Александр – 22 лет, женатый на купеческой дочери – 25 лет, Василий – 12 лет, Ольга – 15 лет. Деревянный на каменном фундаменте дом со службами наследовала от мужа, в Елабуге занималась торговлей" [5, л. 36]. Учитывая распространенность женского вдовства, в рассматриваемый период подобные случаи не были редкостью. Таким образом, можно предположить, что главенство в семье определялось не столько возрастом и полом, традициями и законодательством, зачастую решающую роль в преемственности главенства семьи играла последняя воля предыдущего главы семьи.

Полнее проследить процессы, протекавшие в семьях горожан второй половины XIX – начала XX в., можно при анализе типологии семей. Современные исследователи предлагают большое количество подходов к классификации и типологизации семей. Наиболее распространенной в современной исторической демографии считается типология, разработанная группой ученых под руководством П. Ласлетта [11, с. 132–158.]. С учетом задач нашего исследования и имеющегося источникового материала, использование типологии П. Ласлетта, адаптированной к особенностям семей уездного города, является более приемлемым. Как уже отмечалось ранее, в типологический анализ семьи мы включаем только родственников по крови или по супружеству, без прислуги и других жильцов.

При анализе семей уездных городов Вятской губернии необходимо выделить четыре формы семейной организации:

1. Семья, состоявшая из одного человека.
2. Простая малая, или нуклеарная семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми, либо вдовца или вдовы с потомством. Главным признаком является то, что эта семья основана на супружеских узах. Если один из родителей умирает, то овдовевший супруг или супруга с детьми продолжают рассматриваться как супружеская семья, поскольку такая детско-родительская единица возникла в результате брака.
3. Расширенная семья, состоящая из супружеской пары с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях, т.е. сестры, братья, один из родителей супругов и т.д. В том случае, если дополнительный член – входящий в состав семьи представитель старшего поколения, то семья считается восходящей. Если речь идет о внуках, племянниках, то семья квалифи-

цируется как нисходящая. Наличие брата, сестры или кузенов главы семьи квалифицирует семью как расширенную по боковой линии.

4. Составная, или сложная семья, включающая две и более супружеские пары. В эту категорию входят также и так называемые большие патриархальные отцовские или братские семьи (если объединяют супружеские пары братьев и сестер), которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар.

При анализе внутренней структуры семей уездных городов Вятской губернии за 1868 г. учитывались семьи основных городских сословий – купцов и мещан по городским обывательским книгам. Анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показал, что в середине XIX в. большинство семей горожан уездных городов Вятской губернии имели простую семейную ячейку, которую составляли, как правило, родители с неженатыми детьми. Семья елабужского купца I гильдии Ушкова Капитона Яковлевича в 1860 г. насчитывала 13 человек, но по типологии П. Ласлетта она классифицируется как простая, или нуклеарная семья, так как состояла из супружеской пары с неженатыми детьми [5, л. 41]. Большинство таких семей были полными. Например, наибольшее количество неполных семей, в основном это вдовы, проживавшие с детьми, и намного реже вдовцы с детьми, зафиксировано в Орлове – 13,5 % [4, лл. 112–180]. Простые семьи были распространены у мещанского сословия, так как многие из них домов не имели и жили на съемных квартирах, что не позволяло иметь большую семью. В купеческих и мещанских семьях, занимавшихся торговлей или имевших свое производство, как правило, женатые сыновья не спешили отделиться, и часто в источниках встречаются большие сложносоставные семьи. Поэтому довольно большую группу составляли сложные по своей структуре семьи, которые были представлены в основном родителями с женатыми детьми, а также женатыми братьями с детьми, реже родителями с вдовыми дочерьми и внуками. Так, семья нолинского мещанина Лошкина Аристарха Ивановича, которая имела собственное производство – крашение холстов, насчитывала 32 человека. Ядро семьи составляла супружеская чета главы семьи и их дети. Лошкин Аристарх Иванович (99 лет), его вторая супруга (63 года) и четыре супружеские пары: младшего сына с тремя детьми, супружеские пары трех внуков, от умершего старшего сына, с детьми и вдова умершего среднего сына с четырьмя детьми [5, л. 9]. По нашей типологии она классифицируется как сложная, включавшая в себя 6 супружеских пар.

Следующую, довольно распространенную, группу семей по внутренней структуре составляли различные варианты расширенных семей – 9,7 %. Довольно часто в расширенных семьях вдовы родители жили с женатыми

детьми или внуками. Примером восходящей расширенной семьи можно считать семью нолинского купца III гильдии 31 года, женатого на мещанской дочери 28 лет, проживавшего с бабушкой 70 лет и неженатыми братьями-близнецами 28 лет [5, л. 17]. Большую группу составляли одинокие – 7,5 %. В основном эта группа представлена бездетными вдовами, реже вдовцами и приехавшими на заработки неженатыми молодыми людьми, проживавшими либо в семье хозяина, либо снимавшими углы и комнаты.

Выборочный анализ переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по г. Елабуге показал, что к концу XIX в. простые семьи по-прежнему являлись наиболее распространенными среди основного населения уездных городов Вятской губернии – мещан и крестьян. Сократилось количество сложных семей, однако несколько увеличилось количество расширенных семей и одиноких.

Во второй половине XIX – начале XX в. важными при-

знаками начавшихся процессов эволюции семьи в среде уездных городов являлись изменения во внутренней структуре семей. На всем протяжении изучаемого периода наблюдалось уменьшение средней людности семей горожан, что было связано с увеличением процесса разделения, дробления семей. Сохранялись этноконфессиональные особенности городских семей. Татарские и еврейские семьи были более многолюдные, чем русские. В семьях горожан сохранялась патриархальная традиция главенства старшего в семье мужчины. Анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показал, что в середине XIX в. большинство семей горожан уездных городов Вятской губернии имели простую семейную ячейку, которую составляли, как правило, родители с не женатыми детьми. В купеческих и мещанских семьях, занимавшихся торговлей или производством были распространены большие сложносоставные семьи, состоявшие из нескольких супружеских пар. Несмотря на различия в социальной и этноконфессиональной принадлежности во второй половине XIX – начале XX в. складывалась общая по структуре городская семья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, А.Г. Семья – объект демографии / А.Г. Волков. – М.: Статистика, 1986. – 281 с.
2. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 78.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1346.
4. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 423.
5. ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 250.
6. ГАКО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 68.
7. ГАКО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 5.
8. Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 384 с.
9. Заволжский, В.Я. Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии / В.Я. Заволжский. – Вятка: Скоропечатня Анисимовых и Блиновой, 1871. – 95 с.
10. Зорин, А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин. – Казань: Издательство Средневолжского Научного Центра, 2002. – 693 с.
11. Ласлетт, П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Бачность, рождаемость, семья за три века: сборник статей / Под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. – М.: Статистика, 1979. – С. 132–158.
12. Маслова, И.В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. / И.В. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 352 с.
13. НА РТ. Ф. 991. Оп. 1. Д. 1, 20.
14. Однодневная перепись г. Сарапула // Вятские губернские ведомости. – Вятка, 1875. № 55. – С. 3.
15. Янкова, З.А. Городская семья / З.А. Янкова. – М.: Наука, 1979. – 184 с.

© Г.М. Бурдина, (burdinagm@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Ни о чем не думает лишь тот,
кто ничего не читает."
Д.Дидро

КАЗАЧЬИ ПОСЕЛЕНИЯ 3-его ОТДЕЛА СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: УПРАВЛЕНИЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

THE COSSACK SETTLEMENTS OF THE 3rd SIBERIAN COSSACK DIVISION TROOPS IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY: MANAGEMENT, ECONOMIC ACTIVITIES, SOCIO - ECONOMIC DEVELOPMENT

D. Kolupeev

Annotation

The history of the Siberian Cossack army becomes the subject of ongoing scientific interest of Russian historiography. However, the history of individual regions of the settlement of the Siberian Cossacks are also poorly represented in the research literature. Only in the recent time the historical description of the individual administrative units of the Siberian Cossack troops has become the subject of interest of local historians, but these studies are only in the context of the General works on the history of the Siberian Cossacks. This essay is an attempt to describe for the first time a separate detachment of the Siberian Cossacks, the so-called 3-th Department of the Siberian Cossack troops, which included the land of the Cossack settlements by the river Irtysh, the area of the cities of Ust-Kamenogorsk, Semipalatinsk, Pavlodar.

Keywords: socio – economic development of the Cossacks, Cossack army, the Siberian Cossacks, the departments of the Siberian Cossack troops, the management of Cossack lands.

Колупаев Дмитрий Владимирович

*Д.ист.н., профессор
Алтайского Государственного
Технического Университета
им. И.И. Ползунова*

Аннотация

История Сибирского казачьего войска становится предметом постоянного научного интереса отечественной историографии. Однако история отдельных регионов расселения сибирских казаков ещё слабо представлена в исследовательской литературе. Лишь в последнее время историческое описание отдельных административных подразделений Сибирского казачьего войска стало предметом интереса отечественных историков, но эти исследования проходят только в контексте общих работ по истории сибирского казачества. Данный очерк представляет собой попытку впервые описать отдельный отряд сибирского казачества, так называемый 3-й отдел Сибирского казачьего войска, который включал в себя земли казачьих поселений по течению реки Иртыш, район городов Усть – Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар.

Ключевые слова:

Социально – экономическое развитие казачества, казачество, Сибирское казачество, отделы Сибирского казачьего войска, управление казачьими землями.

История Сибирского казачьего войска становится предметом постоянного научного интереса отечественной историографии. Однако история отдельных регионов расселения сибирских казаков ещё слабо представлена в исследовательской литературе. Лишь в последнее время историческое описание отдельных административных подразделений Сибирского казачьего войска стало предметом интереса отечественных историков, но эти исследования проходят только в контексте общих работ по истории сибирского казачества [1]. Данный очерк представляет собой попытку впервые описать отдельный отряд сибирского казачества, так называемый 3-й отдел Сибирского казачьего войска, кото-

рый включал в себя земли казачьих поселений по течению реки Иртыш, район городов Усть – Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар.

Во второй половине XIX века территория Сибирского казачьего войска представляла достаточно узкую линию поселений, растянувшуюся от земель Оренбургского казачьего войска до тогдашней границы Китая с Российской империей. Её общая протяжённость составляла около 2000 км [21, С.226]. Земли Сибирского казачьего войска не представляли собой какой – либо сплошной или сомкнутой территории, а тянулись узкой линией по северным районам лесостепной полосы киргизских сте-

пей, отделяя южные районы Тобольской и Томской губерний и земли Алтайского Горного Округа, от мест кочевого скотоводства киргиз (казахов).

Вся полоса казачьих поселений от границ Оренбургского казачьего войска до г. Омска называлась Горькой линией, иногда Пресногорьковской; От Омска линия казачьих поселений поворачивала на юго – восток и проходила по правому берегу реки Иртыш до г. Усть – Каменогорска. Эта часть поселений Сибирского казачьего войска называлась – Иртышской линией. В плане административного управления Сибирским казачьим войском территория Иртышской линии получило название – 3 отдел Сибирского казачьего войска.

Процесс управления войском осуществлялось: административно – через Войсковое хозяйственное управление (на местах – через атаманов отделов), в военном – через военную канцелярию. При этом военная канцелярия войска выполняла роль войскового штаба, а Войсковое хозяйственное правление имело функции областных или губернских земских управ, ведая войсковыми землями, лесами и водными ресурсами на территории, подвластными войску. В ведении Войскового хозяйственного правления находились также вопросы по общественному управлению казачьими станицами. Войсковой наказной атаман, военная канцелярия и Войсковое хозяйственное правление находились в городе Омске. Отделы Сибирского казачьего войска и соответственно атаманы и управления отделов распределялись: первый отдел – в г. Кокчетаве, второй – в г. Омске, третий – в г. Усть – Каменогорске.

Реформы в управлении Сибирского казачьего войска в 1869 году предусматривали, что в Акмолинской и Семипалатинской областях будут созданы Войсковые хозяйственные правления [15, Л.44]. В их компетенцию входили следующие функции: "Первое отделение: 1. Сбор ремонтной пошлины. 2. Постройка и исправление войсковых зданий и церквей, а также ремонтное их. 3. Зачисление в торговое общество казаков и взыскание с них в доход войска пошлины. 4. Сбор 0,25% пошлины с иногородних лиц за право торговли в войске. 5. Установление такс для станичных доходов и наблюдение за правильным их поступлением и забота об увеличении их. 6. Утверждение станичных смет. 7. Дозволение разночинцам селиться в казачьих селениях с известной платой. 8. Постройка мукомольных мельниц и взимание за это арендной платы. 9. Отчётность по хозяйственному управлению о зданиях и имуществе их, а также заготовление и расходование канцелярских припасов и дров на отопление. 10. Заведование войсковой общественной землёй, размежевание земель вообще и отвод офицерам в пожизненное владение участков. Отдача в арендное содержание свободных войсковых земель. 11. Сохранение от порубки лесов, как на войсковой земле, так и на станич-

ных юртах. 12. Снабжение шнуровыми книгами вообще по хозяйственному управлению. 13. По обеспечению народного продовольствия и о предоставлении сведений об урожае хлеба и трав, о запасах войсковых и общественных магазинов и взыскание ссуд и недоимок. 14. Неоконченные дела по почтам. 15. Земская гоньба в войске. 16. О выдаче прогонных чинам, командиремым по делам службы. 17. Дела по войсковым начётам. 18. Поверка отчётов о церковных суммах. 19. Заведование войсковой библиотекой и архивом.

Второе отделение. 1. Удовлетворение находящихся в гвардии и в жандармах казаков и их семейств от войска пособием. 2. Выдача денежных наград и пособий. 3. выдача ссуд из войскового возвратного капитала. 4. Раздача пособий из безвозвратного капитала и составление такового из процентов с войсковых доходов. 5. О военном капитале и о заготовлении на оный оружия и прочего снаряжения. 6. Об удовлетворении и содержании хора войсковых музыкантов. 7. Содержание войсковой учебной сотни. 8. Довольствие и обмундирование учеников в фельдшерской школе. 9. Содержание Главного управления Иррегулярных войск, Хозяйственного правления, 1-го отделения Главного управления Западной Сибири, Межевой партии, Атаманских отделов и Станичных правлений, Содержание войсковых училищ, удовлетворение жалованьем офицеров, духовенства, лекарей, ветеринаров и содержание лазаретов. 10. Заведование за состоящими в складах отделов материалами для снаряжения казаков на службу и заготовлении им материалов. 11. О довольствии подсудимых и в домах умалишённых лиц казачьего сословия. 12. Отпуск денег на содержание и воспитание детей войсковых чиновников по Высочайшим разрешениям. 13. Взаимобразная из войсковых сумм выдача. 14. Взыскание денег за производство в чины и за пожалованные ордена. 15. Удовлетворение внутренне служащих чинов по нарядам. 16. составление войсковых смет и требование от казны по утверждённым сметам денег" [7, Л.Л. 5 – 8]. Содержание вышеприведённого документа отображает структуру разграничения компетенций по хозяйственному управлению землями Сибирского казачьего войска между отдельными подразделениями Войскового хозяйственного правления. Первое отделение по своим задачам представляет собой своеобразное сочетание управления экономики, транспорта, капитального строительства, землепользования – вообще оперативного управления экономическими и хозяйственными процессами в войске. Второе отделение в своей деятельности соединяло функции управления финансов, образования, здравоохранения и социального развития.

Таким образом, описывая систему управления Сибирским казачьим войском, можно сделать следующие выводы. Само войско в общей российской системе государственного управления, представляло собой военизированную структуру, имевшую помимо сугубо военных

задач, ещё и задачи хозяйственные, экономические и социальные. Казачье войско здесь выступает не только как военная организация, но и как самостоятельная социальная страта российского общества, жизненной задачей которого является не только подготовка казаков к "государевой службе", но и обеспечение самодостаточного социально – экономического процесса каждодневного воспроизводства казачьим обществом своих исторических форм общежития и традиций.

Картина распределения населения в поселениях Сибирского казачества по полкам, как административным единицам в Сибирском казачьем войске, видна из рапортов уездных начальников. Из поступивших в распоряжение Войскового хозяйственного правления рапортов о движении населения известно, что в 1860 году население станиц 9 полка сибирского казачьего войска насчитывало – м.п. – 4756 чел, а ж. п. – 4998 чел. прирост по сравнению с 1859 годом составил 2475 чел [4, л.2]. С 1865 г., с Высочайше утверждённого положения о губернских и областных статистических комитетах, в Сибирском казачьем войске появилась уже официальная статистическая служба [5, л.2.]. В том же 1865г. появились первые обобщающие сведения о составе населения Сибирского казачьего войска. Тогда же начала устанавливаться градация состава населения: количество лиц войскового звания – собственно казачьего населения обоего пола и всех возрастов и вероисповеданий, а также лиц невойскового сословия, часто именуемых иногородними. К последним относились поселенцы в казачьих станицах, не принадлежавшие к казачьему сословию. Первые статистические опыты в 1869 г. дали следующие результаты (по Семипалатинской области): население казачье – м.п. 15363, ж.п. 15156, из них лиц духовного звания (священнослужителей) – м.п. 71, ж.п. 70. Лиц невойскового сословия – м.п. 1245, ж.п. 1021. Всего – м.п. – 16 619. ж.п. 16247. Общее количество населения – 32 856 человек [6, л.124].

В Павлодарском уезде Сибирского казачьего войска в 1879 году продолжали вести подсчёт населения как по старинным правилам – по вероисповеданию, так и распределяли его по национальному составу. Всё население уезда, как войсковое, так и невойсковое, составляло 7168 человек обоего пола [8, л.2]. Среди них православных было 6751 человек – 94,16%, то есть подавляющее большинство. Мусульмане составляли в Павлодарском уезде 5,35 населения. Национальный состав уезда представлял собой следующую картину: казаков – великорусов (русских) – 3343 лица м.п. и 3497 лиц. ж.п.; казаков – киргиз – 8 лиц м.п. и 6 лиц ж.п. Невоисковое население: великорусов (русских) – 173 лица м.п. и 161 лицо ж.п.; поляки – 2 лица м.п.; татары – 131 лицо м.п. и 85 лиц ж.п.; киргизы – 22 лица м.п. и 22 лица ж.п [8, л.л.17об – 18].

В Семипалатинском уезде национальная палитра вы-

глядела следующим образом. Казачье население: великорусы (русские) – 6274 человека обоего пола, татары – 30 человек обоего пола. Невоискового населения – великорусов – 201 человек обоего пола и 11 белорусов ж.п [8, л.л.12об, 127].

На территории Сибирского казачьего войска постоянно проживали различные этнические группы, относящиеся к невоисковому сословию. Наиболее значительными из них были представители кочевых и полукочевых киргиз или по современной терминологии – казахов. Многочисленные роды, а иногда и племена постоянно торговали в казачьих станицах, в основном меновым торгом, нанимались в наёмные рабочие в казачьи семьи. Таковых работников называли – "джетак", от глагола – лежать. Киргизы, по какой либо причине потерявшие свой скот, не могущие кочевать в степи, оставались в казачьих станицах на подённую работу, иногда вместе с семьями [19, с.122]. Временами, если большие группы "киргиз" надолго располагались среди казачьих станиц на поселение, их население причислялось к невоисковому сословию, поскольку представители киргизских родов платили в станичные кассы положенные невоисковому, иногороднему населению денежные взносы. Однако постоянно "киргизы" среди казаков не селились, предпочитая кочевать. Поэтому в ежегодных отчётах о состоянии Сибирского казачьего войска численность их всё время варьируется от нескольких тысяч до десятков тысяч человек. Особняком здесь стоят те "киргизы", которые поступили в Сибирское казачье войско, поверстались в казаки. В отличии от татар, киргизские казаки "неофиты" сразу принимали православие и быстро растворялись в казачьем православном мире, сохраняя только этнографические особенности в быту и своеобразные фамилии (например, Киргизов, Джетаков и др.)

В Семипалатинском уезде в 1879 году структура семейно – брачных отношений выглядела следующим образом. Женатых мужчин и замужних женщин соответственно по 1273 человека. Холостых мужчин – 1713, незамужних женщин – 1868. Вдовцов – 105, вдов – 204 [8, л.129]. Таким образом, из 6274 человек казачьего населения семейно – брачными отношениями в уезде охвачено 40,5% всего казачьего населения. Вдовья составляют 4,9% казачьего населения. Демографический резерв в казачьих поселениях семипалатинского уезда составляет 45,6 %. При этом стоит отметить особое положение семипалатинского уезда в этом вопросе – в нём количество невест превышает количество женихов – на 155 человек (на 4,5%). Случай, по-своему уникальный для казачьих станиц. Количество многодетных семей – более 8 человек в семье, в семипалатинском уезде составляло 123 семьи, мене 8 домочадцев – 1029 [8, л.129]. Из этого следует, что в многодетных семьях в уезде проживало 15,7 % казаков. Казачьего населения родилось в означенном уезде – 151 человек м.п., 161 чело-

век ж.п., всего – 312 человек. Умерло в казачьих станицах – м.п. – 127 человек, женского – 124 человека, всего – 251 человек [8, л.л.110–110об.]. Естественный прирост населения – около 1%.

Картину роста населения в казачьих поселениях, находившихся в подчинении администрации 3-го отдела Сибирского казачьего войска, а также общих показателей смертности представляет нижеследующая таблица.

Таблица 1.

Смертность и рождаемость
в поселениях Сибирского казачества в 1879 г.

Уезды	Родилось в 1879 году М.П. Ж.П.		Умерло в 1879 году М.П. Ж.П.	
	Атбасарский	29	18	34
Павлодарский	199	190	132	158
Семипалатинский	151	161	127	124

Как видно из материалов таблицы 1 в двух из трёх уездов Сибирского казачьего войска рождаемость превышала смертность – на 155 человек: в Павлодарском уезде на 25,38%, в Семипалатинском уезде на 19,7%. В принципе, в структуре процесса рождаемости сохраняется преимущество мальчиков над девочками, хотя в Семипалатинском уезде в 1879 году девочек родилось больше на 10 человек. Смертность показывает относительное равенство в количестве умерших женщин и мужчин. Со второй четверти XIX увеличение населения в поселениях сибирского казачества происходит, почти исключительно, путём естественного прироста.

Вопрос о развитии общеобразовательных учреждений в поселениях сибирского казачества с последней четверти XIX века стал заботой войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. В его канцелярию постоянно поступали отчёты станичных атаманов о состоянии народных училищ. По поступлению всех отчётов в Войсковое правление делался их анализ. В середине 1880 гг. обычная школа в казачьей станице выглядела следующим образом. Школы были смешанные, мальчики и девочки учились вместе, но классы и процесс обучения был раздельный. Учёба продолжалась 6 часов в день, продолжительность урока была административно не определена, но не более часа. В день проходило не более 4 уроков. Между уроками были три перемены – одна 30 минут, и две по 5 минут [10, л. л.2 – 3]. Каких-либо игр гимнастики и пения во время перемен не поощрялось.

Школы в станицах, как мужские, так и женские, основывались по приговору станичного общества на станич-

ном сходе. Мужские классы состояли из 30 – 40 человек. При этом учились не все дети. Как правило старшие сыновья были менее грамотны, чем их младшие братья, потому что родители своих старших детей часто отвлекали на хозяйственные работы, как-то: уход за скотом, косьба, присмотр за младшим поколением. Девочки в казачьих смешанных школах составляли 3 – 5% учащихся. Связано это было с тем, что девочек не отдавали в школу из-за необходимости оказывать помощь матери по домашнему хозяйству или по уходу за младшими детьми, а также из-за укоренившегося среди казачьего населения мнения, что девочкам особой грамотности не нужно [21, с.226].

Отчёт атамана 3-его отдела Сибирского казачьего войска, в который входили станицы, расположенные по Бийской линии (на Алтае) и по обоим берегам среднего течения Иртыша, включал в себя следующие данные по развитию школьного дела в подчинённых ему станицах. "Училищ 2-х классных – одно и начальных 63. Из них мужских школ – 2 и женских – 2, остальные смешанные. Обучалось 1483 мальчика и девочек. Больше всего учеников в Чарышском 2-х классном училище – 59. Меньше всего в Талгирском посёлке – 9. учеников. В части посёлков нет школ, и дети из них ходят в соседние. 1483 учащихся на 32693 числа жителей отдела. Одно училище на 511 жителей обоего пола. Учащихся – 4,5 % от общего числа душ обоего пола населения отдела. Мальчиков – учащихся – 8% от всего населения мужского пола, девочек – учащихся – 1,04%" [13, л.л.41 – 42]. Анализ вышеприведённых цифр показывает, что число школ на число жителей в 3-ем отделе Сибирского казачьего войска больше, чем в первом. Больше и учеников – мальчиков, почти на 40%, хотя число учеников девочек меньше более чем на 20%. Большая плотность школ в 3-ем отделе объясняется тем, что в нём располагалось больше крупных станиц и больше городов.

Общее состояние школ в 3-ем отделе на 1887 год представляло собой следующую картину. "Из 64 школ – 29 помещаются в собственных специально для них построенных зданиях; 35 располагаются по частным квартирам. Учителей – 59 человек. Большинство находятся на окладе в 120 рублей в месяц. 40 мужчин и 19 женщин. Большинство мужчин – учителей – казаки – отставники; учителя – женщины окончили гимназию. Все учителя содержатся на войсковые средства" [13, л.л.44,55,61–75]. Касаясь социального состава учителей станичных школ 3-его отдела, следует отметить, что число мужчин в них превышает число женщин, но образовательный уровень последних выше.

Отчёт о состоянии начального образования в казачьих станицах 3-го отдела сибирского казачьего войска за 1891 год, выглядел следующим образом. "В 3-ей отделе 80 поселений, 67 начальных школ, из них – 1 женская, 2

– мужские и остальные смешанные. Учащихся – мальчиков 1427, девочек – 198. 53 школы имеют собственные помещения, 13 расположены в наёмных квартирах и одна расположена при станичном правлении. На школы с каждого населённого пункта поступало 12 рублей 50 копеек в год... Учителей 63 – 38 мужчин и 25 женщин. Из учителей мужского пола окончили: учительскую семинарию – 9 человек, военные школы – 4 человека, городские училища – 16 человек, Чарышское двухклассное училище – 2 человека, военный отставник – 1 человек, ветеринар – 1 человек. Женщины – учителя: 1 окончила женскую гимназию, 23 окончили женские прогимназии и 1 – домашнее образование. Оклады у учителей трёх категорий: низший – 120 рублей; средний – 200 рублей; высший – 300 рублей" [14, л.л.102–107].

Как видно из приведённых данных в станицах 3–го отдела количество школ увеличилось с 1887 года. Качественно изменился и состав учителей мужчин, среди которых стало больше образованных людей.

Если сравнить данные о количестве учителей в 1887 году и в 1891 году, то можно выяснить следующие закономерности. В 1887 году в начальных школах в станицах сибирского казачества преподавали 158 человек, а в 1891 году – 151 человек.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные о жизни казачьих станиц Иртышской линии Сибирского казачьего войска – 3–й отдел в административной номенклатуре, позволяет сделать следующие выводы.

Социально – экономическая действительность Российской Империи во второй половине XIX века всё больше заставляло сибирских казаков настраивать своё хозяйство на новый, рыночный лад. Торговля переставало быть преимущественно меновой и всё более включало в себя товарно – денежные обороты. На казачьих землях медленно, но верно стали создаваться промышленные предприятия, пусть и пока только обрабатывающего характера. Производство сельскохозяйственной продукции и продукты рыбного промысла всё более ориентированы были не на местное потребление, а на продажу.

Все эти факты говорят о том, что казачье хозяйство, оставаясь по форме корпоративным, общинным, по сути вступило в стадию рыночной трансформации. При этом следует отметить, что казачья общность у Сибирских казаков не только не мешала формированию пред рыночных структур в станицах, но и способствовала методами общинной солидарности успеху первых казачьих предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.М. Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808 – 1919). – Омск, 2005.
2. ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д. 288. Л. 96.
3. ГАОО. Ф.67. Оп.1. Д.783. Л.Л. 1,5.
4. ГАОО. Ф.67. Оп. 1. Д. 861. Л.2.
5. ГАОО. Ф.67. Оп.1. Д. 1014. Л.2.
6. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д.1098. Л.124.
7. ГАОО. Ф.67. Оп.1. Д.1114. Л.Л. 5 –8.
8. ГАОО.Ф.67.Оп.1.Д.1305. Л. 2.
9. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1306. Л. 172.
10. ГАОО. Ф.67. Оп. 1. Д.1473. Л.Л. 2–3.
11. ГАОО. Ф.67. Оп. 1. Д.1473. Л.Л. 2–3.
12. ГАОО. Ф.67. Оп.2. Д. 1713. Л.Л. 12,14.
13. ГАОО. Ф.67. Оп.2. Д. 1548. Л.Л. 41 – 42.
14. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1684. Л.Л. 102 – 107.
15. ГАОО. Ф.75. Оп.1. Д. 81. Л. 44.
16. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т.1. – М., 1862. С. 67.
17. Овчинников Н.П. Очерки хозяйства казаков сибирского войска. – Омск, 1916. С.37.
18. Остафьев В.Д. Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска. СПб., 1897.
19. Потанин Г.П. Сибирские казаки/Живописная Россия. Т.11.СПб., 1884. С. 112
20. РГВИА. Ф. 1450. Оп.6. Д. 153. Л. 1.
21. "Сибирский казак". Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. – Харбин, 1934. С.226.
22. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 181 – 183.

ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(по материалам итоговых документов Архиерейских соборов 1990-2013-х гг.)

PROBLEM-ORIENTED CONTENT
ANALYSIS OF THE YOUTH MOVEMENT
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
(based on the outcomes of the Council
of Bishops of 1990-2013-ies.)

E. Koroplysova

Annotation

The article considers the establishment of the youth movement based on the use of quantitative and qualitative analysis of the official final documents of the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church. The purpose of the study is to identify the degree of a growing interest the Church shows regarding the problems of young people. The analysis enabled to define periodization of the historical process of development of the youth movement of the ROC, in which the year 2000 was important for the formation of the organizational structure of the youth work of the Church and transition for many Orthodox youth associations. The article also had to identify the main directions of work with young people, which the Church defines as a priority during the 1990s and 2000s. This includes educational, information and publishing as well as sports and recreational forms of work with young people among which sports and recreation is paid much more attention to. Despite this, the problem of a lack of scientific methods and staff of the cathedral in 2008 became the most noticeable and disputed which can be seen in the increase of the number of projects and activities.

Keywords: content analysis, the youth movement, the Orthodox Youth Association, the Russian Orthodox Church service.

Короплясова Екатерина Валерьевна
Аспирант, Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье на основе использования количественного и качественного анализа официальных итоговых материалов Архиерейских Соборов Русской Православной Церкви рассматривается становление молодежного движения. Целью исследования послужил процесс выявления степени роста интереса к проблемам молодежи со стороны Церкви. Проведенный анализ позволил окончательно выделить периодизацию исторического процесса развития молодежного движения РПЦ, в котором 2000 год стал важным для формирования организационной структуры по молодежной работе Церкви и переходным для многих православных молодежных объединений. А также, определить основные направления работы с молодежью, как приоритетные в течении 1990-х и 2000-х гг.

Ключевые слова:

Контент-анализ, молодежное движение, православное молодежное объединение, Русская Православная Церковь, служение.

Русская Православная Церковь (далее РПЦ) одной из главных своих задач ставит воспитание и образование детей и молодежи, формирование в молодежной среде традиционных духовно-нравственных ценностей. Начиная с 1990-х гг., Церковь постепенно формирует молодежную политику и вырабатывает приемлемые для себя формы деятельности.

Вопросы построения качественной конфессиональной молодежной политики, по мнению исследователя данного вопроса С.О. Елишева [Елишев, 2013], это задача не только религиозных организаций, но и забота государства. Проблемы молодежи в Церкви освещаются как в работах церковных деятелей [Пелин, Григорьев, 2011], так и в отдельных в работах междисциплинарных иссле-

дователей, касающихся религиозности современной российской молодежи, феномена добровольчества или молодежных организаций [Давыдов, 2002; Криворученко, 2010; Луков, 2012; Хохлова, 2007; и др.]. Между тем, молодежное движение Православной Церкви в России пока не получило должного освещения.

В целях подробного изучения процесса формирования молодежной политики Русской Православной Церкви и условий, в которых складывается православное молодежное движение, нами был использован качественно-количественный метод анализа официальных документов Церкви. А именно, контент-анализ документов по итогам проведения заседаний Архиерейских и Поместных Соборов Русской Православной Церкви, прошедших

в 1990–2013 гг. (всего 6 Соборов в первый период 1990–2000–х гг. и 6 во второй период 2000–2013–х гг.).

Для начала отметим неоднозначность понятия "молодежное движение". Как правило, его рассматривают в виде совокупности всех молодежных организаций, как чисто политическое явление, или же, как форму социальной активности молодежи. Поскольку, мы рассматриваем историю молодежного движения, активность которого ограничена в рамках социального института Русской Православной Церкви, то данное понятие будем употреблять в качестве совокупности деятельности православных молодежных объединений, действующих под эгидой Русской Православной Церкви в России с начала 1990–х гг. XX века.

Прежде всего, целью применения данного метода является компаративная квантификация и оценка в относительных величинах степени уделенного внимания вопросам и проблемам подрастающего поколения и молодежного движения, которые определяются Церковью как первостепенные в тот или иной период.

Объектом формализованного анализа послужили документы, в которых отражены вопросы, касающиеся всех сфер жизни Церкви и общества. Это, прежде всего повторяющиеся стандартные итоговые послания "пастве" и обществу от лица Церкви, такие, как "Послание Собора клиру, монашествующим, мирянам и всем верным чадам Русской Православной Церкви", "Определение Собора "О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви", "Определение о вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви", "Определение о вопросах внешней жизни Русской Православной Церкви", а также доклады Патриархов московских и Всея Руси, которые содержат итоги по деятельности Церкви в различных сферах в межсоборный период. Остальные документы не были включены в список анализируемых документов, т.к. несут в себе специфические задачи и являются узконаправленными, например, о вопросах канонизации святых, отделении Украинской Православной Церкви, принятии устава и другие. Поэтому были исследованы только документы общего характера, в которых так или иначе освещаются проблемы молодежи.

Категориями анализа выступают слова и словосочетания по теме молодежи и молодежного движения, такие как, "молодежь", "дети", "молодежное движение", "молодежная работа", "молодежное служение" и др. За единицу анализа была взята лингвистическая единица. Данный показатель представлен в виде количественного выражения слов, которые могут быть отнесены к одной из категорий. Подсчет частоты упоминаний произведен в от-

носительных величинах. Абсолютной величиной одного документа, одного Соборного мероприятия, одного года и одного периода выступают количество слов всего текста, сумма слов всех исследуемых документов данного мероприятия, сумма слов всех исследуемых текстов за год (даже если в год несколько соборных мероприятий) и общая сумма слов проанализированных текстов указанного периода, соответственно. После каждого года подведен итог и общий процент употребления темы молодежного движения за определенный год. Аналогичным образом произведен подсчет частоты упоминаний по категориям. Именно данное число позволяет отметить процент, который с течением нескольких лет был отведен данной теме в документах Собора Архиепископов.

Итог по каждому из 2–х периодов в количественном эквиваленте указан как среднее арифметическое значение частоты упоминаний единиц анализа в документах Соборов молодежной тематики. Таким образом, при обращении к использованию в исследовании метода контент-анализа в отношении официальных итоговых документов Архиерейских соборов Русской Православной Церкви, касающихся общих вопросов, прослеживается значительный рост внимания к разносторонним проблемам воспитания молодежи и подростков именно после 2000–х гг.

С учетом показателя количества слов, уделяемых вопросам молодежи, молодежного движения, относительно общего количества слов того или иного документа, разница весьма заметна. За первый период проблемы молодежной работы Церкви: будь то миссионерская работа в молодежной среде, программы, поддержка молодежной инициативы, движения, показатель среднего значения составляет 2,11%, а за период с 2000г. – 5,79%. Данный факт можно объяснить причиной необходимости для РПЦ в период с 1990 по 2000–е гг. в первую очередь решать вопросы организации нормального функционирования Церкви в целом. Тем не менее, к проблемам работы с молодежью обращались и в истории молодежного служения основное содержание данного периода заключается в поиске подходов, форм и методов осуществления качественных молодежных программ. Результатом подобных настроений явилось создание центральной организации с претензией на общецерковный масштаб, а именно Всероссийское Православное Молодежное Движение (далее ВПМД). Но процесс становления молодежного движения происходил в различных формах: школы, братства, летние лагеря и пр., зачастую никак не связанных с деятельностью ВПМД. В 1994 году подчеркивается "важность молодежной работы в Церкви", но при этом констатируется, что "наравне с весьма успешной в этой сфере деятельностью в центре и в ряде епархий, организованного общецерковного молодежного движения до сих пор фактически не существует, как не существует и специфиче-

ски молодежной работы в большинстве приходов" [Определение Архиерейского Собора, 1994]. В качестве мер было предложено "оказание поддержки детской православной организации как в становлении ее центральной структуры, так и в создании соответствующих подразделений на местах" [Там же]. В первой половине 1990-х гг. ВПМД не сумело сыграть главную роль, поэтому движение представляло из себя сосуществование различных молодежных объединений, действующих разобщенно, но развивающих схожие направления. Это привело к тому, что в 2000 году ВПМД путем реорганизации становится базой для Синодального отдела по делам молодежи и соответствующего ему отделы в различных епархиях. Накопленный в епархиях опыт поставил новые задачи: расширить организационные формы, определить новые направления. Этот опыт и принятая Юбилейным Собором 2000 года "Концепция молодежного служения РПЦ" обусловили начало нового этапа молодежного служения РПЦ.

Показатели соборов 1990 и 1992-х гг. сравнительно невелики и не превышают даже 1%. На первом месте стояли вопросы восстановления всех сфер жизнедеятельности Церкви, так как в конце 1980-х – начале 1990-х гг. были открыты и восстановлены епархии в основном в центральной части России, возобновлялась работа исторических епархий и образовывались новые. Было необходимо наладить систему подготовки священнослужителей, выстроить систему отношений с новой государственной властью, с зарубежными Православными Церквями, остро стоял вопрос реставрации возвращенных храмов и монастырей и т.д. Несмотря на это, вторая половина 1990-х годов сопровождается ростом внимания и интереса к проблемам молодежи заметно повышается. За 1994 г. и 1997 г. показатели составляют уже 4,7% и 3,3% соответственно. Звучат такие понятия как "молодежное движение", "молодежная инициатива". Вместе с тем достаточно внимания уделяется вопросу обязанности Церкви в работе с молодежью, которая подвержена негативным влияниям общества, например, в документах 1994 года говорится о подверженности детей новым религиозным культам, т.н. "тоталитарным сектам". В то время очень остро стоит проблема новых религиозных движений, поскольку данный вопрос был вынесен на отдельное совещание с последующим принятым документом "О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме".

Таким образом, при обращении к использованию в исследовании метода контент-анализа в отношении официальных итоговых документов Архиерейских соборов Русской Православной Церкви, касающихся общих вопросов, прослеживается значительный рост внимания к разносторонним проблемам воспитания молодежи и подростков именно после 2000-х гг.

Качественный анализ показывает, что за первый период главными вопросами Церкви в процессе реализации молодежной политики были миссионерская деятельность в среде молодых людей, просветительская и катехизаторская работа. Различные проекты и программы находят отклик и одобрение со стороны церковного руководства. Во второй половине 1990-х гг. можно встретить рекомендации в адрес епархиальных архиереев, благочинных и приходских священников поддерживать молодежной инициативы или движения. Тем не менее, обращаясь к проблемам работы с молодежью, основное содержание данного периода заключается в поиске подходов, форм и методов осуществления качественных молодежных программ. Результатом этого поиска явилось создание центральной организации с претензией на общецерковный масштаб, а именно Всероссийское Православное Молодежное Движение (далее ВПМД), которое в 2000 году путем реорганизации явилось базой для Синодального отдела по делам молодежи и соответствующего ему отделы в различных епархиях. Но в 1990-е гг. ВПМД не сумело сыграть главную роль, поэтому движение представляет из себя сосуществование различных молодежных объединений, действующих разобщенно, но развивающих схожие направления. В России процесс становления молодежного движения происходит в таких формах, как школы, братства, летние лагеря и пр. Накопленный в епархиях опыт поставил новые задачи: расширить организационные формы, определить новые направления. Этот опыт и принятие Юбилейным Собором 2000 года Концепции молодежного служения обусловили начало нового этапа молодежного служения РПЦ.

Касательно молодежного движения впервые на подобном мероприятии был представлен доклад архиепископа Костромского и Галичского Александра о работе ВПМД только в 2000 году. Как один из документов, он не был включен в выборку анализируемых текстов. Но данный текст важен, поскольку позволяет выявить основные тенденции в развитии, которые Церковь ставит для себя в качестве стратегии развития работы с молодыми людьми. Поэтому он представлен в отдельный концептуальный анализ на основе лингвистических и контекстуальных единиц счета. Под "молодежным движением" нами будет пониматься совокупность православных молодежных объединений, которые в свою очередь в качестве официально или неофициально оформленных формирований существуют на разных уровнях (приход, благочиние, епархия) и организуют свою работу с "благословения" (разрешения) священноначалия. В церковной литературе чаще всего используется более общее понятие "молодежное служение". Его начинают употреблять в документах преимущественно после 1997 года. А с принятием "Концепции молодежного служения" данное понятие приобретает колоссальную популярность, но даже в "Концепции" не было приведено четкого определения.

Очевидно, что понятие "молодежное служение" носит двоякий смысл и с одной стороны имеется в виду деятельность Церкви по отношению к молодежи как объекту церковного служения, включающая православное воспитание через привлечение молодежи в социальное служение Церкви, просвещение молодых людей и организацию свободного времени. А с другой стороны, деятельность, организующую инициативы молодежи как субъекта служения.

Подробнее этот вопрос раскрывается в докладе архиепископа Костромского и Галичского Александра (Могилева) на Соборе 2000 года. В качестве контекстуальных единиц были выделены понятия, разбитые в свою очередь на две части. Первая часть включает в себя отношение к молодежи как объекту служения (например, Синодальный и епархиальные отделы, съезды, структуры, молодежная работа и др.), вторая – молодежь как субъект (молодежные объединения и организации, движения, инициативность и др.). Обе части в числовом эквиваленте относительно всего текста имеют следующие значения – 3,4 и 2,5 соответственно. То же самое происходит и в документах Соборов на протяжении всего рассматриваемого периода. Руководство Церкви дает право молодым людям проявить свою инициативу, тем не менее, всегда говорит о необходимости направлять, координировать их деятельность и постоянно заниматься воспитанием, "упорядочить практику работы Церкви с молодежью" [Александр (Могилев), 2000]. Впервые на Соборе 2000 года была озвучена идея создания системы последовательного кадрового обеспечения конкретной молодежной работы. Архиепископ Александр говорит, что "Епархиальным Преосвященным уже было направлено циркулярное письмо ..., в котором говорилось о необходимости создания в каждой епархии специального центра для работы с молодежью под руководством священнослужителя, имеющего педагогическое образование и соответствующую практику" [Там же]. Спустя более 10 лет следующий руководитель Синодального отдела по делам молодежи епископ Игнатий (Пунин) Бронницкий этот вопрос сделает приоритетным в процессе развития молодежного движения. С момента своего назначения епископ Игнатий большое значение придаст разработке проектов общецерковных документов в области молодежного служения: должностные инструкции ответственных за молодежную работу в благочиниях и на приходах; положение о епархиальном молодежном совете и епархиальной школе православного молодежного актива "Вера и дело"; положение о епархиальных коллегиях, ответственных за молодежное служение.

Проблема системы подготовки кадров и формирования научно-методической базы, конечно, была не раз озвучена и до 2010 года, но основные направления, преобладающие в тексте анализируемого доклада, были по-

священы: просветительско-образовательным (1%), информационно-издательским (0,3) и спортивно-досуговым (1,6%) формам работы с молодыми людьми. Отметим, что просвещение уступало досуговой деятельности. Много внимание уделено активности участников паломническо-реставрационной программы "Реставрось", скаутских организаций и их мероприятий в России, в том числе, Федерации православных следопытов, которая в 2002 году была переименована в "Братство православных следопытов" при Патриаршем Крутицком Подворье.

Заметно, что в период истории молодежного движения после 2000г., Церковь делает акцент на самостоятельность молодых людей, все больше обращается к "деятельной", инициативной молодежи. Председатель Синодального Отдела епископ Игнатий на конференции 5 ноября 2010 года подчеркивал: "создание годовой программы базируется на инициативах, исходящих от самой православной молодежи...молодежные организации являются генератором идей". Все чаще упоминаются понятия инициатива, деятельность, активность, а также кадры, актив молодых людей и т.д. Церковь видит необходимость аккумулировать положительный накопленный региональный опыт молодежного служения и создать на его основе методическую базу. В одном из докладов Патриарх Алексей II сообщает о проведении специальной конференции для молодежных лидеров "Современная молодежь в Церкви: проблемы и пути их решения" (Москва, 16–23 февраля 2005 г.) [Алексий II (Ридигер), 2008]. В документах 2013 года также перечислены неоднократно штатские должности по религиозно-образовательной, катехизаторской работе, работе с молодежью и значимости введения таких работников во всех благочиниях, а именно что уже "приблизительно в 65% благочиний назначены помощники благочинных по указанным направлениям" [Кирилл (Гундяев), 2013].

Второй этап в истории молодежного движения Русской Православной Церкви связан с принятием церковных документов, имеющих важное значение для молодежной работы: Концепции молодежного служения и Основы социальной концепции, документ "Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви" и др. Самое главное, документы служат и руководством для епархиальных архиереев и священноначалия, но на практике не все рекомендации были осуществлены. Реорганизация ВПМД в Синодальный Отдел по делам молодежи, курирующей деятельность подобных отделов всех епархий, демонстрирует важный шаг на пути к созданию общецерковной структуры и объединению всех усилий РПЦ в этом направлении. Данный этап можно охарактеризовать ростом активности молодежи и крупными мероприятиями различных уровней и началом деятельности по профессиональной подготовке кадров для работы с молодежью.

Появляется большое количество молодежных объединений, что отражено в росте количества упоминаний понятий "православное молодежное объединение", организации, центры, движение и др. Эта форма взаимодействия Церкви с молодежью становится наиболее удобной в плане организации, например и на приходе, и юридически отдельно от Церкви, в виде официально оформленной общественной организации. Тем не менее, анализ показал, что, несмотря на упоминаемую значимость определенных направлений молодежного движения, поставленные приоритетные задачи не были реализованы в полной мере. Но можно предположить, что активная работа и развитие методической базы, обучающий характер лидеров молодежных объединений в процессе различных встреч, семинаров и других проектов будет продолжен. Как, например, учебно-методические материалы, созданные под редакцией Владимира Стрелова [Стрелов, 2012]. По его словам: "курс родился благодаря совместной работе на ведущих передовых молодежных площадках: всероссийский молодежный лагерь "Федоровский городок", православная смена лагеря "Селигер". А по итогам разработанной программы до 2012 года было проведено три полных обучающих цикла в Москве, выездные семинары для молодежного и миссионерского

отделов Ивановской, Кемеровской, Новгородской, Ставропольской и Челябинской епархий, для Финской православной церкви и выездной семинар для Даниловского благочиния г. Москвы.

Таким образом, анализ показал, что Русская Православная Церковь в официальных документах Архиерейских Соборов в отношении молодежи высказывает однозначную позицию о важности формирования более структурированной работы Синодального отдела по делам молодежи. Документы содержат в себе информацию о многих успешно осуществленных проектах, которые в своей роде и служат в качестве рекомендаций для других епархиальных архиереев или активистов православных молодежных объединений. В 1990-е гг. молодежные центры, объединения, советы и пр. были приняты за наиболее приемлемую форму работы. Большое внимание уделяется особенностям молодежной аудитории, специфике миссионерской работы в среде подростков и молодых людей. В 2000-е гг. прослеживается заметный рост количества ПМО разного уровня (епархиальные-благочинные-приходские) и в качестве основного вопроса встает кадровое и учебно-методическое обеспечение молодежной работы Церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов С.Г. 2002. Становление и развитие неформального молодежного движения в СССР, 1945 – 1985 гг. Автореф. дисс...док. истор. наук. Москва, 32 с.
2. Александр (Могилев), архиеп. Доклад архиепископа Костромского и Галичского Александра / Материалы Архиерейского Собора 2000 года // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/423818.html> (10 апреля 2015).
3. Алексей II (Ридигер), патр. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Материалы Архиерейского Собора 2008 года // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/426666.html> (28 апреля 2015).
4. Кирилл (Гундяев), патр. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / Материалы Архиерейского Собора 2013 года // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html> (13 мая 2015).
5. Елишев С.О. 2013. Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации. Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал, 1 (62): 24–46.
6. Криворученко В.К. 2010. Патриарх с думой о молодежи. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Krivoruchenko_Patriarch.pdf (20 апреля 2013).
7. Луков В.А. 2012. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. – М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 528 с.
8. Стрелов В.С. 2012. Миссия возможна: практический курс для организаторов и актива православного молодежного служения: сборник методических материалов. Москва, 107 с.
9. Определение "О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Церкви" / Итоговый документ Архиерейского Собора 1994 года // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/530447.html> (25 мая 2015).
10. Пелин Александр прот., Григорьев Н.И. 2011. Маркетинг и менеджмент в православных НКО: анализ, стратегия, осуществление. Саранск, 182 с.
11. Хохлова Н.А. 2007. Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Н.Новгород, 28 с.

ЧЕРНОБЫЛЬ КАК ДЕСТРУКЦИЯ В МЕНТАЛЬНОЙ МАТРИЦЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

THE CHERNOBYL AS DESTRUCTION IN A MENTAL MATRIX OF THE SOVIET SOCIETY

*T. Magsumov
G. Kovzik*

Annotation

From the standpoint of the personified micromethod attempt of the review of the book of the Belarusian writer Svetlana Alexievich "Voices from Chernobyl. Chronicle of the Future". The book recreates the mental tragic element of "the Chernobyl people" which is developed against crash of the Soviet society and the state by means of monologues of ordinary people. The "human documents" soldered together polyphonical allow the reader to survive empathy the catastrophe, coming nearer to understanding the state of mind of the modern Chernobyl veteran.

Keywords: Chernobyl, Svetlana Alexievich, personified history, publicism, history of mentalities, psychohistory.

Магсумов Тимур Альбертович

Международный сетевой центр фундаментальных
и прикладных исследований, г. Сочи,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
г. Набережные Челны
Ковзик Глеб Олегович
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
г. Набережные Челны

Аннотация

С позиций персонифицированного микроподхода делается попытка рецензии книги белорусской писательницы С. А. Алексиевич "Чернобыльская молитва: хроника будущего", воссоздающей посредством монологов простых людей ментальный трагизм "чернобыльского народа", разворачивающийся на фоне крушения советского общества и государства. Спаянные воедино полифоничные "человеческие документы" позволяют читателю эмпатийно пережить катастрофу, приближаясь к пониманию состояния души современного чернобыльца.

Ключевые слова:

Чернобыль, Светлана Алексиевич, персонифицированная история, публицистика, история ментальностей, психоистория.

В 1997 году из-под пера белорусского исследователя Светланы Александровны Алексиевич выходит потрясающий по создаваемому эмоциональному накалу публицистический труд "Чернобыльская молитва. Хроника будущего". Произведение получило множество положительных отзывов в прессе.

С. А. Алексиевич – автор пяти книг на острые социально-политические темы. "Я долго искала жанр, который бы отвечал тому, как я вижу мир.... И выбрала жанр человеческих голосов... Свои книги я высматриваю и выслушиваю на улицах. За окном. В них реальные люди рассказывают о главных событиях своего времени" [2] – достаточно четко описывает она свой весьма своеобразный стиль.

Новое издание книги, вместе с четырьмя остальными из цикла "Голоса страны Утопии", вышло в 2013 году [1]. Несмотря на три переиздания, книга практически выскользнула из фокуса внимания историков. Между тем, ее можно назвать важным сборником воспоминаний современников трагедии, чье индивидуальное восприятие событий позволяет познать дух тех эпохальных дней, оп-

ределить место и значение "Чернобыля" в контексте исторической памяти постсоветского общества. Нельзя не отметить актуальность возвращения к этому произведению в свете вручения автору Нобелевской премии по литературе и в преддверии 30-летия со дня аварии на Чернобыльской АЭС.

Сам труд писательницы небольшой: все монологи уложились на трехстах страницах, хотя читаются они на одном дыхании, прерываемом всхлипами слез. Книга состоит из традиционного для такого жанра многокомпозиционного введения, включающего историческую справку, "одиноким человеческим голосом" жены пожарного-ликвидатора и вступления автора в форме автоинтервью, а также трех глав, каждая из которых поделена на два раздела, и заканчивается снова "одиноким человеческим голосом" с послесловием – вырезками из белорусских газет за 1986–2005 гг., повествующими о новом туристическом центре – "Мекке" под названием "Чернобыль".

В авторском понимании распад Советского Союза и Чернобыльская авария – это совпавшие по времени катастрофы в истории людей, проживавших на огромной

территории от Кольского до Чукотского полуострова. Трагизм простого народа – вот, что всегда прослеживалось в произведениях автора. Не стала исключением и "Чернобыльская молитва". Трагизм судеб народа, следовавший после аварии, наблюдается всюду: это и смерть любимых, и глубокое одиночество пожилых самоселов, и отречение общества от чернобыльцев, и самое страшное – страдания болеющих детей.

Рецензируемое сочинение создает исторический образ Чернобыля, в том ракурсе, который мы интуитивно ощущали, но в коем не могли эмпатийно сострадать. Книга – не сухо описанная история техногенной аварии на атомной электростанции, и не ликвидация последствий оной. Это – хор чернобыльского народа. Исполняемый единым порывом, берущий за душу, хор всех тех, кто пострадал, прямо или косвенно, от техногенной катастрофы. В сознании читателя создается линия грани двух измерений реальности, в которых живут затронутые Чернобылем люди: одной ногой еще там, в том микромире, застывшем сразу после аварии, и сейчас, в настоящее время, когда уже нет коммунизма и Советской страны, но есть капитализм и новые люди с иными взглядами на жизнь и пониманием ценностей нового века. Находясь в затвердевшей вневременной капсуле меж этих реальностей, они вовсе не подобны маргиналам, которые располагались бы одной ногой там, а другой тут. Они изначально были поставлены в условия "другого" народа.

Представленные читателю монологи есть, можно сказать, не просто субъективное, но субъективизированное восприятие личностью произошедшей катастрофы. Что почувствовали люди в тот момент, что увидели, как это отразилось на их дальнейшей судьбе, что извлекли они из этого – вот исходный план монологов. Здесь главное не выкристаллизованная совокупность исторических фактов, а интерпретация исторического события сквозь призму человеческого сознания, или, говоря иначе, персональная история "космической" катастрофы. Автор прямо говорит, чему посвящено ее произведение: "Эта книга не о Чернобыле, а о мире Чернобыля" [1, с. 30].

Поначалу у читателя могут возникнуть сомнения: а все ли рассказы должны быть в книге? Так, монолог психолога Петра С. о том, зачем люди вспоминают, практически не имеет отношения к аварии. Но читая дальше, глубоко погружаясь в человеческие монологи, своеобразные записи души на бумаге, можно осознать правильность действий автора. В голове рождается страшная картина – мы, граждане тех стран, кои больше всего пострадали от техногенной аварии, глухи и слепы перед ними, чернобыльцами, когда слышим или видим упоминания о прошедшем. Такое возникшее противоречие вполне оправдано. Мы никогда не сможем проникнуться до конца, ибо не пережили страдания как те, кто хотя бы частично со-

прикоснулся с этой трагедией. Ликвидаторы. Жены ликвидаторов. Дети ликвидаторов. Родители ликвидаторов. Эвакуированные селяне. Пожилые люди. Самоселы... Список, как длинная вереница, может растянуться на многие строки статьи.

Однако они не безмолвны. Мы не можем до конца их понять и услышать, но им есть, что сказать. Им всегда будет, что рассказать. Передать людям в наследство, вложить эту страшную, но историческую память о былом в огромную сумму человеческой истории.

Из монологов людей, а подавляющее их большинство назвали себя, чем предрасполагают к более серьезному походу, нежели если они были бы анонимны, как мозаика складывается историческое панно. Все монологи смешались в кучу, размолотились, расплавились и соединились. В этом едином песнопении можно вычленил несколько проблем "чернобыльского", как они себя нарекают, народа.

Индийский ученый Сону Сайни при рассмотрении проблематики "Чернобыльской молитвы" выдвинул пять уровней "тайны" Чернобыля: это осознание населением опасности аварийного реактора, отношение государства к произошедшему, влияние на природный мир, воздействие радиации на человека и переживания детей Чернобыля о прошлом и настоящем [4].

Трудно обозначить единую точку зрения о том, является рецензируемое нами произведение историческим трудом, хрестоматией эго-документов о Чернобыльской аварии или чем-либо иным. Мы склоняемся к тому, чтобы считать книгу исторической, по форме же содержания мемуарной. Столь трудная ситуация возникла из-за выбранного писателем ракурсом жанра: согласно ее представлениям, следует не рассказать детально о произошедшей трагедии, но показать историю глазами простых людей. С неординарностью авторской концепции жанра также согласна Н. А. Сивакова, считая его документальным с особой повествовательной структурой [5]. По ее мнению, основной мотив исповедей не покаяние, а попытка осознания чернобыльцами себя в новой реальности.

Каждый монолог книги постепенно проявляет читателю важнейшие вопросы трагедии чернобыльского народа, "ключи" Чернобыльской молитвы, в коих заключаются фундаментальные столпы и на которые опирается хор чернобыльцев, и о сих нам следует рассказать более подробно.

С. А. Алексиевич выбрала, на наш взгляд, в качестве фона и одновременно центральной проблемы всего повествования крушение советского человека и его ценно-

стей. В своем монологе страдающий отец рано умершей дочери Н. Ф. Калугин рассказывает: "Ты живешь... Обыкновенный человек. Маленький. [...] И в один день ты внезапно превращаешься в чернобыльского человека. [...] Ты хочешь быть как все, а уже нельзя" [1, с. 51–52]. Многие люди, пережившие Чернобыльскую аварию, становились другими. Рождалось кардинально иное миропредставление, сознание ломалось и в опустошенных душах возникало новое. Мать Н. А. Рословой работала в штабе гражданской обороны, но, несмотря на сложившуюся чрезвычайную ситуацию на атомной станции, адекватно среагировать, а тем более исполнять служебные обязанности, она и ее коллеги не смогли. По словам рассказчицы, до матери и остальных не доходило, что сменился век. Она считает, что им был нужен психологический перелом [1, с. 270]. "Как я сейчас понимаю, Чернобыль освободил нас... Учились быть свободными", – говорит бывший председатель фонда "Детям Чернобыля" Геннадий Грушевой [1, с. 158].

Постепенный крах советского менталитета сопровождался последними яркими озарениями сердец, предсмертным величием и героизмом еще не исчезнувшего из общественного "подсознания" и поведенческих практик феномена "советского человека". Геройские, но, по мнению рассказчиков, безумные и безрассудные поступки сопровождали их на каждом шагу. Люди отправлялись ликвидировать атомную аварию с благородными и стойкими отважными побуждениями: для одних это был героический порыв, для других – долг перед Родиной, для третьих – клич коммунистов и партии [1, с. 84, 88, 90].

Однако в этих рядах уже нет-нет да появлялись люди нежелающие или колеблющиеся перед дилеммой: ехать или не ехать? сбежать и залечь на дно, пока не уляжется? потерять здоровье за страну или остановиться перед роковым шагом? [1, с. 97] Одна рассказчица на примере двух молодых учителей, отказавшихся выполнить работы по обеззараживанию двора школы, объяснила причину "сбоя" в поведении: "Это уже другие люди" [1, с. 186]. В то время после отказа исполнять приказы приходилось терпеть резко негативную реакцию со стороны органов власти, администрации учреждений и рабочего коллектива. Требование положить партбилет на стол (что равносильно потере стабильного положения в обществе и крушения карьеры), угроза военным трибуналом и судом, лишение привилегированной должности еще сохранялись в советском обществе как инструменты властного воздействия и санкции за несоответствующее принятым нормам поведение.

Крушение привычного порядка, советских ценностей и всей сложившейся картины мира сопровождалось глубокими эмоциональными переживаниями. Часто в книге можно встретить такие фразы, как "заставил думать",

"освобождал", "открыл взгляд на произошедшее". Охарактеризовать это явление может точно подмеченная мысль одного солдата-ликвидатора: "Чернобыль взорвал мои мозги. Я стал думать" [1, с. 83].

Автор поставила тему судьбы и даже дальнейшего существования белорусского народа, его места в будущей истории. Общеизвестно, что в начальном – самом опасном – периоде выбросов наиболее крупная фракция радиоактивных осадков осела на территории Белорусской ССР. Северное и западное направление ветра в первые дни аварии обусловило серьезнейшее радиоактивное поражение территории республики [3]. Больше всего пострадал юг, находящийся вблизи от аварийной атомной станции – Гомельская и Могилевская области. Сама книга была написана читателю от лица белорусского народа. Не столько по национальности автора, сколько ввиду того, что интервью брались на белорусской части зоны отчуждения и на остальной территории Белоруссии.

В местных газетах и журналах с горечью рассказывается, что пострадавшая больше всех остальных стран Белоруссия и ее народ оказались на грани между полноценной и неполноценной жизнью, а то и вовсе вымирания [1, с. 7–9]. Статьи наполнены не сухими цифрами и процентами статистики радиоактивных выпадений, они персырт сведениями о медицинских последствиях катастрофы. Развитие событий и длительное наблюдение за населением пострадавших территорий показало, что чаще всего от аварии болеют дети (умственная отсталость, генетические заболевания, множественные хронические заболевания), после них идут ликвидаторы и взрослое население (нервно-психические расстройства, онкологические заболевания). Пожилые люди редко упоминаются по причине их слабой восприимчивости к ионизирующему излучению из-за физиологических особенностей организма преклонного возраста. В стране резко упала общая продолжительность жизни...

Все это сказывается на этнопсихологии белорусского народа, приводит к нерадостным размышлениям и угнетенному состоянию. Книга показывает, что разговоры об этом ведутся повсеместно, даже в пьяной компании, оставив след и в народном фольклоре: "Хороший был народ – белорусы" [1, с. 243, 251, 259]. Ходящие в людской массе непроверенные слухи вызывают еще большую депрессию. Журналист Анатолий Шиманский упоминает о рассказах в среде населения о жутких и нереалистичных мутациях в пораженной радиационным излучением флоре и фауне. "Что-то подобное скоро начнет происходить и с людьми. Белорусы превратятся в гуманоидов..." [1, с. 147].

Некоторые рассказчики делятся ощущением того, что после аварии произошло противопоставление черно-

быльского всему остальному. Учитель труда Н. П. Жарков описал в своем монологе сложившуюся идентификацию как исчезновение национального акцента, стирание этнотипа: "[...] мир разделился: есть мы – чернобыльцы и есть вы, все другие люди [...] Все называют себя чернобыльцами. "Мы – из Чернобыля", "я – чернобыльский человек". Как будто мы отдельный какой-то народ... Новая нация..." [1, с. 140].

Другой сложно постижимой "тайной" книги является любовь. Здесь, как нельзя, кстати, подходит толкование значения любви в словаре С. И. Ожегова: в нем она трактуется как "чувство самоотверженной, сердечной привязанности" [6, с. 505]. Любовь в книге не заканчивается только на чувствах к человеку. Она охватывает практически все, что возможно представить себе как нечто дорогое и архиважное, заложенное в глубинах человеческой памяти: старую хату, кладбище усопших предков, родную деревню и край, домашнюю кошку.

Когда население в срочном порядке эвакуировали из зоны радиоактивного заражения, большая его часть с глубочайшей тяжестью в душе покидала родные места. Угнетающая обстановка, когда эвакуация сопровождалась под надзором вооруженных сил, вызывала резкий переход скорби в раздражение и перекладывание вины за произошедшее сначала на русских, а потом на коммунистов, по причине того, что это была "их станция" [1, с. 187]. Реакция вызвана осознанием потери части души и себя, отрыва от малой родины. "Нет, детки, без котика не поеду, – отвечала бабка солдатам-ликвидаторам. – Как я его оставлю? Одного оставлю. Это – моя семья" [1, с. 131]. Расстроенные дети оставляли записки с просьбой не бить домашних животных. Люди кланялись своим домам, будто прощались с одним из членов семьи, находившимся на смертном одре. Пожилые люди после непродолжительного пребывания на чужой земле, тайком, окольными путями мимо заградительных кордонов и застав, сквозь гущи леса и топкие болота возвращались обратно, становились самоселами [1, с. 144]. В разговорах со старожилами Зоны видна бесконечная любовь к родной земле. В большинстве случаев вернувшись в зону отчуждения оказались люди в преклонном возрасте, чьи, вполне объективные, страхи оказаться никому ненужными, "лишними ртами", заставили обратить свой взор назад и вернуться [1, с. 47]. Многие не представляли свою жизнь в другом месте, кроме как на своей малой родине.

Любовь во время аварии проявилась столь резко, сколь происходит это во время самых тяжелых моментов в человеческой истории. Можно с уверенностью сказать, это было чувство самоотверженной ответственности за самое дорогое в жизни. Два монолога – первый и последний – посвящены любви молодых семейных пар. Условия

случившихся личных трагедий разны, но сущность их историй одна: преданность и бесконечная храбрость перед лицом ужасного, неумолимо приближающегося смертельного рока. Людмила, жена пожарного Василия Игнатенко, который одним из первых 28 человек возглавил ликвидацию пожара на станции и, упредив, возможно, еще большие последствия аварии, рассказывала о последних счастливых и вместе с тем трагичных днях, проведенных с мужем, следующее: "Обрывок какого-то разговора... Кто-то меня увещевает: "Вы не должны забывать, что перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения. Вы же не самоубийца. Возьмите себя в руки". А я как умалишенная: "Я его люблю! Я его люблю!". Он спал, я шептала: "Я тебя люблю!". Шла по больничному двору: "Я тебя люблю!". Несла судно: "Я тебя люблю!" [1, с. 21]. Ему оставалось жить не больше 14 дней, и почти все это время она проводила с ним. Валентина Апанасевич прожила со своим мужем несколько лет, и все также неотступно стояла рядом, переживая все тяготы и боль "чернобыльской жены".

Гигантская авария породила также мистицизм и желание чуда. Генезис этому следует искать в бессознательном человека. Один из таких примеров – рассказ про знаменитую колдунью Параски, якобы заговором "снимающей гаммафон" [1, с. 164]. Можно предположить, что ожидание чуда, колдовского избавления от проблемы не что иное, как смутное понимание, а подчас и незнание сущности и характера атомной аварии в среде советского общества.

Книга дает величайшую возможность не просто проникнуться духом тех дней, а именно пережить описываемые события. Это как передать в руки что-то нематериальное. Основная проблема истории – это осознание невозможности воссоздать в полном объеме изучаемую социальную реальность. Мы не можем реконструировать чернобыльскую аварию и советский народ. Все это ушло в прошлое. Но вот в работе С. Алексиевич удалось приблизиться к идеалу исторической науки. Читатель, по мере погружения в книгу, начинает понимать происшедшее. И уже после этого он совсем не удивляется, почему чернобыльские дети спрашивают, когда они уже умрут.

Вопрос о том, каковым представлен образ Чернобыля в глазах современников тех событий, следует оставить без ответа, поскольку для каждого из чернобыльцев и ликвидаторов он одновременно и все, и ничего, и рок судьбы, и черное клеймо. Их собственное видение случившегося с ними в том тяжелом 1986 году может кардинально различаться: для одних авария – наказание, для других же – прозрение, а третьим суждено размышлять над ней вечно. Для многих, прикоснувшихся к Чернобылю в те ужасные дни, каждый нынешний день – титаническая

борьба за жизнь, в которой участвуют родители, врачи, ликвидаторы, члены общественных и государственных организаций, и даже дети, в чьих монологах порой чувствуется их собственное ощущение скорого ухода.

Исторический образ Чернобыльской аварии, на наш взгляд, проявился во всех его отличительных чертах: с горем, с невероятным трагизмом, с бесконечной утратой и потерей видения картины будущего. Но это историческое полотно соткано не из одной только боли и страданий – рядом соседствуют геройские поступки, храбрость, непоколебимость, борьба за то, что кажется дорогим и цен-

ным. "Чернобыльская молитва" – это книга о Чернобыле внутри человека. Именно поэтому неслучайна историческая справка во введении книги – странная своими, вроде бы, общеизвестными данными, для нас, людей советской эпохи. Прочтение книги нынешней молодежью, практически незнакомой с трагедией и героизмом катастрофы, воспринимающей "Чернобыль" как туристический центр (и это при немалом количестве "мертвых городов" внутри самой России, со своей, также, во многом, трагичной историей), возможно, заставит ее задуматься о вечных вопросах, глубоко прочувствовать влияние аварии на судьбы народов на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлана Алексиевич. М.: Время, 2013. 299, [3] с. (Собрание произведений).
2. Вместо биографии [Электронный ресурс] // Алексиевич С.А. Голос страны Утопии. Режим доступа: <http://www.alexievich.info/index.html>, свободный (дата обращения: 01.01.2016).
3. Карта осаждения радионуклидов [Электронный ресурс] // Доклад НКДАР ООН. 2000. Режим доступа: <http://www.unscear.org/unscear/en/chernobylmaps.html>, свободный (дата обращения: 01.01.2016).
4. Сайни, С. "Чернобыльская молитва: Хроника будущего" С. Алексиевич. Проблема жанра / С. Сайни // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2. С. 17–22.
5. Сивакова, Н.А. Особенности субъектной организации документальных книг С.А. Алексиевич / Н.А. Сивакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 134–139.
6. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство "Мир и образование", 2014. 1360 с.

© Т.А. Марсумов, Г.О. Ковзик, (nabonid1@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Набережночелнинский государственный педагогический университет

СОЧИНЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КЕРЧИ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TRAVEL WRITINGS OF THE LATE 18TH - THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AS A HISTORICAL SOURCE ABOUT KERCH: THEMATIC ASPECT

S. Wesley

Annotation

The article presents the result of systematization and analysis of works of Russian and foreign travelers (memoirs, letters, diaries, biographies) containing descriptions of Kerch and its environs of the late 18th – the first half of the 19th century. Traveler's notes due to a difficulty of determining their genre stay uncharted topic in the scientific world. The current level of scientific development of the question about the role and value of traveler's notes for the Kerch's history remains low. The author has identified the key aspects of the historical past of Kerch and its surrounding area on which the attention of travelers of the late 18th – the first half of the 19th century was concentrated.

Keywords: traveler's notes; historical source; Kerch; the Crimea; the late 18th – the first half of the 19th century.

Уэсли Светлана Николаевна

*Аспирант, Таврическая академия
ФГАОУ ВО "Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского"*

Аннотация

В статье представлен результат систематизации и анализа сочинений отечественной и иностранной путевой литературы (мемуаров, писем, дневников, биографий) с описаниями Керчи и ее окрестностей конца XVIII – первой половины XIX в. Записки путешественников в силу сложности определения их жанровой принадлежности остаются малоисследованной темой в научном мире. Современный уровень научной разработки вопроса о роли и ценности записок вояжеров конца XVIII – начала XIX в. для истории города Керчи остается низким. Автором были выделены ключевые аспекты исторического прошлого Керчи и ее окрестностей, на которых концентрировалось внимание путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.

Ключевые слова:

Записки путешественников; исторический источник; Керчь; Крым; конец XVIII – первая половина XIX в.

Керчь, как один из древнейших городов Российской Федерации, является одним из наиболее примечательных объектов для путешественников по Крыму. С 1774 г., когда Керчь по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора стала частью Российской империи, начался новый этап в ее развитии, как важного центра Крымско-Кубанского региона. Свидетелями возрождения города в составе России стали многочисленные путешественники, открывшие путь сюда с присоединением Крымского полуострова к Российской империи в конце XVIII в. Интерес к путешествиям по неизведанной земле, сочетавший в себе научные исследования полуострова с простыми описаниями живописных видов, загадочных древностей, был прерван Крымской войной 1853–1856 гг. Описания Крыма и Керчи второй половины XIX в. представлены в основном путеводителями, лишенными мыслей и личных наблюдений авторов.

В науке выделяются различные группы путешествий. Классификации путешествий по Крыму составляют на

основе: направленности путешествий, времени осуществления [17, с. 457–466], национальности путешественников, принадлежности путешественников к определенной социальной группе [5], целей поездок, в которые отправлялись вояжеры [20, с. 69–70].

В рамках данной работы – изучение вояжей по Керчи конца XVIII – первой половины XIX в. – автором были выделены следующие классификации путешествий:

1. по мотивам поездок: научные экспедиции (В. Ф. Зуев и П. С. Паллас); путешествия историко-археологического характера (И. М. Муравьев-Апостол, П. П. Свинын, Я. Беш, Ф. Дюбуа де Монпере, Н. Н. Мурзакевич, Э. Хоецкий, П. В. Беккер); поездки с целью сбора статистических сведений (М. Гатри, Г. де Кастельно, А. фон Гакстгаузен); путешествия с культурно-образовательными целями (Ж. Ромм, Э. Кларк, Р. Лайэлл, О. де Мармон); визиты высокопоставленных лиц (Г. Сеймур, Ф. де Сен-Совер, Э. Спенсер); служебные поездки (Т. Ванцетти, Н. Ф. Туровский);

дипломатические представительства (Ж. Рейи); путешествия в рамках военно-разведывательных экспедиций (А. Кастри де Во, Д. Джонс, Т. Алкок, У. де Рос, Г. И. Филипсон, миссис Э. Нельсон); миссионерские и религиозно-просветительские поездки (Р. Хебер, Э. Гендерсон); культурно-эстетические вояжи (П. И. Сумароков, В. В. Измайлов, Г. В. Гераков, И. М. Сбитнев); частные визиты (У. Джесс). Каждый путешественник вне зависимости от обстоятельств поездки преследовал собственные цели и интересы, отправляясь именно на Керченский полуостров.

2. по времени осуществления: ранние путешествия (конец XVIII – первая четверть XIX в.). В рамках этого периода можно выделить следующие этапы: 1774–1800 гг. (первичное ознакомление с Керченским полуостровом); 1800–1825 гг. (накопление всесторонних знаний о местности и возрастание интереса к путешествиям); поздние путешествия (вторая четверть XIX в.). Этот период можно разделить на два этапа: 1825–1840 гг. (зарождение научного интереса к памятникам древности Керченского полуострова, внимание к экономике города, его преобразению); 1840–1852 гг. (превалирующий интерес к археологической деятельности на территории Керчи и ее окрестностей).

3. по подданству путешественников: иностранцы (Ж. Ромм, М. Гатри, Э. Кларк, Ж. Рейи, Р. Хебер, Г. де Кастельно, Э. Гендерсон, Р. Лайэлл, Д. Джонс, Г. Кастри де Во, Т. Алкок, Я. Беш, Ф. Дюбуа де Монпере, Т. Ванцетти, О. де Мармон, У. де Рос, Ф. де Сен-Совер, Э. Спенсер, У. Джесс, миссис Э. Нельсон, К. де Гелль, А. фон Гакстгаузен, Э. Хоецкий, К. Кох, Г. Сеймур); отечественные (В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, В. В. Измайлов, П. И. Сумароков, А. И. Михайловский–Данилевский, И. М. Муравьев–Апостол, И. М. Сбитнев, Г. В. Гераков, П. П. Свиныйн, Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов, Г. И. Филипсон, Н. Ф. Туровский, В. В. Пассек, П. В. Беккер).

Выделенные классификации путешествий конца XVIII – первой половины XIX в. по Керчи и ее окрестностям позволили наиболее полно представить характер ознакомления путешественников с городом и его окрестностями.

Разнообразие аспектов истории и быта Керчи, на которых останавливали внимание путешественники, ставит необходимость выделения в нем отдельных тематических групп, что позволит обратить внимание на малоисследованные события и факты из истории города (табл. 1).

Таблица 1/1.

Керчь и ее округа в описаниях путешественников по Крыму
конца XVIII - первой половины XIX в.

Тема		Всего описаний	Путешественники / / года посещения
Памятники античности	Города (Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Акра, Киммерик, Парфений, Порфмий)	18	В. Ф. Зуев (1782) [9], Ж. Ромм (1786) [21], П. С. Паллас (1794) [18], М. Гатри (1795) [33], П. И. Сумароков (1799; 1802) [23; 24], В. В. Измайлов (1800) [10], Э. Кларк (1800) [11], Ж. де Рейи (1803) [40], Р. Хебер (1806) [28], Г. де Кастельно (1810) [31], А. И. Михайловский–Данилевский (1818) [13], Ш. Монтандон (1820-е гг.) [14], Г. В. Гераков (1820) [4], И. М. Муравьев–Апостол (1820) [15], И. М. Сбитнев (1820) [22], Т. Алкок (1822) [29], Э. Гендерсон (1822) [3], Р. Лайэлл (1822) [38], Д. Джонс (1823) [36], Г. Кастри де Во (1823) [32], П. П. Свиныйн (1825) [23], Я. Беш (1830) [30], Ф. Дюбуа де Монпере (1832; 1834) [7],
	Погребальные сооружения (Юз-Оба, Алтын-Оба, Куль-Оба, Царский курган)	15	
	Оборонительные сооружения (Асандров вал, Тиритакский вал, Узунларский (Аккосов) вал)	10	

Таблица 1/2.

Керчь и ее округа в описаниях путешественников по Крыму
конца XVIII - первой половины XIX в.

Тема		Всего описаний	Путешественники / / года посещения
Начало археологических изысканий на территории Керченского полуострова. Керченский музей древностей		24	О. де Мармон (1834) [12], Т. Ванцетти (1835) [45], У. де Рос (1835) [41], Н. Н. Мурзакевич (1836) [16], Э. Спенсер (1836) [44], Ф. де Сен-Совер (1836) [42], А. Н. Демидов (1837) [6], Г. И. Филипсон (1837-1845) [27], В. В. Пассек (1838) [19], У. Джесс (1839) [35], миссис Э. Нельсон (40-е гг.) [39], К. де Гелль (1841) [34], Н. Ф. Туровский (1841) [26], А. фон Гакстгаузен (1843) [2], Э. Хоецкий (1843) [8], Г. Сеймур (1844) [43], К. Кох (1844) [37], П. В. Беккер (1852) [1]
Страницы истории города и его округа		17	
Повседневная Керчь на страницах путевых дневников	Географо-климатические особенности местности	13	
	Быт местных жителей	14	
	Проблемы и перспективы экономического развития города и его округа	17	
	Архитектурный облик города	22	
	"Портреты" выдающихся деятелей (З. С. Херхеулидзе, П. А. Дюбрюкс, И. А. Стемпковский, Д. В. Карейша, А. Б. Ашик)	13	

Работа, выполненная в ходе данного исследования, позволила сделать следующие выводы:

1. Значительное количество авторов и произведений "литературы путешествий" дает возможность проследить своеобразие восприятия культуры Крыма представителями различных национальностей, а также выявить важные факты истории Керчи конца XVIII – первой половины XIX в.

2. Записки путешественников содержат уникальные сведения по истории и культуре Керчи, что обуслов-

лено особенностью их написания, соединяющей личные наблюдения авторов и использованный ими разнообразный источниковый материал.

3. Проведенная систематизация и упорядочивание разрозненных и бессистемных рассказов о новой истории Керчи, содержащихся в записках вояжеров позволили получить многогранную картину исторического прошлого города в конце XVIII – первой половине XIX в.

4. Анализ путевых сочинений позволил определить и показать ценность записок вояжеров конца XVIII – первой половины XIX в. как исторического источника по изучению Керчи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер П. В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 / П. В. Беккер // Пропилей. – Москва, 1853. – Т. III. – С. 349–373.
2. Гакстгаузен Август фон. Закавказский край : заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями / Август фон Гакстгаузен. – Санкт-Петербург: Тип. Гл. штаба Его Имп. Величества по воен.-уч. завед., 1857. – Ч. 1. – 248 с.; Ч. 2. – 215 с.
3. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России / Э. Гендерсон; (пер. с англ.). – Санкт-Петербург: Рос. Библейское о-во, 2006. – 352 с.
4. Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям / Г. В. Гераков. – Санкт-Петербург: В тип. Имп. воспит. дома, 1820. – 172 с.

5. Громенко С. В. *Stepy, morze i gory: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме* / С. В. Громенко; под ред. А. А. Непомнящего; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского, Крым. ун-т культуры, искусств и туризма, Крым. о-во поляков. – Симферополь: Антикава, 2011. – 299 с.
6. Демидов А. Н. *Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году* / А. Н. Демидов. – Москва: Тип. А. Семена, 1853. – 543 с.
7. Дюбуа де Монпере Фредерик. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: В 6 томах* / Фредерик Монпере Дюбуа де. – Париж, 1843. – Т. 5, 6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
8. Едмунд Хоецкий. *Спогади з подорожі по Криму* / Едмунд Хоецкий; пер. з польскої О. О. Тищенко-Монастирська, ком. В. І. Баранов, О. О. Тищенко-Монастирська. – Симферополь: Симферопольська міська друкарня, 2008. – 384 с.
9. Зуев В. Ф. *Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году* / В. Ф. Зуев; подгот. текста, вступ. статья, коммент. М. Э. Кавуна; Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – Днепрпетровск: Герда, 2011. – 394 с.
10. Измайлов В. В. *Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: новое издание, обработанное автором: в 4 ч. – 2-е изд.* / В. В. Измайлов. – Москва: Унив. тип., 1805. – Ч. 3. – 274 с.
11. Кларк М. Е.-Д. *Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы* / М. Е.-Д. Кларк // *Археология и история Боспора: Сб. науч. ст. – Керчь, 1999. – Т. III. – С. 11–37.*
12. Мармон. *Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет* / Мармон. – Москва: Тип. Н. Степанова, 1840. – Т. 1. – 266 с.
13. Михайловский-Данилевский А. И. *Из воспоминаний: 1818 г.* / А. И. Михайловский-Данилевский // *Русская старина. – 1897. – Т. 91. – Июль-август-сентябрь. – С. 90–96.*
14. Монтандон К. *Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым* / К. Монтандон; пер. с франц. яз., предисловие, составление и подготовка текста В. В. Орехова. – Симферополь: Крымский архив, 1997. – 130 с.
15. Муравьев-Апостол И. М. *Путешествие по Тавриде в 1820 году* / И. М. Муравьев-Апостол. – Санкт-Петербург: В тип. МВД, 1823. – 337 с.
16. Мурзакевич Н. Н. *Поездка в Крым в 1836 году* / Н. Н. Мурзакевич // *Журнал Министерства народного просвещения. – 1837. – № 3. – Отд. 4. – С. 625–691.*
17. Непомнящий А. А. *Первые европейские туристы в Крыму: записки иностранных путешественников конца XVIII – первой трети XIX века* / А. А. Непомнящий // *Туристично-краєзнавчі дослідження. – Київ, 2005. – Вип. 6. – С. 457–466.*
18. Паллас П. С. *Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг.* / П. С. Паллас // *Записки Одесского общества истории и древностей. – 1881. – Т. 12. – С. 62–208; 1883. – Т. 13. – С. 35–107.*
19. Пассек В. В. *Очерки России* / В. В. Пассек. – Москва: Тип. Н. Степанова, 1840. – Кн. 2. – 249 с.
20. Прохорова Т. А. *Античные и средневековые памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес и его округа, Инкерман, Балаклава) в записках путешественников конца XVIII – 1-й половины XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук* / Т. А. Прохорова. – Симферополь, 2013. – 469 с.
21. Ромм Ж. *Путешествие в Крым в 1786 г.* / Ж. Ромм; пер., вступ. ст. и прим. К. И. Раткевич. – Ленинград: ЛГУ, 1941. – 79 с.
22. Сбитнев И. *Прогулка по Воспорскому проливу и по берегам Азовского моря в 1820 году* / И. Сбитнев // *Отечественные записки. – 1828. – Ч. 36. – № 103. – С. 181–205.; 1829. – Ч. 37. – № 105. – С. 33–57.*
23. Свинын П. П. *Керчь, древняя Пантикапея. (Из живописного путешествия по России издателя "Отечественных записок")* / П. П. Свинын // *Отечественные записки. – 1828. – Ч. 34. – № 96. – Апрель. – С. 3–31.*
24. Сумароков П. И. *Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду* / П. И. Сумароков. – Санкт-Петербург: Имп. тип., 1803–1805. – Ч. 1. – 226 с.; Ч. 2. – 224 с.
25. Сумароков П. И. *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, с историческим и топографическим описанием всех тех мест* / П. И. Сумароков. – Москва: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – 238 с.
26. Туровский Н. Ф. *Дневник поездки по России в 1841 году* / Н. Ф. Туровский; предисл., публикатор текста А. А. Голомбиевский. – Оттиск из журн. "Русская старина" 1913, № 9. – Санкт-Петербург: Тип. П. Усова, 1913. – 37 с.
27. Филиппсон Г. И. *Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона* / Г. И. Филиппсон. – Москва: Унив. Тип., 1885. – 244 с.
28. Храпунов Н. И. *Восточный Крым в сочинении Реджинальда Хебера* / Н. И. Храпунов; Р. Хебер // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: периоды дестабилизации и катастроф: VI Боспорские чтения: Керчь, 20–24 мая 2005 г. – Керчь, 2005. – С. 240–241.*
29. Alcock T. *Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece, in 1828–9* / T. Alcock. – London: Clarke and Son, 1831. – 228 p.
30. Besse Jean-Charles de. *Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie, en Arménie, en Asie-Mineure en a Constantinople, en 1829 et 1830. Ourage orne de cinq plançiles litographiées* / Jean-Charles de Besse. – Paris: Delaunay, Libraire, au Palais-Royal, 1838. – 467 p.
31. Castelnau G. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie: in 3 t.* / G. Castelnau. – Paris: Chez rey et Gravier, libraires, 1820. – Т. 3. – 348 p.
32. Castres le comte, de. *Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof et en Crimée, dans la vue d'y etabir une colonie d'emigrés; par le conte de Castres, lieutenant du genue, actuellement Marechal-de-Camp d'etat-major, l'un des commissaires envoys a set effet par S.A.S. le prince de Conde* / Le comte de Castres. – Paris: A. J. Kilian, 1826. – 381 p.
33. Guthrie M. *A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea: the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy* / M. Guthrie. – London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. – 446 p.

34. Hell Xavier Hommaire, de. Travels in the steppes of the Caspian sea, the Crimea, the Caucasus, & c. / Hommaire Xavier de Hell. – London: Chapman and Hall, 1847. – 436 p.
35. Jesse W. Notes of a half-paj in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840: [in 2 vol.] / W. Jesse. – London: J. Madden and Co, 1841. – Vol. 1. – 335 p.; Vol. 2. – 355 p.
36. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: with a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: [in 2 vol.] / G. M. Jones. – London: J. Murray, 1827. – Vol. 1. – 582 p.; Vol. 2. – 595 p.
37. Koch C. The Crimea and Odessa: journal of a tour, with an account of the climate and vegetation / C. Koch; translated by Joanna B. Horner. – London: J. Murray, 1855. – 323 p.
38. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M. D. F. L. S., member of the Royal Asiatic Society of London, of the Wernerian Natural History Society of Edinburgh, &c. &c. &c.: [in 2 vol.] / R. Lyall. – London: Edinburgh, 1825. – Vol. 1. – 528 p.; 1825. Vol. 2. – 534 p.
39. Neilson A., mrs. The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma / Mrs. A. Neilson. – London: Partridge, Oakey and Co, 1855. – 143 p.
40. Reuilly J. Travels in the Crimea, and along the shores of the Black Sea: performed in the year 1803 / J. Reuilly. – London: Printed by J. G. Barnard, 1807. – 84 p.
41. Ros Lord de. Journal of a tour in the principalities, Crimea and countries adjacent to the Black Sea in the years 1835–36: in 3 vol. / Lord de Ros. – London: John W Parker and Son West Strand, 1855. – Vol. 1. – 164 p.
42. Saint-Sauveur F., de. Exursion en Crimée et sur les cotes du Caucase, au mois de juillet 1836, par le de St-Sauveur, consul de France / F. de Saint-Sauveur. – Paris: Typographie de firmin didot freres, 1837. – 91 p.
43. Seymour H. D. Russia on the Black Sea and Sea of Azof: being a Narrative of travels in the Crimea sand bordering provinces; with notices of the naval, military and commercial resources of those countries / H. D. Seymour. – London: John Murray, 1855. – 361 p.
44. Spencer Edmund. Travels in Circassia, Krim–Tatary including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black sea. Third edition. In two volumes / Edmund Spencer. – London: Printed by Ibotson and Palmer, Savoy street, Strand, 1839. – Vol. 1. – 392 p.; Vol. 2. – 415 p.
45. Vanzetti Titus. Exursion en Crim ee faite dans l'automne de l'anne e 1835 / Titus Vanzetti. – Odessa: A l'imprimerie de la ville, 1836. – 63 p.

© С.Н. Уэсли, (lindabright@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

**XIII СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ
 • ВЫСТАВКА •
 «НЕФТЬ. ГАЗ.
 ЭНЕРГО»**

Оренбург
 сердце Евразии

**17 - 19
 ФЕВРАЛЯ**

ООО «УралЭкспо»
 тел./факс: (3532) 67-11-02, 67-11-05, 45-31-31
 e-mail: uralexpo@yandex.ru, www.URALEXPO.ru

- Добыча нефти и газа (технологии и оборудование)
- Геология, геофизика
- Сейсмическое оборудование и услуги
- Транспортировка, переработка и хранение нефти, нефтепродуктов и газа
- Трубы и трубопроводы, инструменты и др.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

THE DEVELOPMENT OF PERSONALITY OF HIGH SCHOOL TEACHER IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL CULTURE

*E. Antonova
I. Skovorodkina*

Annotation

The article discusses the development of personality of teacher of higher school in modern conditions. Of particular interest to us are the results of the study that allow us to draw a conclusion about the necessity of comprehensive studies of current issues for successful development of teachers in terms of introduction from 2017 of effective contract in education, considered as a new social situation, which is the starting point for all of their changes.

Keywords: development; professional culture; activity; work; personality; self-development; self-improvement; high school; effective contract in education.

Антонова Елена Витальевна

*Ст. преподаватель,
ГБОУ ВО МО "Академия
социального управления", г. Москва
Сковородкина Ирина Зосимовна
Д.п.н., профессор,
ГБОУ ВО МО "Академия
социального управления", г. Москва*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы развития личности преподавателя высшей школы в современных условиях. Особый интерес для нас представляют результаты проведенного исследования, которые позволяют нам сделать вывод о необходимости комплексного исследования актуальной проблемы для успешного развития преподавателей в условиях введения с 2017 года эффективного контракта в образовании, рассматриваемого нами как новая социальная ситуация, являющаяся исходным моментом для всех их изменений.

Ключевые слова:

Развитие; профессиональная культура; деятельность; труд; личность; саморазвитие; самосовершенствование; высшая школа; эффективный контракт в образовании.

Качественное развитие современной высшей школы, превращение ее в институт создания и воспроизводства культуры, невозможно без осознания огромной роли преподавателя как носителя научного знания и социального опыта общества. Преподаватели вузов – это не только субъекты профессиональной деятельности, ответственные за подготовку компетентных и востребованных на рынке труда специалистов, но и одна из важнейших социально-профессиональных групп, являющаяся активным участником происходящих в стране политических, экономических и социальных изменений.

Высокий уровень профессиональной культуры преподавателей является одним из важнейших факторов, придающих новый импульс социально-экономическому прогрессу человечества. При этом личностный потенциал преподавателей, проявляющийся в их профессиональной деятельности, составляет национальное богатство любой страны. Профессиональная культура не создается сама по себе. Она проявляется как высшая степень развития профессиональной компетентности, сложное системное образование, представляющее собой совокупность общечеловеческих ценностей, про-

фессиональных ориентаций и качеств личности, способностей познания и технологий. Она выступает не только как элемент самой системы, но и как важная критериальная составляющая развития высшего учебного заведения.

Потребность в комплексном исследовании проблемы обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К числу объективных можно отнести изменение требований со стороны государства и общества к осуществляемой образовательной политике, связанной с повышением качества высшего образования, созданием эффективной системы профессионального развития преподавателей, внедрением в вузах инновационных образовательных технологий и т.д. К числу субъективных – потребность личности в своем самосовершенствовании и самореализации, в поиске и внедрении современных технологий обучения и воспитания студентов на основе устойчивых интересов и потребностей, связанных с творческим развитием, психологическим комфортом, модусом жизнедеятельности, основу которого составляют трудовые образования, детерминирующие характер труда.

В этих условиях особенно актуальным становится необходимость исследования данной проблемы не только с

точки зрения понимания внешней предметной стороны, ориентированной на изменение преподавателем окружающего мира, но и внутренней, направленной на изменение самого себя и своего отношения к миру (А.К. Абульханова-Славская, О.С. Анисимов, Г.С. Батищев, Брушлинский, Ю.В. Громыко, В.П. Зинченко, Н.С. Злобин, Э.В. Ильенков, М.С. Каган, В.М. Розин, В.И. Слободчиков и др.). Это представляет особый интерес для нашего исследования и позволяет рассматривать развитие личности преподавателя, его профессиональной культуры, с точки зрения саморазвития и самосовершенствования, самоизменения, принятия решений, определяющих выбор ценностей, целей и способов своей профессиональной жизнедеятельности.

Известный исследователь отечественной психологии Л.С. Выготский утверждал, что развитие человека зависит от социальной ситуации, которая является исходным моментом для всех его изменений. [1, с.68] Разделяя его мнение, нам становится очевидным, что одним из таких важных моментов, который существенным образом может повлиять на развитие профессиональной культуры преподавателей, может выступить эффективный контракт, который планируется внедрить в систему образования с начала 2017 года.

По мнению В.И. Слободчикова достижение субъектами труда вершин в профессиональной деятельности невозможно без создания для этого благоприятных условий, способствующих эффективному личностному развитию, овладению профессиональным мастерством, творческой и эффективной самореализацией в труде. [4, с.132]

Исследователи различных наук не раз подчеркивали уникальность и неповторимость личности. Так, например, вопросы создания условий для культивирования личности воспитанника и её самовыражения волновали Дж.Дьюи, А.Маслоу рассматривал самореализацию как проявление таланта, способностей и дарования личности, К.Роджерс уделял внимание перспективам продуктивного личностного роста, Р.Бернс – формированию здорового самосознания и собственной позиции личности, овладение знаниями и опытом, способствующими профессионализму и развитию высокого уровня культуры.

Исследование сущностного, содержательного, структурно-функционального и организационно-методического компонентов развития профессиональной культуры преподавателей позволило нам всесторонне исследовать актуальную проблему на феноменологическом, общем и частном уровнях и сделать вывод, что благоприятные внешние условия, психофизиологические и социально-психологические качества личности, ее способности влияют на эффективное развитие профессиональной культуры преподавателя и его готовность к осуществлению своего труда.

Готовность к труду, как показано в исследованиях Е.А.Климова, А.К.Марковой и др. в значительной степени зависит от индивидуальных способностей человека. [2,3] Понимаемые как свойства личности, являющиеся условиями успешного осуществления определённого рода

деятельности, способности не сводятся к имеющимся у индивида знаниям, умениям, навыкам. Они обнаруживаются в быстроте, глубине и прочности овладения способами и приёмами некоторой деятельности и являются внутренними психическими регуляторами, обуславливающими возможность их приобретения.

С целью определения условий и факторов, влияющих на характер развития профессиональной культуры преподавателей, нами проведено эмпирическое исследование, в основу которого положен интегративный субъектно-деятельностный подход, позволяющий рассмотреть деятельность преподавателя с точки зрения привлечения актуальных востребованных внутренних и внешних ресурсов в составе единой целостной системы развития и трудовой активности для достижения общей цели, отношения ко всем сторонам осуществляемого труда, обуславливающих его самодетерминацию, самоопределение, саморазвитие и самореализацию.

Мы предположили, что профессиональная культура преподавателя как результат личностно-профессионального развития человека на различных этапах его жизненного пути проявляется как интегративный феномен, объединяющий научно-познавательный, аналитико-конструктивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, деятельностный, регулятивный и коммуникативный компоненты, сформированность которых раскрывает сущность подготовленности и готовности успешно выполнять все функции труда.

Результаты проведенного эмпирического исследования, часть из которых мы описываем ниже, наглядно показали, что все преподаватели, которым мы предложили участвовать в анкетировании (возраст, пол и должности различны), считают свой труд социально значимым. При этом, отвечая на вопрос о том, удовлетворены ли, по их мнению, обучающиеся и коллеги результатами их труда, только 50% ответили утвердительно. Из числа всех опрошенных (100 человек) 63% считают, что испытывают удовлетворенность от своего труда и от результатов этого труда, при этом лишь 4,5 % отмечают, что в образовательной организации обеспечиваются максимально возможные условия для оптимизации всех сторон труда.

Все респонденты считают, что хорошие взаимоотношения в коллективе снижают степень возникновения социально-психологических конфликтов и необходимо поощрять коллег за инициативу и продуктивные результаты труда. 90% отмечают у себя высокую коммуникабельность и общительность и считают, что открытость и доброжелательность способствует взаимному сотрудничеству. При этом только 72% респондентов, как показывают результаты анкетирования, всегда стараются найти общий язык с коллегами и не допускают агрессивности по отношению к ним, и 40% преподавателей считают, что коллеги всегда готовы пойти им навстречу. 50% преподавателей отмечают, что всегда используют научно обоснованные подходы к осуществлению своего труда. 54 % из числа всех опрошенных считают, что их мировоззрение в полной мере соответствует социальным принципам и нормам современного общества. 40% –

что любят свой труд преподавателя и все делают для того, чтобы достичь в нем максимальных результатов, при этом 50% из числа всех опрошенных, считают, что часто устают от своего труда и это накладывает отпечаток на достижение поставленных целей и успешность реализуемых задач. Из числа всех опрошенных 45% преподавателей считают, что постоянно занимаются самообразованием и самосовершенствованием, так как считают свои знания сущности труда и субъекта труда недостаточными.

Таким образом, результаты исследования нам позволяют установить не только условия и факторы, предопределяющие успешность развития профессиональной культуры преподавателей, но и препятствующие ему, следствием чего снижается работоспособность, продуктивность труда, происходят негативные изменения психических качеств человека и утрачиваются ценностные ориентации в осуществлении профессиональной деятельности. Так, нами было установлено, что объективными факторами, негативно влияющими на успешное развитие профессиональной культуры преподавателей являются: недостаточная оплата труда и материально-техническое обеспечение профессиональной деятельности; низкий уровень социального статуса и престижности труда; несистемное и непрозрачное стимулирование труда; увеличение нагрузок и усиление экстремальности труда; недостаточное количество профессиональных работников, способных исполнить роль наставника и примера для подражания в значимый период личностно-профессионального развития.

К числу субъективных факторов, препятствующих личностно-профессиональному развитию преподавателей следует отнести снижение оценки перспектив профессионального роста и собственных потенциальных возможностей, способности влиять на свою жизнь; внутреннюю конфликтность, вызванную расхождением ценностных и нормативных шкал, недовольством собой и неуверенностью; чувство обиды, хроническую усталость и неудовлетворенность состоянием здоровья. Причем, следует отметить прямую зависимость между возрастанием уровня проявления указанных негативных факторов и уровнем профессионального мастерства. Повышенное чувство обиды, обусловленное недостаточным признанием способностей преподавателей, неудовлетворенностью оплаты труда при повышении требований к результа-

там деятельности, несоответствие принимаемых законов объективным условиям жизни, способно стать существенным препятствием на пути этапов развития профессиональной культуры преподавателей, привести к утрате заинтересованности в продуктивном труде.

Кроме этого, личностному развитию препятствуют излишнее усложнение профессиональных проблем, стандартный подход в их разрешении, затруднения при выполнении деятельности в ситуациях с отсутствием обратной связи и непредсказуемым результатом. Также этому способствует боязнь получения отрицательных результатов труда и недостаточное развитие коммуникативных и организационных способностей, что проявляется в недостаточном умении вызывать симпатию у окружающих, в более высоких показателях враждебности и агрессии, стремлении к оппозиционности в поведении, снижении собственной самооценки вследствие несоответствия сложившихся представлений о собственном "Я". Из-за низкого материального и социального статуса все это может явиться следствием возрастающих сомнений в собственной ценности как специалистов.

К субъективным факторам, влияющим на развитие преподавателей, следует отнести низкие показатели проявления творчества в работе, самооценки профессионального потенциала, способности менять свое поведение в зависимости от обстоятельств.

Таким образом, выделенные факторы, препятствующие эффективному развитию преподавателей, обуславливают проявления кризисных периодов, выражающихся в изменении темпа и направления развития в профессии и сопровождающиеся перестройкой смысловых и операционных структур.

Подводя итоги вышесказанного, хочется отметить, что процесс развития личности преподавателя в современных условиях следует теснее коррелировать с системой функционирования всей организации высшего образования, принимаемых ей организационных мерах и мерах регулирующего характера, связанных с требованиями трудовых модусов, благоприятным психолого-педагогическим климатом в коллективе. Вспоминая слова Л.С.Выготского о том, что развитие человека зависит от социальной ситуации, мы утверждаемся в важности создания в вузах благоприятных условий социализации преподавателей, влияющих на эффективное развитие их профессиональной культуры и продуктивность труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. –М.: Педагогика–Пресс, 1999. – 536 с. – (Психология: Классические труды)
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие. – М.: "Академия", 2004. – 304 с.
3. Маркова А.К. Психология труда учителя. Книга для учителей. М.: Просвещение 1993г. – 190 с.
4. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии, психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. –М. : Школа–Пресс, 1995. – 384 с.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПЕДАГОГОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEM SOLVING OF CROSS-CULTURAL INTEGRATION OF TEACHERS IN THE REGIONAL SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION

*I. Kireeva
S. Kaziakhmedova
E. Razumovsky*

Annotation

The necessity of solving the problem of cross-cultural integration of teachers in the regional system of professional education is substantiated in this article. The analysis of theoretical positions, approaches to the training of teachers in the conditions of the Russian system of vocational education, their international experience of scientific and pedagogical work is presented. On the basis of the analysis revealed the importance of intercultural integration of teachers in the international educational space, with advanced training in the system of additional professional education.

Keywords: intercultural integration of teachers, regional system of professional education, additional professional education, intercultural communication.

Киреева Ирина Анатольевна

К.пед.н., доцент, ФГБОУ ИВО "Московский государственный гуманитарно-экономический университет"

Казиахмедова Светлана Ханмагомедовна

К.пед.н., ФГБОУ ИВО "Московский государственный гуманитарно-экономический университет"

Разумовская Елена Александровна

К.соц.н., доцент, Театральный институт им. Б. Щукина

Аннотация

В статье обосновывается необходимость решения проблемы межкультурной интеграции педагогов в региональной системе профессионального образования. Представлен анализ теоретических положений, подходов к подготовке педагогов в условиях российской системы профессионального образования, их зарубежного опыта научно-педагогической работы. На основе представленного анализа выявлена значимость межкультурной интеграции педагогов в рамках международного образовательного пространства, при повышении квалификации в системе дополнительного профессионального образования. Особую роль в решении вопроса играет межкультурная коммуникация. Международное образовательное пространство и научно-педагогический опыт также важны в оптимизации межкультурной интеграции педагогов в региональной системе профессионального образования.

Ключевые слова:

Межкультурная интеграция педагогов, региональная система профессионального образования, дополнительное профессиональное образование, межкультурное взаимодействие.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть аспекты решения проблемы межкультурной интеграции педагогов в региональной системе профессионального образования.

Исходя из анализа литературы по проблеме исследования, определена концепция решения, которая укладывается в следующую схему:

- ◆ через использование международного потенциала науки, педагогического образования и педагогического опыта ведущих вузов России;
- ◆ через использование опыта международного сотрудничества региональных вузов, в рамках дополнительного профессионального образования (ДПО);
- ◆ через использование новейших достижений педагогической науки и практики высшей профессиональ-

ной школы, на основе применения ресурсов информационно-коммуникационных технологий [1, с.28].

При решении обозначенной в статье проблемы мы будем придерживаться данных теоретико-методологических положений.

В связи с этим, целесообразно обозначить особые тенденции формирования культуры педагогов региональных вузов, которые имеют теоретическую и практическую направленность:

- ◆ формирование у педагогов целостного представления о международном сотрудничестве в образовании, методологии и методах ее изучения, ознакомление с ведущими культурологическими концепциями зарубежных ученых и педагогов;

◆ конкретизация составляющих инокультуры образования, их роли и места в контексте культурологического знания международного образовательного пространства; овладение педагогами практическими навыками межкультурной деятельности и коммуникации; создание предпосылок для творческой межкультурной деятельности педагогов в региональной системе высшего профессионального образования.

В ходе анализа научно-педагогических источников выявлены организационно-педагогические основы дополнительной подготовки преподавателей высшей профессиональной школы. [1, с.36] Формирование социокультурной компетенции способствует ведению диалога не только на уровне индивидуумов, но также предопределяет готовность и способность педагогов к ведению диалога культур. Е.Н. Соловова отмечает, что "диалог культур подразумевает знание собственной культуры и культуры страны или стран изучаемого языка" [4, с.129].

При изучении обозначенных выше работ выявлено, что также важна социокультурная компетенция, которая является инструментом воспитания международно-ориентированной личности педагога, осознающей взаимозависимость и целостность мира, необходимость межкультурного сотрудничества. Однако, для решения межкультурных проблем и задач общения или взаимодействия, при проектировании и организации системы высшего профессионального образования в условиях отдельного региона недостаточно только знаний культурологического характера, необходимо выйти на уровень стратегической и дискурсивной компетенций. Последние включают формирование навыков и умений организации речи, умения выстраивать ее логично, последовательно и убедительно, ставить коммуникативные задачи и добиваться цели, в том числе научной и педагогической коммуникации.

Анализ научно-педагогической литературы показал, что проблема интеграции региональной системы высше-

го профессионального образования в международное образовательное пространство разрабатывается в исследованиях современных ученых и дальнейшее ее изучение представляется актуальным. Вместе с тем, редко встречаются разработки по проблеме интеграции целостных процессов образования в условиях двух и более культур образования. Наиболее часто, опосредованно друг от друга, встречаются исследования по мировой и национальной культуре образования, определяются типы культуры в отечественной и зарубежной педагогике. Реже представлены исследования об интеграции отечественной и зарубежной культур высшего профессионального образования, которая обеспечивает качество межкультурной научно-педагогической работы в высшей школе и международную деятельность вуза в целом.

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы отечественных и зарубежных авторов, исследования (научное наблюдение и беседы с преподавателями региональных вузов г. Самары, г. Махачкалы, г. Тольятти) позволили прийти к выводу о том, что большинство работ по межкультурной интеграции носят теоретический характер. Остальные исследования и разработки недостаточно адаптированы к возможностям региональной системы высшего профессионального образования и поэтому не могут быть привнесены педагогами в практику проектирования и организации целостного процесса образования и научной работы, с использованием зарубежного опыта.

Таким образом, необходимо было провести дополнительные исследования с целью оптимизации процесса межкультурной интеграции педагогов в региональной системе высшего профессионального образования.

Следует особо отметить комплексный характер решения проблемы, поскольку речь идет о проектировании и организации региональной системы высшего профессионального образования, научной работы педагогов, на основе изучения отечественного и зарубежного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанасюк Л.А., Киреева И.А. Технология межкультурного сотрудничества: теория и методология. Монография Изд-во ВУиТ г. Тольятти. – 2012–156с.
2. Астафурова, Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты) : автореф. дис. ... докт. пед. наук / Т. Н. Астафурова. – М., 1997. – 41 с.
3. Бажина И.А. Становление и развитие принципа регионализации образования в педагогической теории и практике: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01: Казань, 2003. – 437с.
4. Казиахмедова С.Х. К проблеме адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям обучения в вузе. // Проблемы социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья в современное общество: сб. материалов Международной научно-практической конференции/ под ред. Н.А. Ореховской – Москва, 2010. – С.128–131
5. Киреева И.А. Социально-культурные условия формирования компетенции межкультурного общения студенческой молодежи. Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05/Киреева Ирина Анатольевна. – Тамбов, 2009. – 25с.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

COMPETENCE APPROACH IN THE CONDITIONS OF REALIZATION OF FEDERAL EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER EDUCATION

O. Kozyreva

Annotation

Russian higher school in modern sociocultural terms searches the way of integration in outer educational space in accordance with the modern tendencies of reformation. The special actuality is acquired by competence approach that supposes forming of aim of education from a result. Exactly competence approach is an answer for a question about that, how to improve quality trade education, allows to do education more effective.

Keywords: competence approach, education, result, aim.

Козырева Ольга Анатольевна

*К.п.н., доцент каф. коррекционной педагогики
КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск,
доцент каф. педагогики и психологии
с курсом ПО КрасГМУ
им. В.Ф.Войно-Ясенецкого, Красноярск*

Аннотация

Российская высшая школа в современных социокультурных условиях ищет свой путь интеграции в мировое образовательное пространство в соответствии с современными тенденциями реформирования. Особую актуальность приобретает компетентностный подход, который предполагает формирование цели образования от результата. Именно компетентностный подход является ответом на вопрос о том, как повысить качество профессионального образования, позволяет сделать образование более эффективным.

Ключевые слова:

Компетентностный подход, образование, результат, цели.

В современной отечественной педагогике известно довольно большое число различных подходов, лежащих в основе образовательного процесса в вузах. В их числе есть как уже известные и устоявшиеся (традиционный, системный, деятельностный, личностно ориентированный, культурологический, аксиологический), так, вошедшие в научный оборот сравнительно недавно (ситуационный, контекстный, полипарадигмальный, информационный, эргономический, компетентностный и др.).

Компетентностный подход представляет собой совокупность элементов традиционных подходов: культурологического [9]; научно-образовательного [18]; дидактоцентрического; функционально-коммуникативного и др. Он не является самостоятельной концепцией и опирается на понятийный аппарат и методологическую основу различных дисциплин.

Компетентностный подход сменил знаниево-квалификационный подход в профессиональном образовании, при котором, профессиональная подготовка должна была соответствовать заданным квалификационным характеристикам специальности, а выпускник должен был удовлетворять квалификационным требова-

ниям, предъявляемым к специалистам, перестал отвечать потребностям сегодняшнего дня [7].

Актуальность компетентностного подхода возросла в перехода к реализации ФГОС ВПО.

Компетентностный подход – это приоритетная ориентация на цели – векторы образования: обучаемость, самоопределение (самодетерминация), самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности [4; 5].

По мнению А.М. Новикова, "современное стремительное развитие компетентностного подхода обусловлено осознанием в обществе необходимости придания образованию деятельностной направленности" [15, с. 9].

Реализация компетентностного подхода принципиально изменила организацию учебного процесса, управление им и сами способы оценивания образовательных результатов студентов.

С позиций компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Компетентностный подход не отрицает значения знаний,

но он акцентирует внимание на способности использовать полученные знания. Он призван развить/сформировать у студентов набор ключевых компетенций, которые определяют и гарантируют освоение профессиональной деятельностью.

При компетентностном подходе основным содержанием обучения являются действия, операции, соотносящиеся не столько с объектом приложения усилий, сколько с проблемой, которую нужно разрешить. Компетентного специалиста отличает критическое мышление: способность среди множества решений выбрать оптимальное, аргументированно опровергать ложные решения. Компетентность предполагает постоянное обновление знания, овладение новой информацией для успешного решения профессиональных задач в данное время и в данных условиях [15].

Компетентностный подход призван повысить конкурентоспособность выпускников вузов. В нем упор сделан не столько на содержание, объем часов, процесс преподавания, сколько на ожидаемые результаты, которые необходимо получить на "выходе". Образование "от результата" на сегодняшний день является одной из основных стратегий модернизации высшей школы.

При компетентностном подходе развивается автономность будущего специалиста, ответственность при принятии профессиональных решений, повышается степень развитости профессионально важных личностных качеств на разных ступенях и уровнях квалификаций, формируются гуманистические ценности личности [7, с. 106].

А.М. Митяева рассматривает проектирование многоуровневого высшего образования и дает обоснование необходимости перехода отечественной образовательной системы в новое качественное состояние на основе реализации компетентностного подхода как методологического принципа [14].

Д.С. Ермаков определяет компетентностный подход как метод моделирования целей и результатов образования как норм его качества, отражение результата образования в целостном виде как системы признаков готовности выпускника к осуществлению той или иной деятельности [2].

По мнению О.Е. Лебедева, компетентностный подход является совокупностью общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов [11].

Одной из первостепенных задач теоретического

обоснования компетентностного подхода является определение используемых понятий и терминов: "компетентность" и "компетенция" [3, 8, 10, 13, 19].

Так, под профессиональной компетентностью понимается способность эффективно решать практические задачи по социализации развивающейся личности, обеспечению условий деятельностной интеграции личности в общество, что достигается прежде всего за счет развития ценностных ориентаций [3].

По мнению Э.Ф. Зеера, компетентность специалиста определяет его знания, умения и опыт. Способность мобилизовать их в конкретной социально-профессиональной ситуации характеризует компетенцию профессионально успешной личности [4, 5].

Как специально отмечает Л.М. Митина, понятие "педагогическая компетентность" включает знания, умения, навыки, а также способы и приемы их реализации в деятельности, общении, развитии (саморазвитии) личности [13, с. 46].

По Н.В. Кузьминой, способность педагога превращать специальность, носителем которой он является, в средство формирования личности учащегося с учетом ограничений и предписаний, накладываемых на учебно-воспитательный процесс требованиями педагогической нормы, в которой он осуществляется, и есть компетентность [10, с. 89].

В.А. Сластенин определяет профессиональную компетентность как результат освоения специальной деятельности, методов ее критериального анализа и механизм ее развития в процессе непрерывного профессионального образования и становления профессионализма в практической деятельности [20].

В педагогическом энциклопедическом словаре содержится такое определение компетентностей: компетентности – это содержательные обобщения теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений. Теоретические компетентности отражают внутренние связи и отношения предметов и явлений действительности, их конкретизация выражается в понятиях, законах, принципах. Эмпирические компетентности отражают внешние свойства предметов и явлений и имеют действенный характер, их конкретизация состоит в словах-терминах, символах, знаках, иллюстрациях, примерах. Эти компетентности – целостная универсальная систематизированная совокупность обобщенных знаний – базовые компетентности, что, по нашему мнению, подчеркивает их первичность по отношению к компетенциям и метакачествам [10].

По В.В. Серикову, универсальный подход к пониманию сущности компетентности состоит в том, что данная категория однозначно не соотносится ни с общим, ни с профессиональным образованием [20, с.35]. Компетентность позволяет человеку ориентироваться в широком круге вопросов, не ограниченных узкой специализацией, что обеспечивает социальную и профессиональную мобильность личности, открытость к изменениям и творческому поиску, способность к самовыражению и самосозданию, готовность и способность обновлять свои знания. Профессиональная компетентность – совокупность знаний, умений, свойств и качеств личности, которые обеспечивают соответствие требованиям определенной профессии, умение эффективно осуществлять профессиональную деятельность, проекция социального поведения специалиста [20, с.35].

В теоретическом плане профессиональная компетентность характеризуется уровнем развития квалификации. В эмпирическом плане профессиональная компетентность определяется степенью готовности специалиста к решению профессиональных задач разного уровня сложности в изменяющихся условиях профессиональной деятельности.

Компетенции – это обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности, способности человека реализовать на практике свою компетентность. Ядром компетенции являются деятельностные способности – совокупность способов действий в определенных условиях, без которых компетенции не могут быть реализованы. Ключевыми компетенциями являются политические, социальные, межкультурные, коммуникативные, информационные, персональные и другие, и они же определяют реализацию специальных компетентностей [15, с. 210–211].

В современной отечественной и зарубежной педагогике и психологии [1; 9; 11; 16; 22] сформировались следующие подходы к определению компетенции. Компетенция рассматривается как интегральное качество личности (характеристика человека) и как совокупность компонентов и аспектов деятельности человека, позволяющих ему успешно справляться с решением проблем.

Особого внимания заслуживают исследования И.А. Зимней. Автор понимает под компетенцией внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [6].

А.Г. Бермус подчеркивает, что компетенция включает

совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, а компетентность соотносится с владением, обладанием человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [1].

По мнению Э.Ф. Зеера, профессиональная компетенция – это совокупность профессиональных знаний, умений, а также способы выполнения профессиональной деятельности [4; 5].

В.И. Байденко [10] отмечает, что компетенции отвечают требованиям профессиональных границ, динамике профессий, их глобализации, разрушению профессиональных замкнутостей. Компетенции суть контекстная целесообразность, контекстное творчество, контекстно-ролевая самоорганизация, самоуправление, самооценивание, саморегулирование, самокоррекция, самопозиционирование. Компетенции "встраиваются" в образовательный процесс посредством технологий, содержания, стиля жизни учебного заведения, типа взаимодействия между преподавателями и между самими обучающимися [11].

Ориентация на компетенции не отменяет квалификационных характеристик специалиста. Они носят определенный прикладной характер, их функция проявляется в общей оценке соответствия квалификации специалиста занимаемой конкретной должности. Квалификационная характеристика определяет границы знаний и умений, а профессиональные компетенции – что и как он должен делать. Они дополняют друг друга.

А. Г. Бермус [1] разработал трёхуровневую модель, включающую характеристику:

- ◆ базового уровня компетенции, соответствующего общей ориентировке выпускника в будущей деятельности, знанию основных нормативов и требований, а также наличию общих представлений об образовательной ситуации в России и мире.
- ◆ промежуточного уровня компетенции, соответствующего правильным действиям в некоторых типовых, стандартных ситуациях.
- ◆ профессионального уровня компетенции, соответствующего морально-психологической (мотивационной), интеллектуальной и коммуникативной готовности к профессиональной деятельности.

Т.е., на основании всего выше сказанного, можно сделать следующие выводы.

Компетентностный подход является императивом в ФГОС ВПО и концептуальным стержнем образовательной политики, выражается в представлении результатов

обучения не в виде требований к уровню подготовленности по отдельным циклам дисциплин в формате "ЗУН", а в виде компетенций как способностей выполнять профессиональную деятельность в соответствии с заданными требованиями.

Уточнения в трактовках понятий, лежащих в основе компетентностного подхода, позволяет нам утверждать,

что их содержание подвижно, не синонимично и четко дифференцировано.

Компетентностный подход направлен на освоение профессиональной деятельности, определенных трудовых функций будущего специалиста. Матрица компетенций образовательной программы определяет образовательные технологии и оценочные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бермус А.Г. Российское педагогическое образование в контексте Болонского процесса // Педагогика. 2005. №10. С. 102–109.
2. Ермаков Д. С. Педагогическая концепция формирования экологической компетентности учащихся: автореф. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 39 с.
3. Захарова Л. Н., Соколова В. В., Соколов В. М. Профессиональная компетентность учителя и психолого-педагогическое проектирование. Н.Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 1995. 136 с.
4. Зеер Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб.пос. для вузов по специальности "профессиональное обучение (по отраслям)": рек. УМО вузов РФ /Э.Ф.Зеер, А.М.Павлова, Э.Э.Сыманюк; гл. ред. Д. И. Фельдштейн; Моск. психолого-социальный ин-т. М.: МПСИ, 2005. 216 с.
5. Зеер Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 330 с.
6. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностно-го подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.40с.
7. Коровин В.М. Реализация основных положений компетентностного подхода в образовательной деятельности российских вузов // Вестник Воронеж.гос. ун-та. Серия: Проблемы высшего образования. 2010. №1. С. 105–110.
8. Кострова Ю. С. Генезис понятий "компетенция" и "компетентность" // Молодой ученый. 2011. № 12. С.57–60.
9. Краевский В.В. Общие основы педагогики: учеб.для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / В.В. Краевский. – М.: Академия, 2003. 256 с.
10. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высш. шк., 1990. 119с.
11. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии 2004. № 5. С. 3–12.
12. Лопанова Е. В., Лонская Л. В. Структурный анализ технологической компетентности педагога // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2009. № 4 (3). С. 54–57.
13. Митина М. Л. Психология профессионального развития. М., 1998. 230с.
14. Митяева А. М. Компетентностная модель многоуровневого высшего образования (на материале формирования учебно-исследовательской компетентности бакалавров и магистров): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2007. 43 с.
15. Новиков А. М. Культура как основание содержания образования // Педагогика. 2011. № 6. С. 9–15.
16. Образовательный процесс в начальной, основной и старшей школе: Рекомендации по организации опытно-экспериментальной работы / координатор проекта: А.Г. Каспржак. М.: Сентябрь, 2001. 240 с.
17. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во "Большая российская энциклопедия", 2002. 506с.
18. Пиявский С.А. Научно-ориентированное обучение // Обновление российской школы: Докл. 4-й Всеросс. дистанционной августовской педагогической конф. (26 августа – 10 сентября 2002 г.) [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.eidos.ru/conf>. – 26.05.2015.
19. Ревякина В.И. Магистратура – ресурс повышения кадрового потенциала Российских ВУЗов.// Вестник ТГПУ. Рубрика: Высшее педагогическое образование. Выпуск №10. 2011. С. 29–33.
20. Сериков В.В. Природа педагогической деятельности и особенности профессионального образования педагога // Педагогика. 2010. № 5. С. 35
21. Слостенин В. А. Личностно ориентированные технологии профессионально-педагогического образования // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 49–74.
22. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностноориентированной парадигмы образования // Народное образование. – 2003. № 5. С. 55–61.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

PEDAGOGICAL CONDITIONS,
ENSURING THE IMPLEMENTATION
OF THE CONCEPTUAL MODEL OF THE
DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL
POTENTIAL OF THE MODERN FAMILY

V. Korobkova
L. Metlakova

Annotation

The article identifies that the process of development of the educational potential of the family is a complex system, effective functioning and development which can be implemented on the basis of the designed models in specially created conditions. The article discusses the author's classification of pedagogical conditions, ensuring the implementation of the conceptual model for the development of educational potential of families, United in two groups: organizational-pedagogical and methodological.

Keywords: the development of educational potential of family, pedagogical conditions, organizational-methodical conditions, information and methodological terms, the conceptual model.

Коробкова Венера Викторовна

К.пед.н., доцент, декан,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Метлякова Любовь Анатольевна

К.пед.н., зам. декана по уч. работе

фак. правового и социально-педагогического образования, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация

В статье определено, что процесс развития воспитательного потенциала семьи представляет собой сложную систему, эффективное функционирование и развитие которой может быть реализовано на базе проектируемой модели в специально созданных условиях. В статье рассматривается авторская классификация педагогических условий, обеспечивающих реализацию концепции развития воспитательного потенциала семьи, объединенных в две группы: организационно-педагогические и информационно-методические условия.

Ключевые слова:

Развитие воспитательного потенциала семьи, педагогические условия, организационно-методические условия, информационно-методические условия, концептуальная модель.

Педагогические условия реализации концепции развития воспитательного потенциала семьи представляют собой сложную систему, эффективное функционирование и развитие которой может быть реализовано на базе проектируемой модели в специально созданных условиях. В статье рассматривается авторская классификация педагогических условий, обеспечивающих реализацию концепции развития воспитательного потенциала семьи, объединенных в две группы: организационно-педагогические и информационно-методические условия.

Выделяют различные признаки классификации педагогических условий: по сфере воздействия: внешние (содействующие формированию процессуальной составляющей педагогической системы) и внутренние (обеспечивающие воздействие на развитие личностной сферы субъектов педагогического процесса); по характеру воздействия: объективные (нормативно-правовая база сферы образования, средства информации, кадровые

ресурсы) и субъективные (потенциал субъектов педагогической деятельности, уровень согласованности их действий, степень личностной значимости целевых приоритетов и ведущих замыслов образования для обучаемых и пр.); по специфике объекта воздействия: общие (социальные, экономические, культурные, национальные, географические и др. условия) и специфические (особенности социально-демографического состава обучаемых; местонахождение образовательного учреждения; материальные возможности образовательного учреждения, оборудование учебно-воспитательного процесса; воспитательные возможности окружающей среды характер морально-психологической атмосферы в педагогическом и ученическом коллективах, уровень педагогической культуры педагогов и др.); по специфике содержания компонентов педагогического процесса: организационно-педагогические (меры воздействия, лежащие в основе управления функционированием и развитием процессуального акта педагогического процесса); психолого-педагогические (меры воздействия направленные на

развитие и преобразование конкретных характеристик личности); дидактические (отбор, конструирование и применение элементов содержания, методов, а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей) [1].

Принимая во внимание данные исследовательские позиции, предлагаем авторскую классификацию педагогических условий реализации концептуальной модели развития воспитательного потенциала семьи, которая наглядно представлена в **табл. № 1**. В комплексе данную классификацию представляют две группы условий: 1) организационно-педагогические (внешние, содействующие формированию процессуальной составляющей модели) и 2) информационно-методические (внутренние,

обеспечивающие воздействие на развитие личностной сферы субъектов развития воспитательного потенциала семьи). Важно отметить, что данные группы условий имеют субъективный уровень: семья и люди, включенные в процесс (педагоги, специалисты, родители, дети); а также объективный уровень (общие условия на уровне региона и специфические условия на уровне конкретного образовательного учреждения).

Не давая оценки существующим подходам к определению понятий необходимости и достаточности педагогических условий, мы можем констатировать, что необходимыми являются те условия, без которых проблема не может быть решена, их также недостаточно, чтобы решить ее максимально эффективно.

Таблица 1.

Педагогические условия, обеспечивающие реализацию концептуальной модели развития воспитательного потенциала современной семьи.

Группы условий		Внешние (содействующие формированию процессуальной составляющей модели)	Внутренние (воздействующие на развитие личностной сферы субъектов развития воспитательного потенциала семьи)
		Организационно - педагогические	Информационно - методические
Объективные	Общие Уровень Региона	<ul style="list-style-type: none"> Межведомственное взаимодействие и опора на методологические подходы к развитию ВПС при разработке программы семейной политики региона (целевой региональной программы) Организационная и нормативно-правовая база для социального партнерства (государство, семья, НКО, бизнес) в сфере развития воспитательного потенциала семьи 	<ul style="list-style-type: none"> Научно-педагогическое сопровождение региональных СМИ в аспекте развития воспитательного потенциала семьи Наличие системы курсов повышения квалификации специалистов, работающих с семьей по программам, направленным на развитие воспитательного потенциала современной семьи.
	Специфические Уровень учреждения образования	<ul style="list-style-type: none"> Наличие организационно-педагогической (управленческой) системы взаимодействия семьи и образовательного учреждения на основе социального партнерства Интеграция формального и неформального образования детей и взрослых в условиях информационно-образовательного пространства учреждения, проектируемого с целью развития воспитательного потенциала семьи 	<ul style="list-style-type: none"> Формирование родительской компетентности к взаимодействию с ребенком на принципах поддержки детской одаренности Соответствие содержания и характера работы с семьей ее индивидуальным особенностям (неполная, опекунская, приемная, многодетная, с ребенком ОВЗ, СОП и др.);
Субъективные	Уровень семьи	<ul style="list-style-type: none"> Наличие у семьи выраженной потребности и устойчивых мотивов в развитии своего воспитательного потенциала Наличие образовательных ресурсов семьи (субъектных, предметно-материальных, организационных, психологических, информационных, дидактических) 	<ul style="list-style-type: none"> Определение и принятие своей цели и программы развития воспитательного потенциала и/или принятие цели и программы поддержки и сопровождения извне (для семей группы СОП);
	Уровень личности	<ul style="list-style-type: none"> Активная включенность детей и взрослых в освоение открытого информационно-образовательного пространства, направленного на развитие воспитательного потенциала семьи 	

Применительно к нашему исследованию такими условиями являются условия, представленные в группе специфические (см. таб. 1) и относящиеся к уровню конкретных образовательных учреждений. Данные условия выступают базой для реализации модели развития воспитательного потенциала семьи, так как обеспечивает ориентацию конкретных учреждений на процесс взаимодействия с семьей в аспекте решения проблемы развития воспитательного потенциала семьи, а также мотивируют педагогов и других специалистов, родителей и детей на активное включение в данный процесс.

Далее теоретическим и экспериментальным путем мы дополняем необходимые условия теми условиями, от которых зависит максимально полное решение поставленной проблемы. Эти условия могут быть определены как достаточные, т.е. те условия, которые расширяют возможности по решению проблемы развития воспитательного потенциала современной семьи в открытом образовательном пространстве, и они представлены нами группой общих и субъективных условий.

Таким образом, названные условия составляют единый комплекс. С одной стороны, они являются относительно самостоятельными, с другой, они взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

Охарактеризуем каждую группу условий.

1-я группа -
организационно-педагогические
условия

Основной функцией организационно-педагогических условий является организация таких мер воздействия, которые обеспечивают целенаправленное, планируемое управление процессом развития воспитательного потенциала семьи, то есть его процессуальным аспектом.

Первое педагогическое условие – межведомственное взаимодействие и опора на методологические подходы к развитию воспитательного потенциала семьи при разработке семейной политики региона (целевой региональной программы). Данное условие реализуется в интересах семьи и детей с целью переосмысления и формирования нового качества отношения государства к семье. Программы важно разрабатывать с опорой на методологические основания процесса развития воспитательного потенциала семьи, что обеспечивается: координацией ведомств в осуществлении поддержки семье и детям, целью, системой программных мероприятий, включением научно-педагогического сообщества в разработку и реализацию программы с учетом теоретико-методологических подходов к развитию воспитательного потенциала семьи.

Второе педагогическое условие – наличие организационной и нормативно-правовой базы для социального партнерства (государство, семья, НКО, бизнес др.) в сфере развития воспитательного потенциала семьи. При выстраивании социального партнерства (государство, семья, НКО, бизнес др.) в обеспечении поддержки семьи с целью развития ее воспитательного потенциала важно учитывать все организационные условия и правовое регулирование такого партнерства на федеральном и региональном уровне, используя все предоставляемые возможности для осуществления деятельности в интересах семьи и детства. Для этого важно два уровня поддержки социального партнерства: 1) поддержка организационная (н-р, организация Краевых и городских конкурсов социально-значимых проектов); 2) поддержка нормативно-правовая (регулирование деятельности в интересах всех партнеров).

Третье педагогическое условие – наличие организационно-педагогической (управленческой) системы взаимодействия семьи и образовательного учреждения на основе социального партнерства. Социальное партнерство позволяет искать подходы к снятию противоречий между социальными субъектами. Особая роль в этой системе принадлежит процессу управления для обеспечения эффективного развития воспитательного потенциала семьи. При этом важно выстроить в учреждении технологию управления научно-методической работой, которая, в свою очередь, должна быть представлена иерархической четырехуровневой системой: уровень стратегического управления (директор, научные консультанты, совет по стратегии развития взаимодействия школы и семьи, педагогический совет, аттестационная комиссия); уровень тактического управления (заместители директора и руководители структурных подразделений школы, научно-методический совет школы); уровень оперативного управления (классные руководители, психологи, социальные педагоги, лаборатории научно-исследовательской работы педагогов); уровень оперативного взаимодействия (сотрудничество педагогов, детей и родителей). [3].

Четвертое педагогическое условие – интеграция формального и неформального образования детей и взрослых в условиях открытого образовательного пространства, проектируемое в учреждениях с целью развития воспитательного потенциала семьи. Процесс интеграции формального и неформального образования детей и взрослых представлен в исследовании как система, включающая образовательную деятельность субъектов: 1) образование детей; 2) образование родителей; 3) образование педагогов и специалистов сопровождения семьи. При этом процессуальная сторона процесса интеграции обеспечивается через специально организуемое открытое информационно-образовательное простран-

ство, ориентированное развитие воспитательного потенциала семьи (А.П. Беляева, Б.Г. Гершунский, А.Я. Данилюк, И.Г. Еременко, И.Д. Зверев, А.В. Золотарева, В.Н. Максимова, Л.А. Метлякова, Ю.С. Тюников, Г.Ф. Федорец, В.Н. Федорова, А.В. Шумакова, И.П. Яковлев и др.) [4].

Пятое педагогическое условие – наличие у семьи выраженной потребности и устойчивых мотивов в развитии своего воспитательного потенциала. Развитие воспитательного потенциала семьи в наибольшей мере обеспечивается внутренними (субъективными) факторами, т.е. переход семьи на более качественный уровень своего развития зависит от личностно-мотивационной сферы каждого члена семьи, которая выступает мощным фактором личностных изменений субъектов и семейного системы в целом. Внешняя среда, безусловно, играет огромную роль, но каков бы ни был характер организации внешней социокультурной среды, эффективность изменений семейной системы зависит от усилий самой семьи, от целенаправленного использования собственных ресурсов, от степени актуализации членами семьи своих личностных мотивов для обеспечения развития воспитательного потенциала семьи. При этом семья целенаправленно посылает запрос внешней среде. С этой точки зрения значим ресурсный подход (И.В. Ткаченко) к реализации воспитательных возможностей семьи, суть которого заключается в активизации внутренних резервов семьи, личностно-развивающих ресурсов семьи (потребностей, мотивов личности каждого члена семьи), влияющих на реализацию и развитие воспитательного потенциала семьи.

Шестое педагогическое условие – наличие образовательных ресурсов семьи (субъектных, предметно-материальных, организационных, психологических, информационных, дидактических). Чем богаче и содержательнее арсенал образовательных ресурсов семьи, тем больше возможностей предоставляется для совершенствования членов семьи и создаются эффективные условия для развития воспитательного потенциала семьи, в целом. Т.П. Симакова отмечает, что выполнение социального заказа зависит от ресурса социума, в котором проживают конкретные семьи, и образовательного потенциала самих семей, под которым понимается совокупность её ресурсов (субъектных, деятельностных, предметно-материальных, организационных, психологических), направленных на полноценное осуществление образовательной функции по отношению к ребёнку. При этом можно выделить образовательно-методические ресурсы для родителей о воспитании детей в семье (например: СМИ, Интернет, подсказки для родителей, возможность посещения семейных Клубов и др.), и образовательные ресурсы для детей (домашняя библиотека, развивающие игры, возможность посещать семейные культурно-досуговые программы, клубы, кино-сеансы, площадки для семейно-

го отдыха и др.). Важным представляется учет образовательных ресурсов семьи (общих и индивидуальных) – способностей, склонностей, социально-коммуникативных связей, материальных возможностей и т.п., в проектировании ее индивидуального образовательного маршрута в процессе развития воспитательного потенциала семьи. Данная технология достаточно содержательно представлена в исследовании И.А. Хоменко [5].

2-я группа - информационно-методические условия

Информационно-методические условия в проектируемой модели напрямую или косвенно обеспечивают воздействие на развитие личностной сферы субъектов развития воспитательного потенциала семьи.

Первое педагогическое условие – научно-педагогическое сопровождение региональных СМИ в аспекте развития воспитательного потенциала семьи. Необходимо выходить на качественно новый уровень взаимодействия педагогической общественности со СМИ с целью самообразования родителей по вопросам воспитания и личностного развития ребенка. Реализация вопросов воспитания в СМИ требует решения целого ряда важных задач: усиление воспитательного потенциала СМИ, создание детских телепередач и специализированных передач для родителей, создание газет, рубрик, усиление внимания СМИ к вопросам воспитания и положительно-му педагогическому опыту, отбор подаваемой информации в соответствии с воспитательными целями. Таким механизмом могут выступить мероприятия по информационному сопровождению деятельности в сфере поддержки материнства и детства и формирования среды, дружественной к семье и детям на уровне региона.

Второе педагогическое условие – наличие системы курсов повышения квалификации специалистов, работающих с семьей по программам, направленным на развитие воспитательного потенциала современной семьи. Возможные пути повышения компетентности специалистов к взаимодействию с семьей связаны: во-первых, с созданием специальных образовательных программ по проблеме семьи и семейного воспитания; во-вторых, с разработкой отдельных курсов и тренингов; в-третьих, со стимулированием самообразования в этой сфере. Последний пункт особенно важен, поскольку, как справедливо отмечает И.А. Хоменко, ориентация на самостоятельное пополнение знаний о семье, ее субъектах, проблемах, связанных с развитием воспитательного потенциала семьи, возникает только тогда, когда в содержании основной профессиональной подготовки и повышения квалификации специалист увидит значимость влияния семьи и внутрисемейных отношений на весь процесс

развития и становления человека как субъекта истории, своего жизненного пути, как субъекта деятельности [6].

Третье педагогическое условие – подготовка родителей к поддержке детской одаренности. В нашем исследовании "процесс взаимодействия родителя с ребёнком на принципах поддержки детской одаренности" определён как система взаимно обусловленных действий родителей и детей, которая характеризуется признанием родителями уникальности и уважением позиции ребенка, верой в его возможности и творческую активность, предоставлением свободы выбора и ориентацией на раскрытие и поддержку одаренности ребенка. Подготовка родителей к взаимодействию с ребёнком на принципах поддержки детской одаренности рассматривается в работе как социально-значимая деятельность, обеспечивающая раскрытие и развитие одаренности ребенка. При этом в качестве основного критерия оценки результативности данного процесса выступает компетентность родителей во взаимодействии с ребенком [4].

Четвёртое педагогическое условие – соответствие содержания и характера работы с семьей ее индивидуальным особенностям (неполная, опекунская, приемная, многодетная, с ребенком ОВЗ, СОП и др.) и уровню ее воспитательного потенциала. Научно-методологическим обоснованием условия является адресный подход: предполагает включение в образовательный процесс систему мероприятий, организованных для конкретной семьи, точно рассчитанных на ее персональные потребности, которые она не в состоянии удовлетворить самостоятельно. В предлагаемой нами концептуальной модели мы дифференцируем семьи по уровню развития воспитательного потенциала, считая, что "сложные" в традиционном понимании семьи (неполная, опекунская, приемная, многодетная, с ребенком ОВЗ и др.), могут обладать достаточно высоким уровнем развития воспитательного потенциала. Данный подход делает предлагаемую модель достаточно универсальной для работы с большим количеством разных семей, в том числе, находящихся в традиционной классификации в "группе риска" (неполная, опекунская, приемная, многодетная, с ребенком ОВЗ, с одаренным ребенком и др.). Отдельной группой мы выделяем семьи группы "социально-опасного положения", как правило, это семьи с низким и распавшимся воспитательным потенциалом, требующие реализации специальной педагогической технологии. Определение и учет индивидуальных потребностей родителей, выстраивание личностных траекторий формирования знаний, умений, навыков, ценностных ориентаций позволяют проектировать и реализовывать на практике индивидуальный маршрут семьи, принципами разработки которых выступают: учет проблем конкретной семьи; конкретных образовательных запросов членов семьи, ресурсов семьи (И.А. Хоменко) [5].

Пятое педагогическое условие – определение и принятие членами семьи своей цели и программы развития воспитательного потенциала и/или принятие цели и программы поддержки и сопровождения со стороны специалистов (для семей группы "социально-опасного положения"). В качестве методологического обоснования реализации на практике выделенного условия выступает эвдемо-педагогический подход, который обеспечивает основу для понимания членами семьи принятия своей цели и программы развития воспитательного потенциала, основанной на категории "счастья", а также программы поддержки и сопровождения предложенную специалистами. Планирование будущего предписывает семейной системе осуществление целенаправленной деятельности по реализации ее потенциалов, сущностных и творческих сил. Особенно важно данное педагогическое условие как принятие цели и программы поддержки и сопровождения специалистами для семей группы "социально-опасного положения". Поэтому в рамках реализации данного условия принципиально важной задачей выступает замена неконструктивных, разрушающих форм отношений в семье на позитивные [4].

В рамках нашего исследования мы выделяем группу условий, обеспечивающих процесс развития воспитательного потенциала семьи на уровне субъектов: семья и люди, включенные в процесс развития воспитательного потенциала семьи (педагоги, специалисты, родители, дети).

В качестве еще одного из важнейших педагогических условий, обеспечивающих эффективность реализации модели развития воспитательного потенциала семьи на личностном уровне мы выделяем следующее – активная включенность детей и взрослых в освоение открытого образовательного пространства, ориентированного на развитие воспитательного потенциала семьи.

Отметим, что данное педагогическое условие относится как к организационно-педагогическим, так и к информационно-методическим (см. табл. 1).

Особую организацию информационно-образовательного пространства учреждения в аспекте развития воспитательного потенциала семьи мы рассматриваем как ресурс для совместной деятельности родителей, детей и педагогов, что обеспечивает достижение положительных результатов в рамках рассматриваемой проблемы. Вовлечение субъектов в использование возможностей такого пространства выступает в качестве важной составляющей эффективного функционирования такого пространства. Следовательно, можно считать, что организация деятельности личности базируется на интерактивности.

Дети и взрослые оказывают влияние на процесс развития воспитательного потенциала семьи с помощью информации, которая позволяет интенсифицировать процессы общения, социального и творческого развития всех субъектов. При этом включенность педагогов, родителей и обучающихся в информационно-образовательное пространство учреждения не только как активных пользователей ресурсов, но и как создателей, дает возможность лично сориентировать воспитательные воздействия субъектов, создать условия для развития

отдельных компонентов воспитательного потенциала семьи как результат интегрирующей деятельности.

Итак, представленные в данной статье организационно-педагогические и информационно-методические условия обеспечивают комплексное воздействие на эффективность реализации модели развития воспитательного потенциала семьи в открытом образовательном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипполитова Н.В. Анализ понятия "педагогические условия": сущность, классификация // General and Professional Education / Н.В. Ипполитова, Н.Н. Стерхова. – № 1. 2012. Р. 8–14.
2. Коробкова В.В. Концепция развития воспитательного потенциала семьи в образовательной практике современной России: моногр. / В.В. Коробкова ; Перм. гос. гуманит.–пед. ун–т. – Пермь, 2013. – 252 с. – (Сер. "Развитие воспитательного потенциала современной семьи").
3. Недвецкая М.Н. Управление качеством педагогического взаимодействия школы и семьи: Монография / М.Н.Недвецкая. – М.: АПКИППРО, 2008. – 161 с. (10 п.л.)
4. Педагогические технологии развития воспитательного потенциала современной семьи в учреждениях образования : коллективная монография / С.Ю. Галиева, В.В. Коробкова, Л.А. Метлякова, М.Б. Шеина, Ю.И. Якина; под общ. ред. В.В. Коробковой; Перм. гос. гуманит.–пед. ун–т. – Пермь, 2013. – 276 с. – (Развитие воспитательного потенциала современной семьи)
5. Хоменко И.А. Разработка образовательных программ по подготовке специалистов к работе с семьей // Информационно-аналитический научно-образовательный журнал. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. – 80 с.
6. Хоменко И.А. Проектирование образовательного маршрута семьи [Текст] / И. А. Хоменко // Народное образование: Российский общественно-педагогический журнал. – 2011. – № 8. – С. 158–166.

© В.В. Коробкова, Л.А. Метлякова, (vkorobkova@mail.ru) , Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

FEATURES OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF THE FUTURE EXPERTS: SOCIAL AND PERSONAL COMPONENTS

I. Levitskaya

Annotation

The article presents the interim results of the primary diagnostic features of professional self-determination of future specialists at the stage of vocational training. On the basis of the characteristics of the various aspects of the professional development are defined the basic components and levels of professional self-determination of future specialists. Diagnostics of the level of formation and dynamics of the studied components of professional self-determination are performed. Subject-personal features and social conditions of professional self-determination are specified at the stage of vocational training.

Keywords: professional development, vocational guidance, professional diagnostics, professional formation, professional self-determination, professional becoming.

Аннотация

В статье приводятся промежуточные результаты первичной диагностики особенностей профессионального самоопределения будущих специалистов на этапе профессионального обучения. На основе характеристики различных аспектов профессионализации определены базовые компоненты и уровни профессионального самоопределения будущих специалистов. Проведена диагностика уровней сформированности и динамики развития изучаемых компонентов профессионального самоопределения. Конкретизированы субъектно-личностные особенности и социальные условия профессионального самоопределения на этапе профессионального обучения.

Ключевые слова:

Профессиональное становление, профессиональное руководство, профессиональная диагностика, профессионализация, профессиональное самоопределение.

Профессионализация будущего специалиста как научная проблема затрагивает психологический, педагогический, социологический, философский, социокультурный аспекты самоопределения личности, в структуре которого выделяют различные постоянно взаимодействующие компоненты (личностное, социальное, профессиональное и др.).

Проблема профессионального самоопределения остается актуальной не только в периоды выбора профессиональной деятельности и профессиональной подготовки в процессе обучения. Существование непрерывного профессионального самоопределения признается многими учеными (Э.Ф.Зеер, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Н.С. Пряжникови др.) [1, 2, 4, 6].

Профессиональное самоопределение не сводится к одномоментному акту выбора профессии, а осуществляется на всех стадиях профессионального становления, в том числе в процессе обучения. Данный процесс связан с развитием самосознания, включает формирование системы ценностных ориентации, планирование и

моделирование своего будущего, построение эталонов в виде идеального образа профессионала и его проекция на собственный "Я-образ". Таким образом, профессиональное самоопределение является важной характеристикой социальной зрелости личности, ее потребности в самореализации и самоактуализации.

Определяющими для нашего изучения особенностей профессионализации являются исследования Э. Ф. Зеера [1], потому что профессиональное самоопределение актуально не только на этапе оптации (12–16 лет), но и на более поздних стадиях профессионализации личности, в том числе и на этапе профессиональной адаптации (18–25 лет) и построения карьеры.

Процесс профессионализации определяется разными аспектами профессионального самоопределения. Начальным этапом изучения профессионального самоопределения является выделение базовых компонентов, составляющих фундаментальную базу этого процесса.

Ценностный компонент предполагает самостоятель-

ность оценочных суждений, социально значимых принципов и установок в жизненном самоопределении. Концептуальный компонент определяет совокупность взглядов, принципов, убеждений, определяющая отношение к окружающей действительности и характеризующая видение мира в целом и место человека в этом мире. Ориентационный компонент демонстрирует интеллектуальное осмысление социокультурных знаний, понимание своих жизненных ресурсов, способностей, самооценка, опыт рефлексивной деятельности. Операционный компонент отражает готовность и умение использовать знания, принципы, оценки в различных ситуациях социокультурной деятельности. Прогностический компонент выявляет способность применять знаниево-ценностный и мировоззренческо-рефлексивный аппарат для предвидения, прогнозирования безопасных последствий деятельности инженера.

Нам определены уровни профессионального самоопределения: продуктивный (высокий), адаптивный (средний), критический (низкий). В обобщенном виде продуктивный уровень отличают следующие характеристики: ярко выраженные показатели, которые осознаются в полной мере, присутствуют в достаточной степени и четко фиксируются в ходе опытно-экспериментальной работе. На адаптивном уровне проявление показателей наблюдается в достаточно значительной мере, однако количественные и качественные характеристики проявлены не в полном объеме. Критический уровень обобщенно характеризуется незначительной степенью проявления показателей, что определяет их слабо выраженный характер.

Генеральной целью исследования явилось выявление социально-личностных особенностей профессионального самоопределения студентов и диагностика уровней сформированности и динамики развития изучаемых компонентов профессионального самоопределения.

Ценностный компонент профессионального самоопределения предполагает выявление системности и мотивированности оценочных суждений, социально значимых принципов и установок в жизненном самоопределении. Методика изучения ценностных ориентации М. Рокича [7], выбранная нами в качестве основы изучения данного компонента, подразумевает ранжирование списка ценностей на терминальные (ценности-цели, существующие на уровне убеждения) и инструментальные (ценности-средства, проявляющиеся в способах действий). Результаты изучения оценочного компонента (ранги ценностных ориентаций) позволили сделать вывод о преобладании среди студентов таких наиболее значимых ценностей-целей личности, как свобода, познание, активность (выбор первокурсников таким образом – ценности личной жизни) и интересная работа, материально обеспеченная жизнь и уверенность (выбор будущих выпускни-

ков – ценности профессионализма). Данный факт свидетельствует об изменении мотивации и стремлении студентов реализовать потенциал в профессиональной сфере [3].

Анализ ранжирования ценностей на уровне поведения студентов, а также их индивидуальных предпочтений, проявляющихся в выборе способов деятельности, характеризует эволюцию предпочтений ценностей-средств у первокурсников (независимость, рационализм, твердая воля) и студентов 4-го курса (широта взглядов, образованность и эффективность в делах). Следовательно, в процессе обучения в вузе происходит осознание студентами важности социокультурных знаний, социально значимых ориентаций и установок в жизненном самоопределении и профессиональных планах, умения применять знаниево-ценностный аппарат в различных ситуациях социокультурной деятельности.

Тем не менее, представляется возможным выделить терминальные и инструментальные ценности, имеющие общий высокий ранговый номер предпочтений на всех курсах: среди первых – активная деятельная и продуктивная жизнь, познание и интересная работа; вторые – эффективность в делах, широта взглядов, рационализм, образованность. Данный выбор свидетельствует о доминирующей направленности студентов на ценности профессиональной самореализации, ценности самоутверждения, ценности дела (соответственно снижена установка на индивидуалистические и конформистские ценности, этические ценности, ценности общения, альтруистические ценности, ценности принятия других) [3].

Анализ концептного компонента предполагает изучение характера взглядов, принципов, убеждений, способности к сопереживанию и сочувствию другим людям, к пониманию их внутренних состояний. На данном основании мы провели диагностику уровня эмпатических способностей (по методике В. В. Бойко) и исследовали систему принципов и отношений студентов к прошлому, настоящему и будущему, ближайшему окружению и социуму в целом, будущей профессии, собственные жизненные цели, нереализованные возможности и др. (методика "Неоконченное предложение"). Проективная методика "Неоконченное предложение" использовалась в данном исследовании в сочетании с жесткими методами, требующими однозначных, заранее предложенных ответов, поскольку помогает выявить неучтенные в стандартной процедуре явления. Данная методика была модифицирована нами исходя из сущности концептуального компонента и задачи исследования системы взглядов, убеждений, через призму которых проецируется индивидуальный способ видения жизни, мироощущения, способы мышления, потребности, ожидания и т.д. Помимо этого, мы также учитывали результаты педагогического наблюдения и анализа эссе студентов на тему: "Я-образ": про-

шлое, настоящее и будущее", полученные в ходе констатирующего этапа экспериментального исследования.

Изучение полученных данных на основе модифицированной методики неоконченных предложений, а также контент-анализ эссе студентов (результаты диагностики представлены в табл. 1) позволяет классифицировать представления и отношения студентов по следующим направлениям (контент-группам): учебная деятельность, отношение к себе, планирование жизни, нереализованные возможности, отношение к деятельности, отношение к людям. В соответствии с проективной методикой, для каждой группы предложений выводится характеристика, определяющая данную систему отношений как положительную, отрицательную или безразличную.

Учитывая позитивное (+) или негативное (-) представление студентов (либо неосознаваемую значимость по выделенным направлениям), можно утверждать:

- ◆ негативное отношение к деятельности, в том числе учебной, нереализованные возможности и отсутствие планирования жизни первокурсников, а также близкий к нулю (+0,24) индекс выбора контент-группы "отношение к людям" расценивается в нашем исследовании как факторы, препятствующие формированию профессионального самоопределения;

- ◆ позитивное отношение по всем контент-группам, выявленное у третьекурсников, указывает на преодоление дисгармонии представлений и ожиданий студентов не ранее, чем на 3-ем курсе;

- ◆ положительная динамика сформированности концептного компонента профессионального самоопределения студентов 1-4 курсов по всем контент-группам не дает адекватного отражения качественных изменений

в отношении к себе, к людям, к деятельности, к учебной деятельности, планированию жизни, реализации возможностей.

Проведенный анализ и дифференциация студентов по уровню сформированности концептного компонента профессионального самоопределения выявил наличие положительной динамики к 4-ому курсу, однако установлена существенная разница количественного прироста индекса выбора по контент-группам (от 1,88 до 5,32). Так, наиболее максимальный прирост выявлен в отношении студентов к учебной деятельности (контент-группа №1 =5,17) и планированию жизни (контент-группа №2 =5,32). Данный факт необходимо рассматривать как реализацию потенциальных возможностей студентов в процессе обучения в вузе; минимальное увеличение показателей установлен по контент-группам №№3,4 (1,94 и 1,88 соответственно), что объясняется сформированным положительным отношением уже на 1-ом курсе и незначительной динамикой развития к 4-ому курсу; средний уровень прироста по контент-группам №№5,6 (соответственно 3,21 и 3,76) указывает на низкую степень развития концептуального компонента студентов 1-4 курсов.

Кроме того, в ходе анализа данных установлена закономерность: наибольший прирост по всем контент-группам наблюдается ко 2-ому курсу (от 1,54 по контент-группе №6 до 3,28 по контент-группе №1), прирост к 3-4 курсам по всем контент-группам оценивается крайне низко.

Уровень развития и динамика концептуального компонента, исследованные по методике В.В.Бойко[5], представлены в табл. 2. При оценке уровня эмпатии использовались уровни: первый (30-36 баллов суммарно) – вы-

Таблица 1.

Результаты диагностики концептного компонента профессионального самоопределения студентов по методике "Неоконченнопредложение" (n=388).

№	Контент-группа	Индекс выбора			
		1 курс (n=102)	2 курс (n=98)	3 курс (n=108)	4 курс (n=80)
1.	Учебная деятельность	-1,96	+1,32	+1,77	+3,21
2.	Планирование жизни	-2,07	-0,05	+1,68	+3,25
3.	Отношение к людям	+0,24	+1,99	+1,65	+2,19
4.	Отношение к себе	+1,02	+3,03	+2,68	+2,90
5.	Нереализованные возможности	-1,95	-0,02	+1,56	+2,26
6.	Отношение к деятельности	-1,56	-0,01	+1,54	+2,20

Таблица 2.

Результаты диагностики концептного компонента профессионального самоопределения студентов по методике В.В.Бойко "Исследование эмпатийных способностей" (n=388).

Компоненты эмпатии	Количественные характеристики показателей сформированности концептного компонента			
	1 курс (n=102)	2 курс (n=98)	3 курс (n=108)	4 курс (n=80)
Рациональный канал эмпатии	2	3	3	4
Эмоциональный канал эмпатии	3	4	4	4
Интуитивный канал эмпатии	2	3	3	4
Установки, способствующие эмпатии	4	3	3	3
Проникающая способность в эмпатии	3	3	4	4
Идентификация в эмпатии	3	3	3	3
Суммарный показатель	17	19	20	22

сокий уровень – соответствует выходу на продуктивный (высокий) уровень сформированности профессионального самоопределения; второй (29–22 баллов) – средний уровень – соответствует адаптивному (среднему) уровню; третий (21–15 баллов) – заниженный и четвертый (<14 баллов) – очень низкий – соответствуют критическому (низкому) уровню.

Установлено, что показатели отдельных шкал и общая суммарная оценка уровня эмпатии варьируется от 2 до 4 баллов по шкалам и суммарный показатель изменяется в пределах 17–22 баллов, что указывает на средний и заниженный уровни эмпатических способностей у студентов 1–4 курсов.

Проведенный анализ сформированности эмпатических способностей концептуального компонента профессионального самоопределения (по методике В.В.Бойко) выявил наличие положительной динамики, однако показатели не превышают значений критического (низкого) уровня на 1–3 курсах и порогового нижнего значения адаптивного (среднего) уровня на четвертом курсе. Следовательно, уровень развития эмпатических способностей характеризует дисгармоничную систему отношений мировоззренческо–рефлексивного и когнитивно–аксиологического аспектов сформированности профессионального самоопределения.

Дальнейшее изучение уровня сформированности профессионального самоопределения студентов выявило необходимость анализа ориентационного компонента, который демонстрирует понимание своих жизненных ресурсов, способностей, самооценка, опыт рефлексивной деятельности. Диагностика "Уровень субъективного кон-

троля" (УСК), разработанная Дж. Роттером[7], позволяет определять характерный для индивида локус контроля, который универсален по отношению к любым типам событий и ситуаций, с которыми ему приходится сталкиваться.

Возможны два полярных типа такой локализации УСК: экстернальный (Э) и интернальный (И). В первом случае индивид полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил – случайности, воли других людей и т. д.; во втором – интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности. Один и тот же тип контроля характеризует поведение индивида в случае неудач и в сфере достижений, причем это в равной степени касается различных областей социальной жизни. Мы использовали следующие шкалы, значимые в контексте нашего исследования: шкала общей интернальности, шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области неудач, шкала интернальности в производственных отношениях, шкала интернальности в области межличностных отношений.

Результаты проведенных диагностических исследований по шкалам интернальности в семейных отношениях и в отношении здоровья и болезни (в соответствии со шкалами, предложенными Дж. Роттером), стали предметом анализа и рефлексии студентов в плане определения перспективы развития личностных отношений и здорового образа жизни. Таким образом, нами были выявлены студенты с преобладающим типом УСК по выбранным шкалам (табл. 3). Полученные на диагностическом этапе результаты выявили динамику поступательного развития ориентационного компонента.

Таблица 3.

Динамика сформированности ориентационного компонента профессионального самоопределения студентов (n=388).

Показатели шкалы	Количественная характеристика показателей, Абс. кол-во чел./% от общего кол-ва студентов на каждом курсе							
	1 курс (n=102)		2 курс (n=98)		3 курс (n=108)		4 курс (n=80)	
	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И
Шкала общей интернальности	48/47	54/53	45/46	53/54	50/46	58/54	13/16	67/84
Шкала интернальности в области достижений	14/14	88/86	49/50	49/50	51/47	57/53	31/39	49/61
Шкала интернальности в области неудач	68/67	34/33	52/53	46/47	59/55	49/45	23/29	57/71
Шкала интернальности в производственных отношениях	59/58	43/42	41/42	57/58	39/36	69/64	45/56	35/44
Шкала интернальности в области межличностных отношений	56/55	46/45	58/59	40/41	44/41	64/59	24/30	56/70

Проанализировав количественно и качественно показатели УСК, установлено, что недавние абитуриенты склонны приписывать успехи и удачу своим заслугам, а в противоположность – внешним силам и обстоятельствам, что демонстрирует низкий уровень сформированности ориентационного компонента, при этом по остальным шкалам прослеживаются примерно равные показатели. Результаты диагностики данного компонента у студентов 2–3 курсов свидетельствуют о том, что на средних курсах остается недостаточно сформированной личностная установка на сотрудничество и социальное взаимодействие, не получает должного развития стремление к самореализации в профессиональной деятельности, наблюдается пассивность в поиске выхода из проблемной ситуации. Недостает знаний, умений и опыта, позволяющих осуществлять анализ и рефлексию, контрольно-оценочную деятельность в процессе социокультурного общения, фиксируются трудности выстраивать продуктивные отношения с окружающими людьми и социальными институтами.

В 3,7 раз количество студентов 4–го курса, имеющих экстернальный тип локализации УСК, меньше по сравнению с аналогичным типом у первокурсников. Этот показатель свидетельствует о том, что студенты активно осваивают в процессе изучения дисциплин ГСЭ опыт социокультурной деятельности, проявляют самостоятельность и целеустремленность, волевое действие, понимают свои жизненные ресурсы и адекватно оценивать способности, опыт рефлексивной деятельности позволяет успешно применять самооценку и самоконтроль не только во время учебной деятельности, но и на производственных практиках.

Далее мы провели анализ операционного компонента

и изучили готовность и умение использовать знания, принципы, оценки в различных ситуациях социокультурной деятельности. Реализация данной цели потребовала изучения отчетов студентов о производственной практике (2 курс – ознакомительная практика, 3 курс – учебная практика, 4 курс – преддипломная производственная практика) в части разделов "Организационные вопросы", "Производственные совещания", "Картография конфликта", а также анализа коммуникативных и организаторских склонностей (методика оценки КОС). Выбор данного инструментария объясняется значимостью коммуникативных и организаторских склонностей студентов, поскольку представляют собой важный компонент и предпосылку развития способностей в тех видах деятельности, которые связаны с общением с людьми, с организацией коллективной работы. Они являются важным звеном в профессиональной подготовке будущих инженеров.

При оценке сформированности операционного компонента нами использовались три уровня: первый (5 баллов) – соответствует выходу на продуктивный (высокий) уровень; второй (4 балла) – соответствует адаптивному (среднему) уровню; третий (3 и менее баллов) – соответствует критическому (низкому) уровню. Таким образом, показатель сформированности операционного компонента изменяется в пределах от 0 (полное отсутствие) до 5 (высший уровень сформированности).

Уровень развития и динамика операционного компонента профессионального самоопределения представлены в табл. 4.

Установлено, что показатели сформированности операционного компонента студентов 1–2 курсов находятся

Таблица 4.

Динамика сформированности операционного компонента профессионального самоопределения студентов (n=388).

Курс обучения	Уровни сформированности операционного компонента профессионального самоопределения					
	продуктивный		адаптивный		критический	
	Абс., кол-во чел.	% от общего количества студентов на каждом курсе	Абс., кол-во чел.	% от общего количества студентов на каждом курсе	Абс., кол-во чел.	% от общего количества студентов на каждом курсе
1 курс (n=102)	12	11,8	44	43,1	46	45,1
2 курс (n=98)	11	11,2	39	39,8	48	49,0
3 курс (n=108)	21	19,5	41	37,9	46	42,6
4 курс (n=80)	20	25,0	31	38,8	29	36,2

примерно на равном измерении по всем уровням: 11,8% и 11,2% – показатели продуктивного уровня соответственно; 43,1% и 39,8% – показатели адаптивного уровня; 45,1% и 49% – показатели критического уровня студентов 1 и 2 курсов соответственно.

Проведенный анализ и дифференциация студентов по продуктивному уровню сформированности операционного компонента профессионального самоопределения выявила наличие положительной динамики к 3–4 курсам (19,5% и 25,0% соответственно по курсам, т.е. увеличение показателей к 4 курсу по сравнению с первокурсниками более чем в 2 раза), однако показатели адаптивного и критического уровней существенно не меняются (37,9% и 38,8%; 42,6% и 36,2% соответственно по 3 и 4 курсам).

В то же время, только четверть будущих инженеров к 4-ому курсу проявляют инициативу в общении, испытывают потребность в коммуникации, способны принимать самостоятельные и адекватные решения в трудных, нестандартных ситуациях, в том числе во время производственных практик. Они испытывают потребность в коммуникативной и организаторской деятельности и активно стремятся к ней, настойчивы в деятельности, отстаивают свое мнение и добиваются принятия своих решений. Все это они делают не по принуждению, а согласно внутренним устремлениям.

Однако более половины будущих выпускников университета (как и студенты 1–2 курсов) в большинстве случаев не стремятся к общению, испытывают трудности в установлении контактов с людьми, в выступлении перед аудиторией, в коллективе чувствуют себя скованно. Ред-

ко проявляют инициативу, предпочитают избегать проявления самостоятельных решений.

Таким образом, потенциал коммуникативных и организаторских склонностей будущих инженеров не отличается высокой устойчивостью. Эта группа студентов нуждается в дальнейшей планомерной работе по формированию и развитию операционного компонента профессионального самоопределения. Желание заниматься организаторской деятельностью зависит и от содержания соответствующих форм активности, и от типологических особенностей самой личности.

Данные факторы во многом определяются субъективной ценностью и значимостью для студента будущих результатов его профессиональной активности. На это обстоятельство мы указывали при составлении индивидуальных образовательных траекторий студентами с низким уровнем развития исследуемого компонента. Достаточно часто склонности появляются в ходе таких видов деятельности и общения, которые вначале были безразличны, но по мере включения в них становятся значимыми. Здесь важны собственные усилия и преодоление коммуникативных барьеров, которые возможны, если студент ставит себе сознательную цель саморазвития.

Далее исследован прогностический компонент и выявлены способности студентов применять знаниеоценностный и мировоззренческо-рефлексивный аппарат в деятельности:

- ♦ диагностика способов преодоления трудностей в различных сферах деятельности на основе определения копинг-стратегий (копинг-тест "Опросник о способах копинга", авторы Р. Лазарус, С. Фолькман; адаптация Л.И.

Вассермана);

♦ анализ способностей преодолевать тенденции к сохранению своих установок, стереотипов, способов мышления, способность изменить личную точку зрения и модель поведения (методика исследования ригидности).

В первом случае изучался стиль целенаправленного социального поведения, позволяющего справиться с трудной жизненной ситуацией такими способами, которые адекватны личностным особенностям и ситуации. Это сознательное поведение направлено на активное изменение, преобразование ситуации, поддающейся контролю через осознанные стратегии действий, или на приспособление к ней, если ситуация не поддается контролю. Для диагностики совладающего (копинг) поведения нами использовались следующие уровни: первый (0–6 баллов) характеризует низкий уровень напряженности, говорит об адаптивном варианте копинга – соответствует продуктивному (высокому) уровню; второй (7–12 балла) демонстрирует адаптационный потенциал личности в пограничном состоянии – соответствует адаптивному

(среднему) уровню; третий (13–18 баллов) свидетельствует о выраженной дезадаптации поведения и высокой напряженности совладающего поведения – соответствует критическому (низкому) уровню.

Методика исследования ригидности выбрана с целью определений затруднений (вплоть до полной неспособности) в изменении намеченной человеком программы деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки. При оценке ригидности нами использовались три уровня: первый (0–13 баллов) свидетельствуют о мобильности и способности коррекции модели поведения – соответствует продуктивному (высокому) уровню; второй (14–27 балла) отражает частичное проявление ригидности – соответствует адаптивному (среднему) уровню; третий (28–40 баллов) позволяет говорить о преобладании ригидности в поведении и низкой мобильности поведения – соответствует критическому (низкому) уровню.

Результаты комплексных измерений прогностического компонента представлены в табл. 5.

Таблица 5.

Динамика сформированности прогностического компонента профессионального самоопределения студентов (n=388).

Курс обучения	Уровни сформированности операционного компонента профессионального самоопределения					
	Исследование копинг-стратегий					
	продуктивный		адаптивный		критический	
	Абс., кол-во чел.	% от общего количества студентов на каждом курсе	Абс., кол-во чел.	% от общего количества студентов на каждом курсе	Абс., кол-во чел.	% от общего количества студентов на каждом курсе
1 курс (n=102)	5	4,9	28	27,4	69	67,7
2 курс (n=98)	7	7,1	25	25,5	66	67,4
3 курс (n=108)	7	6,4	29	26,9	72	66,7
4 курс (n=80)	6	7,5	26	32,5	48	60,0
Исследование ригидности						
1 курс (n=102)	6	5,9	32	31,4	64	62,7
2 курс (n=98)	6	6,1	30	30,6	62	63,3
3 курс (n=108)	7	6,5	30	27,8	71	65,7
4 курс (n=80)	6	7,5	28	35,0	46	57,5

Проведенный количественный и качественный анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

- ◆ более половины всех студентов (от 57,5% до 67,7%) с высокой степенью напряженности совпадающего поведения вместе с тем не способны менять стереотипы и модели поведения под влиянием объективных условий;
- ◆ незначительные колебания показателей по всем уровням не позволяют говорить о значимой положительной динамике исследуемого компонента (максимальный прирост составляет 1,5% по продуктивному уровню);
- ◆ сформированный знаниево-ценностный и мировоззренческо-рефлексивный аппарат не находит должной реализации в деятельности студентов;
- ◆ поведенческие усилия и используемые ресурсы (стратегии действий) с целью согласования внешних и внутренних требований не отличаются устойчивостью, осознанное преобразование ситуации или приспособление к ней не поддается контролю.

Анализ представленных экспериментальных данных свидетельствует о незначительном преобладании показателей концептуального, ценностного и прогностического компонентов сформированности профессионального самоопределения студентов первого курса (соответственно 1,45; 1,4; 1,39). При этом уровень сформированности информационного, ориентационного и операционного компонентов отмечается крайне низким (соответственно 1,33; 1,3; 1,3; таким образом, максимальная разница с концептуальным компонентом составляет 0,15, минимальная – 0,05).

Следовательно, отмечается недостаток как знаниево-ценностной и мировоззренческо-рефлексивной составляющих, так и практической стороны профессионального самоопределения.

Охарактеризованные особенности профессионального самоопределения студентов на этапе их обучения в вузе позволили конкретизировать субъектно-личностные особенности и социальные условия профессионального самоопределения. К первым нами отнесены личностные особенности, социально-психологические установки, система ценностных ориентаций и мотивов и др. Ко вторым – престиж профессии, ее востребованность, влияние семьи, т.е. преемственность труда от родителей и их влияние на процесс принятия решения оптантом об окончательном выборе профессии и т.п.

Результаты эмпирического исследования доказали необходимость системной работы по профессиональному самоопределению будущих специалистов: психологическое сопровождение, психологическое консультирование, профессиональная диагностика, коучинг- и тренинговые занятия и т.п.

Не вызывает сомнений важность дальнейшего изучения особенностей профессионального самоопределения будущих специалистов, особенно перспективным и актуальным представляется изучение динамики данного процесса, что позволит разработать психокоррекционные программы по оптимизации процесса профессионального самоопределения будущих специалистов, находящихся и на более поздних его этапах, а также изучить особенности профессионального самоопределения студентов разных направлений и специализаций подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
2. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2005.
3. Левицкая, И.А. Исследование профессиональной направленности личности на этапе профессионального самоопределения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки" – 2015, – № 11–12, – С. 89–95.
4. Маркова, А.К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996.
5. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учеб. пособие. – Самара: Издательский Дом "БАХРАХ-М", 2001.
6. Пряхников, Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. – М.: Изд-во "Институт практической психологии". Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.
7. Психологическая диагностика: учебное пособие / Под ред. К.М. Гуревича, Е.М. Борисовой. – М.: Изд-во УРАО, 1997.
8. Alenina E., Zyulina V. Problems and prospects of development of economic specialties in technical universities // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2010. – № 1. – С. 239–241.

ОЦЕНКА СТРУКТУРЫ, РЕГУЛЯРНОСТИ И ПОЛНОЦЕННОСТИ ПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-16-08004 на тему: "Гигиеническая оценка фактического питания школьников и пути его оптимизации: региональные аспекты".

EVALUATION OF THE STRUCTURE, REGULAR AND NUTRITION STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF REPUBLIC OF KALMYKIA

*K. Nastinova
G. Nastinova*

Annotation

The paper addressed the issue of catering students of educational institutions. Educational institution (DU) is interested in providing health-activities, as there is a close relationship the health of students and the educational process, which may be insufficiently effective because of limitations related to the health of students. As a consequence, before the educational institution sharply raises the need to find a compromise between the binding decision of educational tasks related primarily to the achievement of the required level of education, and the need to preserve the health of the participants in this education.

In accordance with the results of the study, offered evidence-based preventive measures, taking into account the specifics of the structure of supply students of educational institutions of the region, the role of family and school in the formation of healthy eating habits and inter-agency cooperation in the organization and carrying out preventive measures.

Keywords: students, educational institutions, health preservation, nutrition, Republic of Kalmykia.

Настинова Керен Ивановна

К.пед.н., ФГБОУ ВО

"Калмыцкий государственный университет", г. Элиста

Настинова Галина Эрднеевна

Д.геогр.н, ФГБОУ ВО

"Калмыцкий государственный университет", г. Элиста

Аннотация

В работе рассмотрен вопрос организации питания учащихся образовательных учреждений. Образовательное учреждение (ОУ) заинтересовано в обеспечении здоровьесберегающей деятельности, так как существует тесная взаимосвязь здоровья учащихся и учебного процесса, который может быть недостаточно эффективным из-за ограничений, связанных со здоровьем учеников. Как следствие, перед образовательным учреждением остро встает необходимость поиска компромисса между обязательностью решения образовательных задач, связанных, прежде всего, с достижением требуемого уровня образованности, и необходимостью сохранения при этом здоровья участников образования.

В соответствии с результатами проведенного исследования, предложены научно-обоснованные меры профилактики с учетом специфики структуры питания учащихся общеобразовательных учреждений региона, роли семьи и школы в формировании привычек здорового питания и межведомственного взаимодействия в организации и проведении профилактических мероприятий.

Ключевые слова:

Учащиеся, образовательное учреждение, здоровьесбережение, питание, Республика Калмыкия.

Охрана здоровья по определению ВОЗ – это совокупность совместных мер, предпринимаемых на уровне общества и направленных на усиление общественного контроля за факторами, влияющими на здоровье населения. Эксперты ВОЗ считают, система образования идеально может обеспечить формирование здоровья учащихся и транслировать опыт укрепления здоровья на общество. Создание программ охраны здоровья и санитарного просвещения на базе школы – реальный и действенный механизм профилактики пробелов в системе медицинского обслуживания населения [1].

В России здоровьесберегающая функция образовательного учреждения закреплена законодательно и активно поддерживается государством. В соответствии с законом Российской Федерации "Об образовании" образовательное учреждение должно создавать условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся. В результате пристального внимания государства внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательную сферу стало одним из приоритетных направлений национальных проектов "Здоровье" и "Образование".

Успешная работа образовательного учреждения в области сохранения и укрепления здоровья школьников невозможна без постоянного совершенствования всех сфер его деятельности, прежде всего обеспечения полноценного питания учащихся. Поэтому выявление структуры, регулярности и полноценности питания учащихся образовательных учреждений Республики Калмыкия явилось основной целью нашего исследования.

Методы исследования. Основной контингент исследуемых составляли учащиеся (n=2500) образовательных учреждений г. Элисты и районных центров Республики Калмыкия (РК). Программа исследования предусматривала изучение организации структуры, регулярности и полноценности питания учащихся образовательных учреждений Республики Калмыкия.

Источники информации: Федеральной службы статистики – демографические ежегодники России; официальные данные Территориального органа Росстата по Республике Калмыкия, собственные материалы. В работе применялись гигиенические, социологические и статистические методы исследования.

Гигиенической оценке были подвергнуты данные по организации школьного питания и медицинскому обслуживанию школьников. В работе использованы методы оценки, рекомендованные Федеральной службой Роспотребнадзора. Исследования проводились с соблюдением принципов добровольности, прав и свобод личности, гарантированных статьями 21 и 22 Конституции РФ. Фактическое питание учащихся изучалось методом анализа структуры питания, частоты потребления пищи и отдельных компонентов (витаминов и минеральных элементов) [2, 3]. Вопросник включал 67 видов продуктов и блюд. Дополнительно уточнялись данные о режиме питания и пищевом поведении.

Результаты и их обсуждение. В последние годы (2000–2015 гг.) основные показатели, характеризующие здоровье детей в Республике Калмыкия, имеют неблагоприятную динамику. По объективным показателям, среди учащихся ОУ наблюдается – болеющие 3–4 раза в год, 2 раза в год и 1 раз в год в примерно в одинаковом количестве (Рис. 1).

При этом первичная заболеваемость среди детей и подростков в РК выше, чем по ЮФО. Это болезни крови и кроветворных органов и отдельных нарушений с вовлечением иммунного механизма, анемия (рис. 2).

Большую долю представляют болезни крови и кроветворных органов и отдельных нарушений с вовлечением иммунного механизма; болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ; анемия, что свидетельствует об их обусловленности особенностями питания детей.

Число заболеваний (на 100 000 населения), зарегистрированных у больных с диагнозом, установленным впервые:

1. заболеваемость злокачественными новообразованиями
2. болезни крови и кроветворных органов и отдельных нарушений с вовлечением иммунного механизма;
3. болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ;
4. анемия;
5. психические расстройства.

Здоровье детей невозможно обеспечить без рационального сбалансированного питания, которое является необходимым условием их гармоничного роста, физического и нервно-психического развития, способности к обучению, профилактике заболеваний, устойчивости к

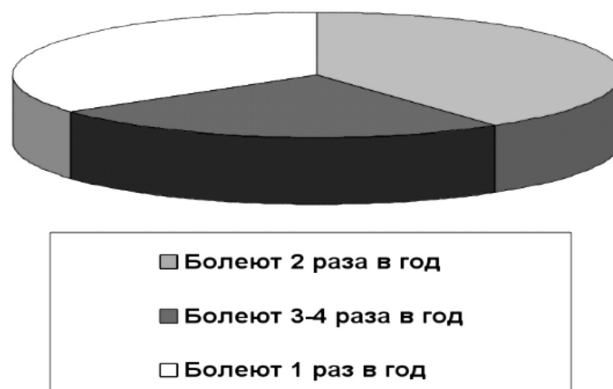

Рис. 1. Частота заболеваемости детей в РК.

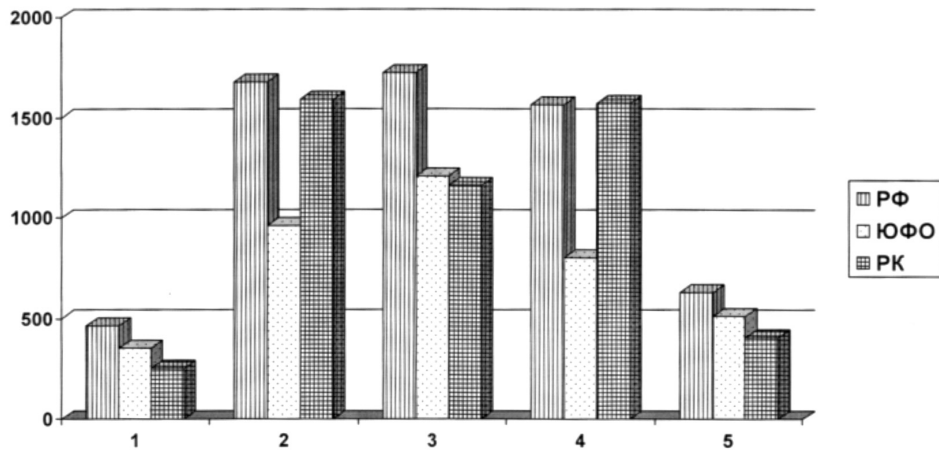

Рис. 2. Заболеваемость детского населения РК по основным классам болезней в сравнении с РФ и ЮФО в 2014 г.

Таблица 1.

Регулярность питания школьников.

Пол	Количество приемов пищи	Доля детей в выборке, %
Девочки	1 раз в день	2,72
	2 раза в день	0,94
	3 раза в день	29,43
	Чаще	32,54
	Когда захочет	34,38
Итого		100
Мальчики	1 раз в день	3,32
	2 раза в день	0,89
	3 раза в день	27,54
	Чаще	33,08
	Когда захочет	35,17
Итого		100
Утренний завтрак		
Девочки	Утром не завтракает	6,19
	Завтракает дома	61,27
	Завтракает в школе	32,54
Итого		100
Мальчики	Утром не завтракает	4,96
	Завтракает дома	69,09
	Завтракает в школе	25,95
Итого		100

действию инфекций и других неблагоприятных факторов во все возрастные периоды [4–6].

Наиболее значимыми для оценки общей организации

учебного процесса ОУ, его здоровьесберегающей направленности является оценка регулярности питания школьников. Данные табл. 1 свидетельствуют, что 1/3 учащиеся независимо от пола регулярно (3 раза) питают–

ся, большая часть значительно чаще и 1/3 не придерживается режима.

Режим питания обеспечивает равномерную нагрузку в системе пищеварения в течение дня, поэтому должно быть как минимум 4 приема пищи. Нерегулярное питание создает дополнительные нагрузки на организм, и создает благоприятную почву для возникновения различного рода нарушений здоровья, не только физического, но и психического.

В результате анкетирования школьников и их родителей, цель которого состояла в анализе питания подростка, были получены сведения, которые представлены в табл. 2.

Фактическое питание около 50% учащихся в Республике Калмыкия несбалансированно в количественном и качественном отношении. Особенности структуры питания являются: преимущественно "жировой" тип питания вне зависимости от территории проживания и организации питания. Результаты говорят о том, что большинство не уделяют должного внимания к принципам сбалансированности, таким образом не обеспечивается потребность школьников в пищевых элементах.

В результате анкетирования (рис. 3 и 4) выявлено недостаточное потребление ряда витаминов и минеральных элементов. При этом наибольший дефицит их испытывают городские школьники.

Таблица 2.

Структура питания школьников.

Частота употребления	Продукты питания, %					
	Мясо, сало, рыба	Молочные продукты, сыр, яйца, масло	Овощи, кроме картофеля	Картофель	Макаронны, крупы, каши	Фрукты, соки
Каждый день	55,78	70,07	41,28	42,89	59,78	33,54
2-3 раза в неделю	34,07	25,30	47,04	50,06	36,64	40,69
1 раз в неделю	7,09	3,99	9,81	6,77	3,22	17,59
По праздникам	3,06	0,64	1,87	0,28	0,36	8,17
Итого	100	100	100	100	100	100

Рис. 3. Обеспеченность минеральными элементами учащихся ОУ Республики Калмыкия..

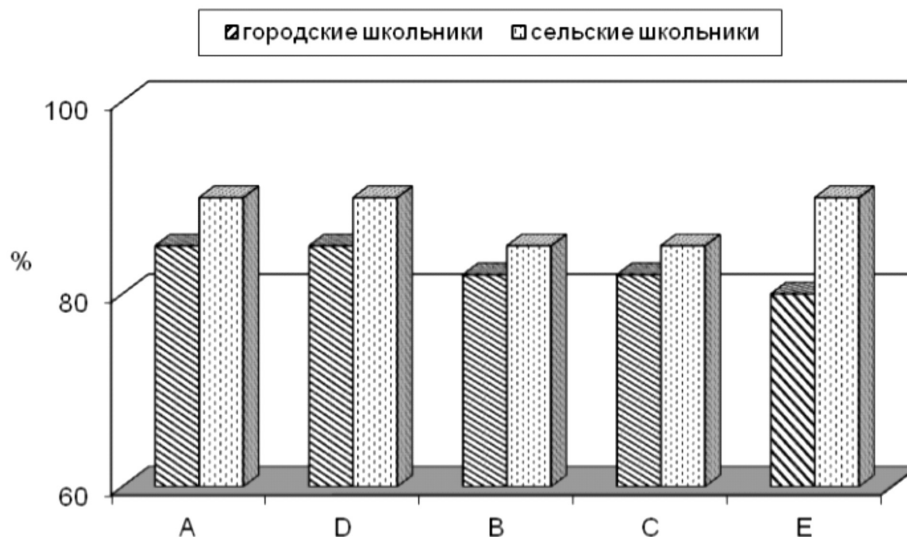

Рис. 4. Обеспеченность витаминами учащихся ОУ Республики Калмыкия.

Выяснилось, что школьники часто отдают предпочтение школьной столовой другим видам питания (буфеты, киоски). Использование преимущественно кондитерских, хлебобулочных изделий, частые пропуски детьми завтраков и обедов в школе объясняются нехваткой времени, отсутствием денег.

Результаты исследования показали, что для большинства учащихся характерно не столько неполноценность питания, сколько нерегулярность, недостаточно рациональный режим питания. В семьях школьников характер питания детей не соответствует принципам здорового питания. Мало употребляется свежих овощей, фруктов, молочных продуктов.

Выявленные отклонения наблюдаются на фоне нарушений пищевого поведения среди родителей. Роль семьи

в формировании рациона и пищевых привычек подростков существенна и имеет значимый профилактический потенциал.

Таким образом, определена проблема воспитания культуры питания учащихся ОУ РК, а также работа с родителями учеников и школ по данной проблеме.

По результатам комплексной оценки структуры, регулярности и полноценности питания учащихся образовательных учреждений Республики Калмыкия предложены научно-обоснованные меры профилактики с учетом специфики структуры питания учащихся общеобразовательных учреждений региона, роли семьи и школы в формировании привычек здорового питания и межведомственного взаимодействия в организации и проведении профилактических мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.А., Кучма В.Р., Тутельян В.А., Величковский Б.Т. Новые возможности профилактической медицины в решении проблем здоровья детей и подростков. Комплексная программа научных исследований "Профилактика наиболее распространенных болезней детей и подростков на 2005–2009 г.г.". – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 120 с.
2. Мартинчик А.Н., Батулин А.К., Зохири Н. Фактическое потребление энергии и основных пищевых веществ детьми и подростками России в середине 90-х годов // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. – 1998. №3.
3. Тутельян В.А. Микронутриенты в питании здорового и больного человека. – М.: Колос, 2002.
4. European food and nutrition policies in action //WHO Regional Publications, European Series, No. 73. – 1998. – 170 p.
5. Stewart M.L., McDonald J.L., Levy A.S. et al. Vitamin/mineral supplement use: a telephone survey of adults in the United States. Journal of Amer. Diet Association, 1985, 85: 1585–1590.
6. Underwood B.A. Vitamin A in human nutrition: public health considerations. In Sporn M.B., Roberts A.B., Goodman D.S. (eds). The retinoids: biology, chemistry, and medicine, 2nd ed, Raven Press, New York, 1994, pp 211–227.

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

METHODS AND MODELS FOR SYSTEM DESIGN, MATERIAL AND TECHNICAL SUPPORT OF EDUCATIONAL PROCESS

*S. Platunova
E. Avksentieva*

Annotation

The analysis of the learning characteristics of students of educational institutions of advanced training, in particular, support the educational process with the necessary amount of material and technical means. The recommended future systems and forms of education with the use of special analysis tools for the design of materiel for maintenance of educational process. The proposed simplified computer aided design to ensure material and technical equipment of the educational process of educational institutions on the example of Academy LIMTU ITMO University.

Keywords: higher education, e-learning, project-based learning, e-learning system design, engineering, logistics, automation, self-similar flow, multi-channel model, redundancy, availability.

*Платунова Светлана Михайловна
Ст. преподаватель, каф. аппаратно-
программных комплексов выч. техники,
Санкт-Петербургский национальный
исследовательский университет
информационных технологий, механики
и оптики, г. Санкт-Петербург, Россия
Авксентьева Елена Юрьевна
К.пед.н., доцент, каф. аппаратно-
программных комплексов выч. техники,
Санкт-Петербургский национальный
исследовательский университет
информационных технологий, механики
и оптики, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

В статье представлен анализ особенностей обучения студентов высших учебных заведений и учреждений повышения квалификации, в частности, обеспечения учебного процесса требуемым количеством материально-технических средств. Приведены рекомендуемые перспективные системы и формы обучения с применением специальных средств анализа для расчета требуемых материально-технических средств для обслуживания учебного процесса. Предложена упрощенная система автоматизированного проектирования для обеспечения материально-техническими средствами учебного процесса учебных заведений на примере факультета техники и методов управления "Академия ЛИМТУ" НИУ ИТМО.

Ключевые слова:

Высшее образование, электронное обучение, проектное обучение, системы электронного обучения, проектирование, материально-техническое обеспечение, автоматизация, самоподобный поток, многоканальные модели, резервирование, коэффициент готовности.

Смена технологий, в том числе и образовательных, направленная на повышение качества и доступности обучения обуславливает развитие теоретических основ проектирования на основе известных средств и разработки новых средств автоматизированного анализа и проектирования.

К средствам обеспечения учебного процесса (ОП) относятся: преподаватели, читаемые курсы, лекционный материал, методические пособия, методический материал для практических работ, определенное количество оборудования для проведения практических работ, рабочие места обучаемых слушателей, необходимое количество лабораторий, аудиторий. Это материальное обеспе-

чение образовательного процесса должно быть в требуемом количестве в зависимости от числа поступающих на обучение слушателей.

Особо остро для образовательной организации дополнительного и профессионального образования стоит вопрос обеспечения бесперебойности работы собственных материально-технических средств (МТС) образовательной организации. Также желательно снабдить образовательный процесс дополнительными инструментами анализа и проектирования [1,2].

Основой работы в области средств автоматизированного анализа образовательного процесса организации

дополнительного профессионального образования (ОП ОДПО) стали методы теории автоматизированного проектирования, теории вероятностей, теории массового обслуживания, теория надежности, моделирования [3].

При проектировании МТС ОП ОДПО в целях определения наличия необходимого количества элементов и издержек требуется анализировать и показатели резервирования МТС на каждом этапе проектирования ОП ОДПО.

Характеристики учебного процесса с точки зрения наличия необходимого МТС в этом случае являются функцией структурных параметров МТС, заданного коэффициента оперативной готовности МТС, финансовых средств.

Для сравнения вариантов структур МТС ОП ОДПО применяются системы и сети массового обслуживания, и используется прямой критерий эффективности: коэффициент оперативной готовности.

Применение известных систем анализа является сложностью из-за незнания слушателями языков программирования, в связи с чем, предлагается упрощенная система (автоматизированного) проектирования для обеспечения МТС учебного процесса ОДПО и обучения проектированию и анализу систем. Она заключается в том, что позволяет оценить требуемое количество МТС учебного процесса, обеспечить работоспособность собственных МТС образовательной организации, обеспечить учебный процесс дополнительным средством проектирования, анализа.

Случайный способ поступления и обслуживания слушателей в образовательном учреждении дополнительно профессионального образования предопределяет использование моделей теории массового обслуживания для проектирования и анализа системы ОП ОДПО.

Распределение Парето – это медленно затухающее распределение, которое можно охарактеризовать принципом: "то пусто, то густо". Хвост распределения Парето является главной причиной самоподобия. Самоподобный случайный процесс имеет определенную структуру, которая повторяется с течением времени. Самоподобие отрицательно влияет на оперативность систем массового обслуживания, к тому же с увеличением нагрузки, повышается параметр самоподобия H . Так как параметр самоподобия лежит в пределах от 0,5 до 1, причем при H равном 0,5 самоподобие отсутствует, то самоподобную нагрузку на систему в специальной литературе предложено учитывать в виде функции от H , равной 2^H . Следовательно, самоподобную нагрузку от поступающих заявок на обслуживание (образование, обучение) можно представить для аналитической оценки вероятностно-временных характеристик в виде умноженной на двойную интенсив-

ность поступающего на обслуживание потока заявок при отсутствии самоподобия, что характерно для экспоненциального распределения.

Для каждого варианта проектируемой структуры ОП ОДПО необходимо проводить расчет интенсивностей поступления заявок в систему, проверку условия отсутствия перегрузок, расчет вероятностно-временных характеристик, выявление и разгрузку узких мест.

Для проектирования структуры ОП ОДПО и оценки качества обслуживания (обеспечения) учебного процесса применяются многоканальные модели теории массового обслуживания с учетом самоподобной нагрузки.

Многоканальные модели ОП ОДПО можно использовать для планирования резервирования, т.е. оценки числа элементов ОП ОДПО. Оценка эффективности резервирования предлагается проводить по критерию не превышения заданного коэффициента оперативной готовности. Оценка эффективности резервирования производится при упрощающих предположениях: все элементы имеют одинаковую надежность, поток отказов является простейшим. Коэффициент оперативной готовности системы для экспоненциального распределения интенсивности отказов и восстановления отказавших элементов прямо пропорционален коэффициенту готовности и вероятности безотказной работы элементов системы.

Процесс проектирования любой системы [4], т.ч. и ОП ОДПО, носит итеративный характер и позволяет исследовать и анализировать характеристики системы ОП ОДПО на основе многоканальных моделей с учетом самоподобной нагрузки.

Процесс проектирования включает в себя создание структуры математической модели, учет самоподобия потока, подготовку данных для оценки ВВХ ОП ОДПО, расчет необходимого количества резерва удовлетворяющих условию заданного коэффициента оперативной готовности путем резервирования ненадежных, узких мест МТС ОП ОДПО.

Разработанное нами программное обеспечение позволяет рассчитать вероятностно-временные характеристики и варьировать параметры для исследования и оценки характеристик ОП ОДПО по заданному критерию коэффициента оперативной готовности требуемого числа материально-технических элементов для обеспечения качества образовательного процесса ОДПО в условиях повышенной интенсивности отказов, обусловленной потоком неуспевающих слушателей.

Нами проведены расчеты для потока из поступающих 30 бакалавров и магистров факультета техники и методов управления "Академия ЛИМТУ" Санкт-Петербург-

Таблица 1.

Структура питания школьников.

Модель ОП ОДПО (Структура ОП ОДПО)	без учета самоподобия без резервирования	резервированная без учета самоподобия	резервированная с учетом самоподобия
Кратность резервирования рабочих мест обучаемых слушателей	0/60	5/60	10/60
МКратность резервирования читаемых курсов / преподавателей	0/40	10/40	20/40
Кратность резервирования методических пособий	0/60	10/60	20/60
Выигрыш по вероятности безотказной работы МТС ОП ОДПО		4.68	4,86
Выигрыш по наработке до отказа МТС ОП ОДПО		10.465	10.676
Стоимость, у.е.	4000	4300	4600

ского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, поток неуспевающих равен 5 слушателям, самоподобный поток от центров занятости 30 слушателей, поток неуспевающих также равен 5 слушателям, количество преподавателей –20, которые могут вести до 40 курсов, компьютеров 60, (лабораторий 5,) методических пособий – 120[5].

Кратность резервирования элементов МТС, обеспечивающих работоспособность ОП ОДПО по коэффициенту оперативной готовности $R_s \geq 0,99$, заданной требованиями учебного процесса и выигрыши вероятности безотказной работы и наработке до отказа МТС ОП ОДПО представлены в **табл. 1**.

Наибольший рост характеристик дают вложения в изменение сетевой структуры ОП ОДПО с резервировани-

ем и с учетом самоподобия. Улучшение коэффициента оперативной готовности МТС ОП ОДПО возможно с помощью добавления резервных элементов.

Задачу синтеза проектируемой структуры МТС по критерию удовлетворения условия заданного коэффициента готовности решает резервированная структура ОП ОДПО с учетом самоподобия.

Предложенный подход позволяет повысить качество проектного образования "взрослых" на базе факультета техники и методов управления "Академии ЛИМТУ" НИУ ИТМО, с использованием системы электронного обучения, обеспечить работоспособность собственных МТС и обеспечить учебный процесс необходимыми средствами обучения, проектирования, анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьева Е.Ю., Авксентьев С.Ю. Предпосылки и условия развития виртуальной академической мобильности сотрудников и студентов вуза // Теория и практика общественного развития – 2014. – № 20. – С. 173–176. [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2014/20/pedagogics/avksentyeva-avksentyev.pdf. – [дата обращения: 17.06.2015].
2. Авксентьева Е.Ю. Миграция электронного образования в облачную среду // Современные исследования социальных проблем – 2014. – № 10(42). – С. 15–24.
3. Козырева О.Д., Пушкарева А.Е., Шалобаев Е.В., Биро И. Исследование влияния степени оксигенации крови на сигнал обратного рассеяния излучения при помощи численного моделирования // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. –2015. Том 15. № 1. С. 163–165.
4. Платунова С.М. Учебно-исследовательская подсистема автоматизированного анализа характеристик сети компьютерных классов // Сборник трудов I Всероссийского конгресса молодых ученых. – СПб: СПб НИУ ИТМО, 2012. – С. 51–54. [Электронный ресурс]. URL: <http://research.ifmo.ru>. – [дата обращения: 17.06.2015].
5. Платунова С.М. Методы проектирования фрагментов компьютерной сети. Учебное пособие. – СПб: НИУ ИТМО, 2012. 51с. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.ifmo.ru/file/pdf/982.pdf#3> [дата обращения: 23.06.2015].

О ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ РЕЧИ

ON THE TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN LANGUAGE

I. Alipulatov

Annotation

This article investigated pragmatic, social, informational aspects of the question in terms of occasional phraseological units; The level of emotional and expressive and communicative purpose assessment and occasional phraseological units (FE).

The main principle is to identify and describe the emotive phraseology (transformed orientation) – the principle of multidimensional (at the level of paradigmatic, syntagmatic, individually and journalistic syntagmatics in the context of proposals in a complete text).

Keywords: Philology, russian language, linguistics, phraseology.

Алипулатов Ильман Субханович
К.филол.н, доцент,
Дагестанский Государственный
Университет, г. Махачкала

Аннотация

В данной статье исследованы коммуникативно-прагматические, социальные, информационные аспекты и речи с точки зрения окказионального фразеопотребления; определен уровень эмоционально-экспрессивного и оценочно-коммуникативного назначения окказиональных фразеологических единиц (ФЕ).

Главный принцип выявления и описания эмотивной фразеологии (трансформированной направленности) – принцип многоаспектности (на уровне парадигматики, синтагматики, индивидуально-публицистической синтагматики в контексте предложения в условиях законченного текста).

Ключевые слова:

Филология, русский язык, лингвистика, фразеология.

В лингвистике установилось узкое и широкое понимание фразеологии. Одни исследователи чрезмерно сужают границы фразеологии, включая в нее только идиомы (или фразеологические сокращения), другие же рассматривают в качестве фразеологических единиц все виды устойчивых словесных комплексов: сложные названия, составные термины, парные и сложные слова, крылатые выражения, цитации, газетные штампы, афоризмы, пословицы, поговорки, пожелания, проклятия, приветствия и т.д.

Придерживаясь широкого понимания в вопросе объема фразеологических единиц, мы не включаем в рассматриваемый материал любые воспроизводимые неоднословные единицы. К примеру, трудно согласиться с включением в состав фразеологизмов устойчивых формул общения. Убедительно выглядит по этому поводу следующее рассуждение: "От фразеологии в собственном смысле формулы речевого этикета существенно отличаются. Во-первых, среди них есть единицы однословные: Спасибо, Извини (-те), Здравствуй (-те) и др., тогда как фразеологизмы, по меньшей мере, двусловны. Во-вторых, все единицы речевого этикета коммуникативны, тогда как фразеологизмы нормативны. Впрочем, исследователи отмечают и наличие синтаксических фразеологизмов. От них так же отличаются единицы речевого эти-

кета. Если синтаксические фразеологизмы-единицы, сравнительно редко применяемые, то формулы речевого этикета живут активной повседневной жизнью: мы несколько раз в день здороваемся, прощаемся и т. п. с разными собеседниками и в разной обстановке, а это влечет за собой а) синонимическую разветвленность и б) стилистическую дифференциацию единиц речевого этикета, что несвойственно фразеологизмам. [6]

Нам ближе позиция С. И. Ожегова, который, исключая из состава фразеологизмов "крылатые слова", пословицы и поговорки, афоризмы и т.д., считал их источником пополнения фразеологии языка".

Расширяя понятие фразеологии, к ней причисляют индивидуальные типические особенности словоупотребления, словосочетания и фразеобразования в творчестве или, преимущественно, в произведениях тех или иных литературных направлений и школ, а также фразовые особенности речи отдельных социальных слоев, профессиональных групп. В этом смысле говорят о фразеологии, например, Карамзина или романтиков, символистов и т. п. Однако лишь немногие даже из популярных для своего времени или литературного направления словосочетаний и фразовых сцеплений входят в собственно фразеологию языка. Для этого необходимо приобретение этими фра-

зовыми сцеплениями "обобщенного" смысла и закрепление в структурах, свойственных фразеологическим единицам. Так, из многообразных описательных оборотов со словом цвет, свойственных школе Карамзина и поэзии начала XIX века (от цвета жизни до седин, надежды цвет, во цвете пылких юных лет и т. п.) во фразеологию языка вошло лишь выражение во цвете лет.

Таким образом, "крылатые слова", пословицы и поговорки, сказочные формулы, исторические афоризмы, анекдоты и другие многообразные творческие произведения, лишь разлагаясь на элементы, утрачивая структурные признаки жанра, уподобляясь структурно фразеологическим единицам, становятся достоянием собственно фразеологии языка. [4]

На фоне интенсивных разработок центральных проблем фразеологии описанию трансформации фразеологизмов отведено значительно меньше страниц в трудах исследователей.

И. М. Абрамович называет это явление индивидуально-авторскими преобразованиями фразеологизмов и утверждает: "В ряде случаев рассмотрение произвольного, индивидуального применения, осмысления или преобразования фразеологизма не только даёт более полное представление о жизни этой фразеологизма, но и помогает правильно понять его сущность, смысл, его историю. Очень часто преобразование устойчивого сочетания (пропуск каких-либо частей, изменение грамматической формы, замена или перестановка лексических компонентов) является своего рода испытанием на прочность: то, что фразеологизм даже в изменённом, деформированном виде может быть правильно понят читателем или слушателем, свидетельствует о том, насколько он – в подлинном своём виде прочно укоренился в языковом сознании читателя или слушателя". [5]

Все случаи индивидуально-авторского преобразования устойчивых сочетаний И. М. Абрамович объединяет в две большие группы. К первой он относит те случаи, когда фразеологизм претерпевает какие-либо внутренние изменения:

1.) когда ОДИН из лексических компонентов фразеологизма бывает заменён синонимом или близким по значению словом. Эта замена может быть по существу безразлична, если заменяющее слово относится к тому же стилистическому разряду, что и заменяемое.

" – Десять раз умрёшь, пока вас дождешься, – сказал милиционер. – Дядя Лёша, – сказал врач, – хоть бы ты не бросал тень на плетень" (В. Лучосин) ("бросать тень на плетень" – вместо "наводить тень на плетень").

Чаще же подобная замена имеет определённое

смысловое или стилистическое задание: изменить стилистическую окраску фразеологизма или придать ему большую значимость, большую экспрессивность.

Из кожи овётся вон. (И. Крылов).

И гаркнул я,

сбившись

с поэтического тона

Громче иерихонских хайл. (В. Маяковский).

Целью замены может быть также достижение иронического эффекта: "Господин Мауар вполне реальная фигура из плоти и ... жира" (Дрюон. Чужое счастье. Пер. А. Шапошниковой и М. Ковылянской). Ироническая заострённость выражения подчёркнута многоточием;

2.) незначительное варьирование морфологических особенностей фразеологизма без изменения его лексического состава. Часты, например, замены одних глагольных форм другими. Несовершенный вид глагола вместо обычного совершенного: "Оболенский мыл голову Каченовскому за какие-то стихи" (П. Вяземский); „Я вынесу любое словцо... В детстве в посёлке приходилось всякое слышать – ни разу уши не вяли!" (С. Снегов) (последний пример осложнён ещё и отрицанием)

Спрягаемая форма глагола вместо привычного деепричастия:

"[Губернатор] послал Янова вперёд, в те места, где он хотел сам побывать и осмотреть. Это делалось с тем, чтобы по уездам привели всё в порядок... Заставать врасплох и потом карать за неисправности или ждать исправления казалось хуже. По отъезде губернатора опять спустили бы рукава – и спускали!" (И. Гончаров).

А работает как

Не покладает рук!

(В. Маяковский) ;

3.) инверсия составных частей фразеологизма.

"И сегодня

и завтра

и веков испокон

шатается комната

солнца пропойца"

(В. Маяковский)

"Гора Горевала о страшном грузе

Клятвы, которую поздно клясть.

Гора говорила, что стар тот узел

Гордиев : долг и страсть."

(М. Цветаева)

Особенно выразителен последний пример : фразеологизм не только подвергнут инверсии, но и разорван надвое резким enjambement;

4) эллиптическое употребление фразеологизма.

Вот и вы же сын отца вашего, а ведь говорили же всем сами же вы, что хотели убить его. – Камень в огород. И камень низкий, скверный!

Не боюсь! " (Ф.Достоевский.); "Уж такая ты у меня строгая. Держишь меня в ежовых " (Л.Авилова); „ В наших исторических данных всё [моё] дарование уходит на то – как бы увернуться от тюрьмы. – Вот и не увернулся, – подлил масла Зубинский " (К.Федин)

Последний пример особенно показателен. Такой усеченный фразеологизм может быть правильно понят читателем лишь в том случае, если тот же фразеологизм в его полном виде хорошо знаком, привычен для сознания. Догадаться здесь трудно, так как большинство идиоматических выражений, связанных со словом "масло" имеет прямо противоположный смысл ("маслом по сердцу") "как по маслу" и т.п.) – все они связаны понятием умиротворения, смягчения чего-либо (внешних обстоятельств, внутреннего состояния человека), а не возбуждения, раздражения, как в данном случае;

5) полное разрушение грамматической конструкции фразеологизма и использование отдельных его лексических компонентов в изолированном виде. Такой "распад" фразеологизма происходит, например, при переводе Степаном Трофимовичем Верховенского русского идиома "куда Макар телят не гонял" на французский язык: "Я сердцем с Вами и Ваш; с одной всегда en tout pays_ и хотя бы даже dans le Makar et de ses veaux".

При таком использовании фразеологизм может быть понят только читателем, которому он уже известен заранее, тогда как, услышав выражение "куда Макар телят не гонял", человек, даже не знающий о злополучном Макаре, поймет, что речь идет о каких-то отдаленных местах благодаря самому построению фразы: "куда...не гонял".

То же можно сказать и о следующем примере:

"Поедем с тобой на танцевальный вечер...Только смотри – дома об этом типун...ни слова!" (Н. Лесков).

Во вторую большую группу, по мнению И. М. Абрамовича, могут быть объединены те случаи, когда внутренняя форма фразеологизма остаётся неприкосновенной, переосмысление же, обыгрывание его находится в окружающем контексте. При чтении всего контекста фразеологизм представляется иным, смысл его изменяется или приобретает иной оттенок:

1) сюда относятся многочисленные каламбурные построения, основанные на прямом, буквальном понимании переносного значения отдельных слов, входящих в состав сочетания, или всего сочетания в целом.

С ума сойдешь и обратно не встанешь.

(А. Рекемчук).

До Эйфелевой – рукою

Подать! Подавай и лезь.

(М. Цветаева).

В общежитии при вручении приза за самую чистую комнату: "Я вручаю вам переходящий вымпел...и надеюсь, что вы и в будущем не ударите в грязь лицом, ибо этой самой грязи у вас никогда не будет!" (Г. Горин);

2) на раскрытии, конкретизации значения одного из лексических компонентов устойчивого сочетания строится целая система образов и метафор.

От неиспытанных утрат

Иди – куда глаза глядят!

Всех стран – глаза, со всей земли –

Глаза, и синие твои

Глаза, в которые гляжусь:

В глаза, глядящие на Русь.

(М. Цветаева).

3) типичным является грубоватое обыгрывание фразеологизма, в состав которого входят наименования каких-либо частей человеческого тела, таких, как руки, глаза, – обыгрывание, основанное на том, что устойчивое сочетание применяется к калеке: однорукому, одноглазому и т. п.: "В руках товарища Шуляка, вернее в его единственной руке, было сосредоточено снабжение продовольствием общественных столовых" (В. Инбер);

4) интересен прием, когда автор сталкивает устойчивое сочетание с омонимичным ему свободным сочетанием слов: "Ты не знаешь, как он меня любил! – рыдала Катя. – Он меня буквально носил на руках. – Лена...неволью подумала, что вряд ли он мог здоровенную Катюку носить на руках, скорее наоборот" (В. Панова).

Часто в самом тексте присутствует только свободное сочетание слов, а омонимичное ему устойчивое сочетание всего лишь подразумевается автором, но неизменно приходит читателю на ум, создавая известный стилистический эффект: "Предание о быке и похищенной Европе не было известно девушкам Тичера [балеринам из ансамбля Тичера], получившим не столько классическое, сколько реальное образование" (В. Инбер) (речь идет о девушках, не знакомых с античной мифологией, но хорошо знающих реальную жизнь, ее отрицательные стороны).

Таким образом, главное, что необходимо отметить в анализе трансформации фразеологизмов, проведенном И. М. Абрамовичем, это то, что фразеологизмы рассматриваются в аспекте речи.

Поэтому выводы, к которым пришел исследователь,

представляют для нас, имеющих объектом изучения телевизионную речь, несомненный интерес. Вторым важным моментом заключается в том, как подошел исследователь к изучению явления трансформации фразеологизмов. Согласно анализу И. М. Абрамовича, одни фразеологизмы трансформируются из-за внутренних изменений, другие – благодаря переосмыслению их в окружающем контексте.

Материалом анализа И. М. Абрамовича является исключительно художественная речь. Можно сделать предположение, что фразеологизмы в других разновидностях литературной речи будут обладать своими особенностями, сохраняя при этом и много общих черт с трансформированными фразеологизмами, использованными в художественной речи.

Анализ трансформации фразеологизмов в диахроническом аспекте языка мы находим в пособии Н. М. Шанского "Фразеология современного русского языка". [3]

"В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологический оборот всегда имеет определенное значение и постоянные состав и структуру. Однако то значение, которое в данный момент является для него характерным, его состав и структура далеко не всегда совпадают с теми, которые были ему свойственны в момент возникновения. Процессы, происходящие в языке в целом, особенно изменения в лексике и грамматике, явления аналогического воздействия и народно-этимологического сближения и, наконец, эвфоническая обработка очень часто приводят к тому, что течением времени внешний вид, и сущность фразеологизма резко меняются. Так, фразеологизм На тебе, боже, что нам не гоже, обладающий яркой антирелигиозной направленностью, был первоначально совсем иного характера. Он возник в результате каламбурно-ритмической переработки фразеологизма На тебе, убоже, что нам не гоже, в котором убоже представляет собой форму звательного падежа от убог 'нищий', бедняк...

...Особенно показательной является история фразеологического оборота И никаких гвоздей!, в современной форме возникшего сравнительно недавно. <...> На примере изменений, которым подвергся этот фразеологизм, можно продемонстрировать как процесс эллипсирования, так и обратный ему процесс распространения фразеологизмов. Современная форма фразеологизма (с союзом и перед сочетанием местоимения и имени существительного) возникла в результате добавления к фразеологизму и никаких слова гвоздей [ср.:

...Светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой – солнца! (Маяковский)], в то время как и никаких является сокращением военной команды Смирно, и никаких движений!, вошедшим в речевой обиход в конце XIX века" ... [3]

Анализируя фразеологию в историческом развитии, Н. М. Шанский различает 4 вида трансформации фразеологизмов:

- 1) изменения степени семантической слитности фразеологического оборота;
- 2) изменения значения фразеологического оборота;
- 3) изменения состава фразеологического оборота;
- 4) изменения структуры фразеологического оборота.

1. Изменения степени семантической слитности фразеологического оборота.

Видами этих изменений Н. М. Шанский считает опрощение, переразложение и усложнение.

Опрощение фразеологического оборота – это превращение того или иного фразеологизма с мотивированным значением в семантически неразложимое фразеологическое сращение с немотивированным значением. Так, фразеологические сращения в бирюльки играть; В ногах правды нет; турусы на колесах возникли в результате опрощения из фразеологических единств.

Переразложение фразеологического оборота – это то или иное изменение связей и соотношений между значением фразеологизма в целом и значением составляющих его компонентов, не ведущее к потере мотивированности общего значения. Примером может служить фразеологизм с красной строки.

Усложнение фразеологического оборота – это переход фразеологического сращения в фразеологизм с мотивированным значением (т.е. в фразеологическое единство, сочетание или выражение). Например, вавилонское столпотворение.

Указанные изменения в степени семантической слитности фразеологических оборотов, по мнению Н. М. Шанского, могут сказываться на их значении, составе и структуре.

2. Изменения значения фразеологического оборота.

Наиболее распространенным и наглядным процессом, происходящим во фразеологической системе современного русского литературного языка, является изменение значений, свойственных фразеологическим оборотам как воспроизводимым языковым единицам.

Показательной является история, происшедшая с устойчивым сочетанием слов скатертью дорога 'убирайся'. Первоначальное значение этого фразеологического оборота было прямо противоположным современному,

так как им выражалось пожелание счастливого пути, гладкой, как стол (т.е. скатерть), дороги. При объяснении этого фразеологизма следует учитывать также старое значение и форму слова скатерть <дъскатьрть, первоначально обозначавшего верхнюю крышку стола (такое значение у этого имени существительного в древнерусском языке было ещё известно). [Как попытку восстановить первоначальное значение этого фразеологизма можно воспринимать строку из популярной детской песни про голубой вагон: Скатертью, скатертью дальний путь стелется...]

3. Изменения состава фразеологического оборота.

а. Первоначально фразеологический оборот Работы не волк – в лес не убежит имел рифмованный вид: Дело не медведь – в лес не уйдет. Толчком к изменению состава фразеологизма послужило разрушение его эвфонической целостности при переходе из южновеликорусских говоров (с мягким т в окончании 3-го лица глаголов: уйдесть, несеть) в северновеликорусское наречие.

б. Возникновение в устойчивом сочетании слов лексических единиц, вне его более нигде не существующих, связано с выходом соответствующих слов из активного употребления.

В качестве примеров можно привести следующие фразеологические обороты: писать мыслете (мыслете – старое название буквы М); с гулькина нос (гулькина – относительно-притяжательное прилагательное от гульки <гуля 'голубь') и т. п.

в. Очень важным является процесс выявления в составе фразеологического оборота таких слов, которые предстают как незначимые, играющие роль своеобразных усилительных экспрессивных частиц, например: чучело гороховое (первоначально значение 'пугало на гороховом поле').

г. Одним из наиболее заметных изменений состава фразеологических оборотов является их сокращение. Чаще всего эллипсису подвергается вторая часть фразеологизма, однако сокращения могут быть частными, касаться первой его части и т. д. В результате сокращения устойчивые сочетания слов становятся более выразительными в стилистическом отношении. Например, фразеологический оборот Голод не тётка представляет собой сокращение фразеологизма Голод не тётка, пирожка не подсунет.

д. Иллюстрацией к процессу добавления к исходному составу фразеологизма новых слов может служить история фразеологизма И никаких гвоздей!

4. Изменения структуры фразеологического оборота.

Помимо эллипсиса частей или отдельных компонентов фразеологических оборотов, структурная трансформация

фразеологизмов может быть связана и с другими явлениями: с их эвфонической обработкой, с потерей стержневым компонентом способности к образованию грамматических форм и т. д.. Так, фразеологический оборот на сон грядущий соответствует сейчас модели "предложно-падежная форма имени существительного + имя прилагательное". Исходной же была форма на сон грядущим (т.е. 'отходящим ко сну'). Изменение в структуре фразеологизма обусловлено в данном случае влиянием на структурно-изолированный фразеологизм таких фразеологизмов, которые образованы по регулярной модели.

Исследование художественных произведений и публицистики XIX – XX в.в. позволяет, по мнению Шанского, выделить следующие основные приемы индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологических оборотов на синхронном уровне.

1. Наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности. Фразеологизм ни дна, ни покрывки

'пожелание дурного, выражение досады или раздражения'. В. В. Маяковский употребляет с новым, не употребительным значением: Дохлая рыбка плывет одна. Висят плавнички, как подбитые крылышки. Плывет неделю, и нет ей ни дна, ни покрывки.

2. Обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его значения и основной структуры. В таких случаях обновление фразеологизма заключается или в замене одного из его компонентов синонимом, или в расширении его состава. Например: "Не боюсь ни ошибки, ни сплетни, ни жестокой девятой волны" (Ошанин Л.); "Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты" (Гоголь). В фразеологизме девятый вал слово вал заменен синонимом волна, а фразеологизм кануть в Лету дополнен новыми компонентами в реку забвения, в какую-нибудь эдакую.

3. Использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов часто связано с изменением его значения и грамматических свойств. Ср.: например, употребление фразеологизма Свои люди – сочтемся: Сочтемся славою, – ведь мы свои же люди (Маяковский).

4. Выразительным примером использования фразеологии русского языка является образование по аналогии с общеупотребительными фразеологизмами новых, индивидуально-авторских фразеологизмов. Такие фразеологические новообразования строятся как с использованием структуры и отдельных элементов общеупотребительного фразеологизма, так и с использованием одной лишь его структуры: "Виноват перед Вами по самое

горло и сам сознаю это" (Чехов; по модели сыт по горло); Во всю Ивановскую трачу деньги, которые получил за своего "Иванова" (Чехов; по модели кричать во всю Ивановскую).

Только с использованием структуры общеупотребительных фразеологических оборотов созданы такие фразеологизмы, как: "Посмотришь в ширь – йоркширом йоркшир (Маяковский; по модели дурак дураком или темным–темно); в отрывке: "Пользы от него, что молока от черта, что от пшенной каши золотой руды" (Маяковский) – оба новообразования возникли на основе фразеологизма как от козла молока, но второе с использованием компонента молока.

5. Оригинальным приемом создания стилистического эффекта является употребление фразеологического оборота одновременно и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов. Например: "–Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того руки отваливаются. – Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью, ждал, когда у нее начнут отваливаться руки" (А. Толстой); "Спички были готовы сгореть от стыда за выпустившую фабрику" (Э. Кроткий).

6. Наиболее часто с целью особой художественной выразительности используется не фразеологический оборот как таковой, а его общий образ или содержание. В этом случае фразеологизма как целостной языковой единицы собственно уже нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать исходный фразеологизм. Например: "Сани здесь – подобной дряни не видал я на веку; стыдно сесть в чужие сани коренному русаку" (П. А. Вяземский; ср. Не в свои сани не садись); "Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет замечать слонов" (Чехов; не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и хочу кружиться опять" (Маяковский; ср. как белка в колесе).

7. Встречается также (правда, довольно редко) контаминация двух фразеологических оборотов. В этом случае или "сливаются" воедино два фразеологизма, компоненты которых представлены омонимичными словами, или объединяются фразеологизмы с синонимами и антонимами. Например, могут контаминировать фразеологизмы И никаких гвоздей! и гвоздь сезона; чертов палец и перст божий: "Солдаты требовали, чтобы им показывали иностранные фильмы...даёшь Фербенкса и Мэри Пикфорд, и никаких других "гвоздей сезона!" (Г. Рыклин).

8. Для создания определённого художественного эффекта писатели и публицисты довольно охотно используют фразеологический оборот рядом с одним из образующих его слов (естественно, уже в качестве слова свободного употребления): "на его палитре были все краски, кроме краски стыда" (Э. Кроткий).

Заслуживает внимания и последнее замечание Н. М. Шанского о том, что указанные приемы художественно-выразительной трансформации фразеологических оборотов под пером художников слова могут совмещаться.

Раскрывая стилистическую роль фразеологизмов в творчестве писателей, И. Ю. Свинцова и Т. М. Терещенко главное внимание уделяют преобразованным фразеологизмам.

"Для экспрессивной речи характерно следующее контекстуальное преобразование фразеологизмов:

- ◆ могут опускаться их компоненты;
- ◆ варьироваться словорасположение;
- ◆ изменяться логическое ударение;
- ◆ из положительного значения могут превратиться в отрицательное;
- ◆ части фразеологизмов могут попадать в разные синтагмы и др.

Выделяются следующие приемы художественного преобразования фразеологизмов в контекстах:

- ◆ обновление значения фразеологизма посредством изменения лексического окружения при сохранении его лексического состава и грамматической структуры (например, у А. П. Чехова: Природа постановила, чтобы человек в известный период своей жизни любил. Настал период, ну и люби во все лопатки);
- ◆ обновление образности фразеологизма при сохранении структуры и значения посредством расширения его границ в результате включения в ближайший контекст новых компонентов (например, у А. П. Чехова: Кошки, не обыкновенные, а с длинными жёлтыми когтями, скребли её за сердце);
- ◆ обновления значения фразеологизма путем замены одного из его компонентов общеязыковым или контекстуальным синонимом (например, у Ю. С. Семёнова: Что это за страна? Сопки. Леса. Тундра. Населения морж наплакал.);
- ◆ усиление экспрессии фразеологизма за счет употребления рядом с ним одного из его компонентов в свободном значении (например: Этот царь без царя в голове.);
- ◆ употребление в одном контексте значений фразеологизма и омонимичного с ним свободного сочетания (например, у А. П. Чехова: По этой части он съел собаку. – Ох! Ах! Не говорите так: наша мама очень брезглива)" (И. Ю. Свинцова, 1966).

Исследовательница поэтической фразеологии Н. Г. Чекалина установила, что "в поэзии М. И. Цветаевой содержание микроконтекста и целого произведения часто опирается на собственно языковые связи и художественная образность может мотивироваться и моделироваться этими связями. Это хорошо видно на примерах авторской трансформации фразеологических единиц,

приемы которой разнообразны. Особого внимания заслуживают случаи образования индивидуальных оборотов по модели фразеологизмов, существующих в языке, с заменой одного из компонентов: Ибо мимо родилась Времени! (сочетание раньше времени преобразуется в мимо времени). Новое значение более трагично, т. к. означает не преждевременность, а отсутствие места во времени. Такое словосочетание – одна из центральных тем поэзии М. И. Цветаевой – отражение трагедии поэта.

Окказиональное значение актуализируется также на фоне фразеологических единиц – антонимов: "Всех румяней и смуглее До сих пор на свете всем (ср.: всех румяней и белее); "Маленькая сигарера! Смех и танец всей Севильи!" (ср.: смех и слезы)" (Чекалина, 1966).

Во всех подобных случаях замены одного из компонентов, по мнению исследовательницы, замещенный член фразеологизма остается в подтексте в виде культурно-языкового фона и неизбежно включается поэтому в смысл заменившего компонента, а фоновый узуальный фразеологизм – в смысл окказионального.

Другая исследовательница фразеологии в поэтической речи Л. Ф. Гончарова пишет: "Особую роль в модификации фразеологических единиц играют лексические замены. В качестве заменителей могут выступать синонимы аналогичной или иной стилистической окраски, антонимы, несинонимичные слова того же, что и заменяемый компонент, семантического поля".

И далее: "Самым распространенным приемом обновления фразеологических единиц в поэтических текстах является расширение компонентного состава, которое чаще всего представлено как пополнение лексико-синтаксических связей ряда устойчивых сочетаний, и тем самым, распространение структурных границ фразеологических единиц. <...>

Как основной способ контекстуальных преобразова-

ний фразеологических единиц выступает контаминация – это такое взаимодействие двух или более фразеологических единиц, в результате которого возникает новая единица, тождественная исходным по структуре. Семантика новой фразеологической единицы преобразует в себе значение участвующих в контаминации оборотов. <...> Контаминация может осуществляться по нескольким моделям, например,

$AB+BC=ABC$, $AB+CD=ACD$, $AB+CD=AD$ и т.п.

Один из способов обыгрывания общеязыковых фразеологических единиц в поэзии – введение в текст не всего фразеологизма, а только некоторых его компонентов ("осколков"), наличие которых вызывает в памяти читателя формально не высказанный, однако присутствующий в подтексте стихотворения фразеологизм. Из общеязыкового фразеологизма может быть взято и отдельное слово (намёк), существующее в поэтическом тексте в свободном парадигматическом изменении. Однако и отдельное слово, и усеченная часть фразеологических единиц являются конденсаторами всего семантического объема, заключенного в полном фразеологизме.

Крайней степенью структурных преобразований фразеологических единиц в тексте является создание новых фразеологизмов по существующей модели. В этом случае от узуального фразеологизма не остается даже отдельных слов, а лишь синтаксическая и смысловая модель. Однако, чтобы новая фразеологическая единица проецировалась на языковую, можно использовать только самые простые и распространенные модели, яркие по значению и необычные по форме".

Так как выявление моделей трансформации фразеологизмов проведено И. М. Абрамовичем, Н. М. Шанским и другими исследователями исключительно на материале художественных произведений и внутри языковой системы, необходимо выяснить, какие есть модели трансформации устойчивых словесных комплексов в других сферах языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ю. Свинцова, Терещенко Т. М. (1966). Некоторые стилистические примеры "обновления" традиционных русских фразеологических оборотов. В кн.: Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Волгоград.
2. Н. Г. Чекалина, (1966). Поэтическая фразеология и её роль в образно-экспрессивной структуре поэтического текста М. И. Цветаевой. – В кн.: Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Волгоград.
3. Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., "Высшая школа", 1985.
4. С. И. Ожегов. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка). В. кн.: С. И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, стр. 196–197.
5. И. М. Абрамович. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря. В кн.: Проблемы фразеологии, М. – Л., 1964, стр. 213.
6. Н. И. Формановская. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982, стр. 31.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА МОРЯ В РАССКАЗЕ РЭЯ БРЭДБЕРИ "THE FOG HORN" ("РЕВУН")

LINGUISTIC ASPECTS OF THE IMAGE OF THE SEA IN THE STORY OF RAY BRADBURY'S "THE FOG HORN" ("Howler")

A. Bataeva

Annotation

Ray Bradbury's novel "The Fog Horn" shows the sea as a territory of something unknown, undiscovered, inimical to a man an understood by him. The English world picture presupposes the perception of the sea through the prism of travelling and conquering new lands: the seamen's tales formed the sea image actualized afterwards by Ray Bradbury. The sea is shown as a source of negative emotions and feelings through which the first place has the emotion of fear of something unknown.

Keywords: sea, water space, linguistic, concept, archetype

Батаева Анна Саид-Эминовна

Аспирант, Московский

Педагогический Государственный

Университет

Аннотация

В рассказе Рэя Брэдбери "The Fog Horn" море показано как территория неизведанного, непознанного, нечто враждебное человеку и не понятое им. Англоязычная картина мира подразумевает восприятие моря через призму путешествий и постоянного захвата новых пространств: рассказы мореплавателей формировали образ моря, актуализированный впоследствии Рэем Брэдбери. Море показано как источник различных отрицательных эмоций, среди которых, в первую очередь, – страх перед неизведанным.

Ключевые слова:

Море, водное пространство, лингвистика, концепт, архетип.

Действие небольшого рассказа Рэя Брэдбери "The Fog Horn" происходит на маяке. Море, окружающее главного героя со всех сторон, в тексте этого рассказа воспринимается как бездна, содержащая в себе нечто чудовищное, хуже того, – непознаваемое:

"The Fog Horn blew.

And the monster answered.

A cry came across a million years of water and mist. A cry so anguished and alone it shuddered in my head and my body. The monster cried out at the tower. The Fog Horn blew. The monster roared again. The Fog Horn blew. The monster opened its great toothed mouth and the sound that came from it was the sound of the Fog Horn itself. Lonely and vast and far away. The sound of isolation, a viewless sea, a cold night, apartness. That was the sound" [Bradbury 143].

Море, таким образом, являет собой метафору одиночества и непознаваемого. В тексте рассказа нет ни слова о том, кем является морской монстр: динозавр ли это, чудом выживший в течение миллионов лет, потомок загадочных морских животных или еще не открытое наукой существо?

"Out there in the cold water, far from land, we waited every night for the coming of the fog, and it came, and we oiled the brass machinery and lit the fog light up in the stone tower" [Bradbury 144].

Для сути рассказа ответ на этот вопрос не принципиален. Важно другое: именно не изученные до конца морские глубины могут таить в себе нечто неизведанное и доселе не исследованное человеком. Отношение к суше в культуре иное: не случайно она воспринимается как земная "твердь", нечто устойчивое, понятное, изученное.

БРЭДБЕРИ (Bradbury) Рей Дуглас
(р. 1920, американский писатель.)

Море и вообще водоем представляется территорией неизвестности, и не случайно легенда о чудовище Несси возникла в связи с озером: народное сознание не помещает монстра в лесную чащу или в гигантскую пещеру, а именно в водные глубины.

Рассказ "The Fog Horn" строится как диалог Платона: есть умудренный опытом главный герой, воспринимающий морского монстра как нечто само собой разумеющееся, и молодой экспериментатор, который не пытается принять события такими, какими он их видит, а сразу хочет внести в них некие изменения. Потушенный маяк приводит неведомое животное в ярость, оно начинает долбить стекло башни своей огромной головой, и автор подчеркивает, как хрупок и зыбок мир человека в сравнении с вышедшей из глубин моря тварью, как нелегко сопротивляться неизведанному и непознанному.

Однако основным мотивом в восприятии моря в данном случае является все же мотив одиночества. Одинок смотритель маяка, одинок сам маяк, посылающий сигналы кораблям, но более всего одинок неизвестный зверь, который за много миллионов лет впервые увидел в маяке родственную душу и испытал желание общаться.

Рэй Брэдбери работал в жанре научной фантастики. Рассказ "The Fog Horn" при этом скорее относится к ряду не фантастики как таковой, а фэнтези Мир фэнтези не погружает читателя в будущее, осененное достижениями науки, – логика развития этих произведений гораздо ближе к волшебной сказке, чем к научной фантастике. Особенность "фэнтези" в том, что при сказочности сюжета эти произведения не стилизуются под фольклор. Их персонажи говорят современным разговорным языком, зачастую даже являются обычными людьми, случайно оказавшимися в необычном, сказочном мире. Часто такие произведения выглядят абсолютно реалистическими, фантастичность создается одним каким-то штрихом. Так, в рассматриваемом произведении именно появление монстра из глубин является единственным из ряда вон выходящим событием.

Вымышленные миры, создаваемые современной литературой, очень разнятся: в ряде этих миров люди действуют наряду с придуманными автором персонажами (как в "Гарри Поттере" или "Хрониках Нарнии"), в ряде других мир населен абсолютно вымышленными существами (как, к примеру, мир произведений Толкиена). Любопытно, что большинство этих миров созданы на англоязычной почве.

"Представим себе мир, ну совсем такой же, как наш, только в нем есть маги, волшебники и всякие необычные существа, а при наличии определенных навыков или особых предметов там можно летать, становиться невиди-

мым, исцелять. По сути, это разновидность авторской сказки, только автор не просто рассказывает о приключениях волшебных героев, а создает детально проработанную среду их обитания. За XX век англичане создали три таких вселенных – мир "Хроник Нарнии" (1950–1956), "Властелина колец" (1954–1955) и Гарри Поттера (1997–2007)" [Мильчин 131].

У главного героя, морского чудовища, так и не появляется внятного названия: это нечто, явившееся из морских глубин и не вернувшееся больше никогда после эксперимента с маяком:

"The monster?

It never came back.

"It's gone away," said McDunn. "It's gone back to the Deeps. It's learned you can't love anything too much in this world. It's gone into the deepest Deeps to wait another million years. Ah, the poor thing! Waiting out there, and waiting out there, while man comes and goes on this pitiful little planet. Waiting and waiting." [Bradbury 142].

В каждом из миров нового европейского фэнтези очень сильно архетипическое разделение мира на два полюса: черное и белое, доброе и злое. Мотив двойничества Эдгара По, Тени Юнга, Немо Фаулза в этих мирах обретает новое воплощение. Герои новой мифологии четко разделены, они стоят по разные стороны баррикад добра и зла, и читателю легко отождествить себя с одним из них. "У всех этих сказочных вселенных есть одна важная особенность: они построены на противостоянии добра и зла, причем и то и другое возведено в абсолют: добрые волшебники вроде Гэндальфа или льва Аслана борются против Мордора или Белой Колдуньи, Гарри Поттер против Волан-де-Морта. А оппозиция хорошего и плохого или черного и белого, всегда проще для понимания, чем полутона" [Мильчин 131]. Мир словно возвращается к новому классицизму, основой которого было четкое деление героев пьесы или повести на хороших и плохих, о чем должны были свидетельствовать даже их имена и фамилии. В целом, классицистическая литература следовала античным канонам, что вытекает из самой природы классицизма как направления, декларировавшего ориентацию на классические образцы: античность. Следовательно, новая мифология обращается к мифологии старой, рассматривая все те же архетипы.

В рассматриваемом рассказе море воплощает два мотива, свойственных мифологии и фэнтези: мотив непознанного и мотив одиночества. Неизвестный монстр воплощает собой абсолютное, экзистенциальное одиночество, одиночество существа, которое оставалось одно в течение нескольких тысяч или миллионов лет.

Море воспринимается как территория, которая не до

конца исследована человеком, именно поэтому оно может порождать существ, которых человеческий язык даже не в состоянии определить. Существо, отвечающее маяку, называется *it*, как любое другое животное, оно не персонифицировано. В русском переводе, поскольку живое существо не может не быть охарактеризовано по половой принадлежности, обитатель морских глубин охарактеризован как "он", монстр (что подспудно вызывает ассоциацию с динозавром). Обозначение существа как безликого *it* вызывает ассоциацию с неодушевленным существом, и в данном случае ревун маяка воспринимается как своеобразный собрат монстра из глубин.

Если рассматривать оппозицию моря и человечества в категориях Талми, необходимо проанализировать те глаголы движения, с помощью которых охарактеризованы *monster* и его собеседники.

Основной вклад Л. Талми в изучение пространственных категорий связан с развитием типологии глаголов движения.

В классических работах этого исследователя (см. [Talmy 2004]) обращается внимание на то, что языки мира могут довольно сильно отличаться друг от друга по семантике глаголов движения. Эти различия, прежде всего, касаются того, какая именно информация о ситуации движения включена в глагольный корень и какие компоненты ситуации движения выражаются вне глагольного корня другими языковыми средствами. В зависимости от этого в языках мира Л. Талми выделяет несколько базовых моделей включения в глагольный корень информации о ситуации движения "моделей лексикализации".

В описании передвижений монстра используются глаголы *to go* и *to come* с послелогами – *to come back*, *to go away*:

It never came back.

"It's gone away," said McDunn. "It's gone back to the Deeps. It's learned you can't love anything too much in this world. It's gone into the deepest Deeps to wait another million years. Ah, the poor thing! Waiting out there, and waiting out there, while man comes and goes on this pitiful little planet. [Bradbury 145]

Использование глаголов направления показывает, что точкой отсчета для читателя является маяк: к нему *monster came*, от него *monster gone away*. Однако далее и сами люди описаны как нечто чужеродное для планеты: они также пришли извне, что подчеркнуто глаголом *to go*.

Рассказ Рэя Брэдли активизирует восприятие моря как зоны тайн и загадок, которая еще таит в себе много неведомого человеку. Это восприятие характерно для англоязычной культуры, поскольку Великобритания была одной из самых активных держав в освоении моря, и рассказы мореплавателей формировали образ моря как безграничного пространства, которое может быть как дружелюбным, так и враждебным к человеку.

Образ моря в таком понимании во многом навеян германоязычной литературой: путешествия в средневековой германской литературе носили метафорический характер. Так, в саге "Плавание Брана" воспроизводится характерный еще для античной мифологии сюжет путешествия в мир иной. В одной из версий саги моряк с корабля Брана спустился на берег и тут же рассыпался в прах: так морякам стало ясно, что их плавание продолжается уже множество лет, и, спустившись на берег, они умрут. Воду и пищу им передавали на корабль, а сами они, как гласит сага, так и продолжили скитаться. Возможно, легенды о "Летучем Голландце" связаны с сагами о плавании Брана. В сагах и легендах море позиционируется как территория страха и потустороннего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мильчин К.И. Как сотворить мир. Почему именно английская литература преуспела в создании вымышленных вселенных. // Русский репортер, 17.03.2011. – С. 131 – 135.
2. Bradbury R. The Short Stories. – NY, 1987. – 233 с.
3. Talmy L. How Language Structures Space. – London, 2004. – 308 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОПУЩЕНИЯ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Каразия Анастасия Андреевна
 Аспирант, Санкт-Петербургский
 Государственный Университет,
 Санкт-Петербург

ON THE ISSUE OF PRAGMATIC CHANGES AS A RESULT OF OMISSION TRANSFORMATION IMPLEMENTATION IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

A. Karaziya

Annotation

The article includes a comprehensive analysis of intentionally semantic omission strategy during simultaneous interpreting from Russian into English which leads to changes of pragmatic aspect of the utterance. Main methods providing for the implementation of this transformation and reasons for choosing them are defined and analyzed.

Keywords: simultaneous interpreting; transformations; intentionally semantic omission; pragmatic aspect of the utterance.

Аннотация

В статье предлагается комплексный анализ стратегии реализации трансформации интенционально-семантического опущения, которое приводит к изменению прагматической составляющей высказывания, в режиме синхронного перевода с русского на английский язык. Основное внимание уделяется выявлению основных приемов, обеспечивающих применение данной переводческой трансформации. Также рассматриваются причины, обуславливающие выбор данного типа трансформации в синхронном переводе.

Ключевые слова:

Синхронный перевод; переводческие трансформации; интенционально-семантическое опущение; прагматика высказывания.

Синхронный перевод считается одним из наиболее сложных видов переводческой деятельности. Изучению процессов, обеспечивающих возможность его функционирования, уделяется большое внимание, потому что это способствует как расширению теоретической базы данного вида речевой деятельности, так и разработке практических методов подготовки и повышения квалификации переводчиков-синхронистов.

Синхронный перевод – особый тип профессиональной межъязыковой деятельности, осуществляемой в экстремальных лингвистических и психологических условиях, в среде, враждебной синхронисту. Для успеха этой деятельности необходимы определенные условия. Прежде всего, это объективная семантическая дискурсная избыточность сообщения на исходном языке и его субъективная смысловая избыточность для переводчика. И если первое вытекает из повторов и взаимозависимости дискурсных компонентов на всех уровнях речи (слог, слово, фраза, синтагм, высказывание, дискурс, коммуникативная ситуация), то последнее – субъективная избыточность сообщения – требует достаточных условий умозаключений (когнитивных, прагматических, контекстных, ситуационных) [10, с. 200].

Этот факт определяет неразрывную взаимосвязь

процесса синхронного перевода с явлением компрессии речи – "...таким ее сжатием, определенным специфическими условиями общения, при котором в ней сохраняется только то, что необходимо для данной задачи общения, а все остальное отбрасывается". [1, с. 90] "На механизм реализации компрессии оказывают влияние 5 факторов: условия работы синхронного переводчика, контекст коммуникации, задача коммуникации, контекст сообщения и различия в грамматическом строе языков" [2, с. 10].

Механизм компрессии реализуется с помощью различных приемов, одним из которых является применение трансформации опущения. Опушению могут подвергаться как фактуальная информация, так и части высказывания, отвечающие за передачу прагматической составляющей исходного языка. Опущение последних приводит к изменению экспрессивной перспективы высказывания и его коммуникативного фокуса: к трансформации и/или потере интенций, заложенных говорящим в исходное сообщение.

Цель данной статьи состоит в определении основных типов интенционально-семантических опущений, применяемых в синхронном переводе и приводящих к потере прагматической составляющей. Материалом исследования послужили примеры, отобранные из транскриптов,

подготовленных на основе аудиозаписи синхронного перевода пленарного заседания Петербургского Международного Экономического Форума 2014 года.

Анализ примеров показал, что данная группа опущений составила 35% от общего количества примеров использования трансформации опущения в синхронном переводе.

Опущению подвергаются эмотивно-экспрессивные фрагменты высказывания:

1. Надо было пойти на выборы, и те же люди пришли бы сейчас к власти, только легальным путём. Мы, [как идиоты], платили бы 15 миллиардов, которые обещали, держали бы низкие цены на газ, дальше продолжали бы субсидировать экономику.

Had it all been done legally we'd _____ continue subsidizing them, we'd keep gas prices low, we'd allocate the 15 billion we promised. [11]

С одной стороны, при опущении таких элементов экспрессии есть риск не только не сохранить стиль оратора, но и в целом упустить интенцию, заложенную в его выступлении. В данном примере речь идет не только о том, что субсидии с российской стороны прекращены из-за неправомерных действий киевских представителей, но и о том, что Россия в ущерб себе в течение многих лет финансирует украинскую экономику. С опущением эмотивно-экспрессивного фрагмента ('как идиоты') в ПЯ данная импликация не сохраняется. Под импликацией понимается "компонент содержания высказывания, который не входит собственно в смысл предложения, но "вычитывается" в нем слушающим в контексте речевого акта [8, с. 121].

С другой стороны, при сохранении таких оборотов есть риск того, что оратор будет воспринят иностранными слушателями неверно, ввиду лингвокультурных различий в целом и большей степени регламентированности ораторской речи в англоязычных странах в частности.

В ходе исследования были отмечены случаи опущения частей высказывания, усиливающих коммуникативное намерение:

2. Что мы сделали? Мы только обеспечили свободу волеизъявления. [И я Вам гарантирую], если бы мы этого не сделали в Крыму, в Крыму было бы хуже, чем в Одессе, где людей заживо сжигают.

All we did we guaranteed freedom of expression of their will. _____ Had we not done that in Crimea the situation in Crimea would be even worse than what happened in Odessa. Where people were burnt alive. [11]

В ПЯ происходит опущение коммуникативного интродуктора – "предикативной единицы коммуникативно-вводящего характера" [6, с. 41–42] – отвечающего за усиление коммуникативного намерения говорящего.

Коммуникативный интродуктор в ИЯ "подчеркивает совершаемое речевое действие и, следовательно, иллюкативную цель" [6, с. 42], что в результате применения трансформации опущения не находит отражения в ПЯ и соответственно приводит к изменению эмотивно-экспрессивной перспективы высказывания.

Эмотивно-экспрессивные фрагменты могут опускаться и в случаях, когда к ним сложно подобрать нужный эквивалент в другом языке. Например, если в ИЯ используется клише:

3. Вот наши американские партнёры объявили о том, что они не будут с нами сотрудничать в военной области. [Вот здорово!] А где мы сотрудничали-то?

Our American partners announced that they were, they refused to cooperate in military domain. _____ But look, did we really have any military cooperation? [11]

Клишированные построения появляются в речи, благодаря ее автоматизму, в часто повторяющихся ситуациях. Речевая реакция на них также становится частотной и превращается в некий шаблон. "Такие построения – неотъемлемая часть устной речи, но они не могут служить гибким речевым средством, пригодным и для целей, выходящих за пределы обслуживания шаблонных ситуаций" [4, с. 124]. Таким образом, в ситуации синхронного перевода возникновение подобных клише в ИЯ может вызывать сложности с его передачей на ПЯ и приводить к опущению всего построения.

В случае с примерами данной группы можно отметить опущение элементов высказывания, отсутствие которых приводит не к полной потере прагматической составляющей ИЯ, но к степени ее выраженности в ПЯ:

4. [Вы знаете], мы же понимаем и видим, что люди на Украине хотят, чтобы страна в конце концов вышла из этого затянувшегося кризиса, и, [без всяких сомнений], мы с уважением отнесёмся к выбору украинского народа.

_____ We all understand and we all see that people in Ukraine want to see their country emerge from this projected crisis and _____ we will have respect for the choice that Ukrainian people will make. [11]

Опущение клише ('без всяких сомнений') в середине высказывания приводит к некоторому изменению иллюкативной силы исходного сообщения, неполной передаче авторской интенции, хотя и может помочь переводчику сэкономить усилия и сконцентрировать внимание на более важных для перевода моментах. Также в данном примере можно отметить и опущение клише ('Вы знаете') в начале высказывания, которое можно отнести к группе речевых стереотипов, отвечающих за создание формата вербального взаимодействия.

Они связаны с речевым этикетом, фатической коммуникацией и метаязыковыми высказываниями. ... Такие стереотипы могут отвечать за выражение мнения или совета, отрицания или поправки и указывают на сохранение

интерактивной инициативы за говорящим [7, с. 304–305]. Таким образом, опущения подобного рода могут вносить некоторые изменения в прагматическую составляющую высказывания, хотя их можно классифицировать как незначительные.

В некоторых случаях в ПЯ не сохраняется ирония, присутствующая в ИЯ:

5. Мы предоставили ему только убежище, он никакой не агент наш, он нам секретов никаких не выдал, [разбойник, мог бы чего-нибудь рассказать на самом деле] – мы всё-таки ему убежище предоставили.

We given we gave him a refugee. He is not our agent, he didn't give us any secrets. ____ We gave him a refuge but he didn't tell us anything. [11]

Несмотря на то, что общая смысловая структура высказывания сохранена, в данном случае потеряна эмоция, которая намеренно вкладывалась оратором в ИЯ, в результате чего сообщение в ПЯ превращается в простую констатацию фактов без той доли иронии, что была в ИЯ.

К блоку опущений элементов эмотивного характера можно отнести опущение апеллятивных вопросов:

6. Запад поддержал государственный антиконституционный переворот. [Ну поддержали ведь, правильно?]

The West supported anticonstitutional coup d'etat. ____ [11]

С одной стороны, в результате опущения не происходит никаких содержательных изменений, так как вопрос по факту дублирует то, что было сказано ранее. Но, с другой стороны, в ПЯ не сохраняется эмотивная составляющая ИЯ, апелляция говорящего к собеседнику и аудитории, имплицитный призыв согласиться с озвученной им информацией. В ПЯ имеет место только констатация факта.

Апеллятивный вопрос выражает "запрос по поводу отношения собеседника к факту" [9, с. 81]. При опущении подобных вопросов может теряться не только апеллятивная составляющая, но также ирония, заложенные в ИЯ имплицитно:

7. И у меня даже такое подозрение, может быть, настаивая на применении санкций в отношении России, наши американские друзья [а они изощрённые ребята, так?], может быть, хотят даже получить определённые конкурентные преимущества в своих торгово-экономических связях с Европой?

And assisting upon sanctions in regard to Russia I'm thinking that our US, American, our US friends ____ want just to get certain competitive advantages in their relations with Europe. [11]

При опущениях подобного рода, помимо прагматической составляющей, для англоязычного слушателя теряется индивидуальный стиль выступающего, его попытка

вести неформальный разговор с аудиторией, а значит, перевод становится более нейтральным и формальным, чем оригинал.

Рассмотрим еще один пример похожего характера:

8. [Ну ладно]. И Вы считаете, что мы в этом виноваты? Мы предлагали диалог – нам отказали в нём. [Что дальше?]

____ And are you blaming us? What we suggested was dialog. We were denied. ____ [11]

Апеллятивный вопрос в ИЯ имеет целью большую степень вовлеченности аудитории в дискуссию, их переход от пассивного слушания к обдумыванию упомянутых говорящим проблем и противоречий. В ПЯ данная составляющая не сохраняется. В данном примере можно отметить также и опущение диалогического клише "ну ладно". "Диалогические клише облегчают говорящим ведение разговора, они многообразны, многие из них экспрессивно окрашены" [3, с. 176]. В данном случае можно говорить о том, что клише передает отношение говорящего к ситуации, его эмоциональный настрой в момент обсуждения конкретного вопроса, что не сохраняется в ПЯ.

Использованные в высказывании клише могут дублировать друг друга, что объясняется избыточностью речи. Этот фактор обуславливает применение трансформации опущения к клише или его части:

9. Что нам ответили? Что нас это не касается. [Вы меня извините], не хочу никого обижать, но такого снобизма я давно не видел.

We were told it is not our business. ____ I'm not trying to offend anyone but I haven't seen such a snobbish attitude in years. [11]

В ПЯ опускается часть клише ("Вы меня извините"), что представляется нам вполне оправданным: само сообщение ИЯ довольно избыточно, так как два следующих друг за другом клише по сути повторяют друг друга, поэтому применение трансформации в данном случае не приводит ни к потере информации, ни к существенному смещению акцентов, при этом позволяет сконцентрироваться на следующем далее смысловом отрывке.

В некоторых случаях клише опускается целиком:

10. Что дальше? [Вот смотрите]: госпереворот совершили, с нами разговаривать не хотят.

And now what happens next. ____ Coup d'etat took place, they refused to talk to us. [11]

Данный пример показывает, что при опущении клише в ПЯ не сохраняется апеллятивная составляющая, заложенная в нем. Тем не менее, это также не приводит к существенным изменениям прагматической составляющей ИЯ.

Вернемся к рассмотрению примеров, касающихся опущения аппеллятивных вопросов. В данной категории примеров были отмечены случаи опущения целых псевдодиалогов:

11. [Что я имею в виду? Ограничения у нас введены? Введены. В чём они заключаются?] В запрещении пропаганды педофилии, детской порнографии, пропаганды способов суицида

_____ *We have introduced some restrictions and the restrictions only regard the ban on propaganda of pedophilia, child pornography. We have introduced ban on propaganda of ways of suicide. [11]*

"Псевдиалог представляет собой последовательность монологов, перемежающихся вопросами, не требующими ответа, или требующими предусмотренный спрашивающим ответ. Один из собеседников разговаривает сам с собой, развивая дискуссию в нужном ему направлении" [5, с. 63–64, 73]. Опущение псевдиалога не только приводит к изменению экспрессивной перспективы и коммуникативного фокуса высказывания, но и лишают его манипулятивной составляющей, заложенной в самой природе псевдиалога.

Некоторые изменения прагматического фокуса, происходящие при применении трансформации опущения, могут быть вызваны лингвокультурными аспектами:

12. [Я думаю, что Вы неточно всё-таки сформулировали]. Не думаю, что Барак меня в чём-то обвиняет.

_____ *I don't think he accused me. [11]*

Опущенное высказывание ИЯ противоречит постулатам вежливости Г. Лича, имеющим большое значение для английской лингвокультуры. В данном случае нарушаются постулаты "такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому) ... и одобрения (своди к минимуму отрицательную оценку других; стремись к максимально положительной оценке других)" [12, с. 131–139]. По этой причине данная трансформация, с одной стороны, приводит высказывание к большему соответствию требованиям английской лингвокультуры и правил речевого общения, а, с другой стороны, фокусирует внимание слушателей (и самого переводчика) на следующей далее значимой информации, так как опущенное высказывание не несет большой доли смысловой нагрузки.

Таким образом, в группе примеров интенционально-семантических опущений были отмечены такие приемы, как опущение (полное или частичное) эмотивно-экспрессивных фрагментов высказывания, коммуникативных интродукторов, клише и речевых стереотипов, аппеллятивных вопросов и псевдиалогов. Результатом такого рода трансформаций является изменение прагматической составляющей высказывания, неполная передача коммуникативного намерения говорящего, потеря иронии, импликатур, аппелляции к аудитории или манипулятивной составляющей. Во многих случаях применение трансформации интенционально-семантического опущения в синхронном переводе связано с избыточностью исходного сообщения, а также с лингвокультурными аспектами перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам (курс лекций). М., 1-й МГПИИЯ, 1966.
2. Гурин И.В. Приемы речевой компрессии при синхронном переводе с русского языка на английский. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2008. 23 с.
3. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: русский язык, 1979. 240 с.
4. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 2008. 400 с.
5. Меньщикова Е.В. "Воздейственность" как текстовая категория в интерперсональном дискурсе (на материале английского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2015. 162 с.
6. Поспелова А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб, 2001. 72 с.
7. Третьякова Т.П. Фактор выбора коммуникативной семантики в переводе речевых клише (на примере переводов А.П. Чехова и Г. Пинтера)// Университетское переводоведение. Вып. 11: Материалы XI Международной научной конференции по переводоведению "Федоровские чтения" 20–23 октября 2010. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С.483–490
8. Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания: принцип выявления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск, 2006. 22 с.
9. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: Высшая школа, 1979. 168 с.
10. Chernov G.V., Setton R., Hild A. Inference and anticipation in simultaneous interpreting. A probability-prediction model// John Benjamins Publishing Company. Philadelphia, 2004. 268p.
11. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/21080> (Дата обращения 04.10.2015)
12. Leech G. Principles of Pragmatics. – L.: Longman Publ. Gr., 1983. 257 p.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОЦЕССА ВНИМАНИЯ

Кожокина Ангелина Викторовна
К.филол.н., ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский Государственный
Университет

COGNITIVE POTENTIAL OF THE PROCESS OF ATTENTION AND SOME SPECIAL FEATURES OF ITS VERBALIZATION

A. Kozhokina

Annotation

The paper touches upon the problem of attention and its place in the structure of the cognition. Based on psychological and linguistic data, the author studies the cognitive activity and represents the scheme of its analysis. The given scheme identifies the peculiarities of perception and mental processing and language expression of the information perceived. It provides better understanding of cognitive activity where the process of attention plays an important role.

Keywords: attention, cognitive process, perception, interest, mental activity, meaning, association.

Аннотация

Статья посвящена изучению внимания и определению его места в полиактовой структуре познания. На основании данных из области психологии и лингвистики, предлагается схема анализа познавательного акта, которая позволяет более детально говорить об особенностях восприятия некоторого события в окружающем мире, а также этапах его осмысления, вербализации. Представленная автором схема помогает глубже понять процессы познавательной деятельности, в которой внимание занимает важное место.

Ключевые слова:

Внимание, познавательный процесс, перцепция, интерес, ментальная деятельность, смысл, ассоциация.

Внимание – это сложный процесс, который в последнее время привлекает все больший интерес психологов и рождает сложные и спорные теории объяснения. В разных контекстах внимание описывается как фильтр, воронка, ворота, узкое место, бутылочное горлышко [11], умственное усилие, ресурсы [9], умение, навыки [12], луч света (прожектора) [10]. В результате анализа учебной и справочной психологической литературы Г. Беймлер выделил 35 различных определений внимания [8].

В настоящее время психологи, работающие в рамках нейрокогнитивной парадигмы, придерживаются мнения о том, внимание само по себе не является особым познавательным процессом, и рассматривают его как психофизиологический сквозной процесс или состояние, характеризующее особенности познавательных процессов [13].

Если психологи, указывая на всеобщность внимания, перестали искать определенное фиксированное место этого акта в процессе познания действительности, то для лингвистов, имеющих дело с языком, этот вопрос оказывается чрезвычайно важным и сложным, и для его решения они вновь вынуждены обратиться за помощью к психологам. Чтобы попытаться определить место акта внимания в полиактовой структуре процесса познания, сле-

дует рассмотреть этапы последнего. Из современных теорий когнитивной организации наибольший интерес представляет модель Grand Design, предложенная Б. М. Величковским [4, с.271]. Он выделяет 6 уровней, на которых работают механизмы интеллекта человека. а) палеокинетические регуляции, б) синергии, в) пространственное поле, d) предметное восприятие, e) концептуальные структуры, f) метакогнитивные координации [4, Т.2: 271]. Нижние уровни характеризуются простейшими процессами, связанными с рефлексам, координацией движения. На верхних уровнях протекают более сложные процессы, отвечающие за речь и сознание.

Что касается внимания, то Б. М. Величковский различает две фазы обработки информации: AMBIENTную (от фр. *ambiance* – окружение) и фокальную [4, с. 243, 298]. В терминологии У.Найссера эти две фазы обработки информации носят названия предвнимательной и внимательной [12]. Под первой (амбиентной) понимается относительно грубая обработка, связанная с глобальной ориентацией в пространстве. Это охватывающий способ восприятия (уровень C), по Б. М. Величковскому. Вторая фаза (фокальная) отличается осознанной, внимательной, детальной и последовательной обработкой. Она протекает на уровне предметного восприятия (уровень D), на котором осуществляется анализ индивидуальных характеристик и деталей объекта, что ведет к его идентификации.

Когда фокальная обработка заканчивается, человек возвращается в предвнимательное состояние, т.е. "последнее внимание" = "предвнимание".

Согласно психологам, внимание в полной мере проявляется тогда, когда некоторый материальный объект окружающего мира уже воспринят, однако его перцепт (Под термином "перцепт" (перевод англоязычного термина "percept") понимается результат восприятия.) еще не до конца сформирован. Так, в теории перцептивных символьных систем Л. Барсалу ключевая роль среди механизмов, участвующих в организации знаний, отводится вниманию. Внимание выделяет часть воспринимаемой информации ("isolates information in perception") и фиксирует ее в долговременной памяти ("stores the isolated information in long-term memory") [7]. Б. М. Величковский указывает на то, что на уровне предметного восприятия D (см. выше) внимание активно участвует в выделении базовых признаков объекта, которые на следующем этапе учитываются для того, чтобы дать инвариантную (константную) оценку индивидуальным признакам [4, с.208]. Следовательно, выделенные с помощью работы системы внимания признаки служат критерием, чтобы узнать объект в различных его материальных воплощениях, что свидетельствует о значимости внимания в преобразовании знаний человека о внешнем мире и позволяет определить место акта внимания в полиактовой структуре процесса познания.

В лингвистике анализ ситуации реализации внимания содержит выделения нескольких актов, этапов: 1) акт перцепции; 2) акт внимания 3) акт интереса (заинтересованности), 4) акт осмысления, с его 4а) подактами припоминания, 4б) сравнения с чем-то знакомым, 4в) подактом рациональной или эмоциональной оценки, 4г) подактом догадки. Результатом акта осмысления является 5) вывод "что это значит", "каков в этом смысл" [3, с.87]. Е.Г.Хомякова также указывает на то, что акт внимания следует после акта перцепции. За актом внимания следуют акт сравнения, акт ассоциирования [6]. Очевидно, что человек обращает внимание на объект до того, как он его осмыслил.

Если вынести за скобки сенсомоторную часть модели познания, то можно заметить, что в целом, лингвистическое описание ситуации познания в той или иной степени совпадает с моделью, представленной психологами. В модели Б. М. Величковского перцепт некоторого объекта формируется на уровне D (предметное восприятие), что соответствует этапу "увидеть/ услышать" в лингвистическом описании (акт 1). Как уже указывалось, на этом же уровне, по мнению психологов, распределяются механизмы фокального внимания. Лингвисты выделяют внимание в отдельный акт (акт 2), следующий за актом перцепции. Далее психологи выделяют уровень концептуальных структур. На этой стадии перцепт распознается, что происходит с обязательным учетом предыдущего

личного опыта человека, его знаний, навыков, социальных норм и установок. Эта стадия в лингвистической терминологии носит название "припомнить (акт 4а) и сравнить с чем-то знакомым (акт 4б)". При осмыслении воспринятого перцепт приобретает неповторимый "личностный смысл" (ср. "уровень метакогнитивной координации" у психологов и "акт рациональной и эмоциональной оценки" (акт 4в) у лингвистов). В завершении этих этапов образуется когнитивная структура – "что-то происходит" (акт 5), которая включает личное знание человека относительно данного события. Например, когда человек видит собаку и слышит ее лай, результатом перцептивного осмысления воспринятого можно считать перцепт "лающая собака". "Зрелый" перцепт существует как устойчивое функциональное целое. Это результат восприятия, снимающий промежуточные этапы развития. Он отражает фрагмент события. Это "заготовка", которая потом может быть осмыслена вторично. Человек может задаться вопросами: "почему что-то происходит?", "когда, где это "что-то" произошло/ происходит?", "что это значит?" и т.д. А. И. Варшавская выделяет ряд основных смыслопорождающих вопросов, которые можно задать к познаваемому: Кто, Что, Куда/ Откуда, Когда/ Как долго, Зачем, Почему, Какой, Как, Сколько [2, с.219, 283, 293]. По мнению ученого, данные вопросы являются смысловыми координатами дискурса.

Как уже было отмечено, внимание не имеет своего особого содержания, что не позволяет рассмотреть этот психический процесс "в чистом виде". В связи с этим предлагается возможным рассмотреть реализацию внимания на примере какой-либо когнитивно-информационной ситуации, которая описывается в высказывании. Рассмотрим пример:

(1) He found himself looking furtively at this unknown dame. Like his father before him, he had an eye for a face. This face was charming! He saw a rounded chin nestling in a cream ruffle, a delicate face with large dark eyes and soft lips. A black 'picture' hat concealed the hair; her figure was lightly poised against the back of the bench, her knees were crossed; the tip of a patent-leather shoe emerged beneath her skirt. There was something, indeed, inexpressibly dainty about the person of this lady, but young Jolyon's attention was chiefly riveted by the look on her face, which reminded him of his wife. It was as though its owner had come into contact with forces too strong for her. It troubled him, arousing vague feelings of attraction and chivalry. Who was she? And what doing there, alone? (Иллюстративный материал представлен из романа J. Galsworthy "The Forsyte Saga").

В данном отрывке текста представлена следующая ситуация. Объектом восприятия является женщина (this unknown dame). Она незнакома герою, поэтому, как всякий новый объект, непроизвольно вызывает его внимание. Очевидно, что внимание связано с интересами, склонностями человека. Объясняя, почему герой обратил

внимание на женщину, следует отметить его личностную характеристику; он не оставлял без внимания хорошее лицо, у него был глаз наметан на красивые лица (*he had an eye for a face*). Заинтересовавшись дамой, герой выделяет в ней детали ее внешности, одежды, положение тела.

Акт перцепции представлен глаголом *to look*. На начальной стадии восприятия герой лишь поверхностно рассмотрел заинтересовавший его объект, отличил его среди других, окружающих его объектов, что соответствует амбиентной (или предвнимательной) фазе обработки воспринятого. На этапе предметного (внимательного) восприятия, маркированного глаголом *to see*, герой отмечает в объекте малозаметные, но существенные для него признаки.

Осмысляя воспринятое, герой обращает особое внимание на лицо женщины. Можно сказать, что это новый объект восприятия, который привлекает внимание героя. Акт внимания обозначен словосочетанием *to rivet one's attention*. Далее субъект сравнивает его с имеющимися у него знаниями, совершает акт сравнения. Как отмечают психолингвисты, основополагающей характеристикой самой возможности формирования и функционирования индивидуального знания является универсальный механизм ассоциирования [5, с.286]. В данном примере, глядя на лицо женщины, герой вспоминает свою жену. Акт ассоциирования (припоминания, сравнения с чем-то знакомым) представлен глаголом *to remind*. Далее герой совершает догадку, предположение, о том, что этой женщине пришлось преодолеть. Акт догадки выражен в предложении: *It was as though* .... По мере того, как воспринятое наделяется личностным смыслом, оно вызывает

эмоции героя, пробуждает в нем волнение, симпатию, какие-то рыцарские чувства. Это реакция на результат осмысления воспринятого, когда человек рационально или эмоционально оценивает полученный смысл (подакт 4в). Продолжая размышлять об увиденной незнакомке, герой задается вопросом: Кто эта женщина? И что она делает здесь одна? Эти вопросы остаются без ответа, следовательно, акт осмысления остается незавершенным. Незавершенность акта осмысления, продолжение мыслительного процесса, рождение новых мыслей – все это согласуется с характеристиками смысла, которые выделяет А. И. Варшавская, а именно: неточечность, пропозициональность, подвижность, изменчивость смысла как и самих мыслей [2, с.211 – 238]. После того, как смысл получен, т. е. когда человек осмыслил некоторое положение вещей в реальном мире, он не останавливается на данном результате осмысления. Его мысль движется дальше, является частью осмысленного. Осмыслив нечто, человек продолжает думать о положении вещей. Это "пицца для ума". Смысл, по А. Белому [1], есть со-мыслие. Такое движение мысли можно представить как "смысл > смысл" или "мысль+мысль = сомыслие = смысл".

Проведенный анализ показал, что акты внимания совершаются человеком постоянно наравне с другими видами его активности – дыханием, зрением, слухом, поэтому познание мира без внимания к нему невозможно. Внимание делает процесс восприятия более точным и детальным, способствует более прочному и избирательному запоминанию, направляет мыслительную деятельность человека, обеспечивает ее продуктивность. Таким образом, изучение внимания помогает глубже понять процессы познавательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Душа Самопознающая. М., 1999.
2. Варшавская А.И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб., 2008.
3. Бондаревская А.В., Варшавская А.И., Кожокина А.В. Интенциональное состояние "интерес" в окказиональной знаковой ситуации// Малая лингвистика: избирательное сродство. СПб., 2011. С. 86–90.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х т., 2006
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005.
6. Хомякова Е.Г. Когнитивно-информационная ситуация как инструмент исследования познавательной функции языка// Перцепция. Рефлексия. Язык/ Под ред. Е.Г.Хомяковой, СПб., Изд-во СПбГУ. 2010. С. 236–251
7. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems. Behavioral and Brain Sciences, 22, 1999. P. 577–609.
8. Baumler G. Auf dem Weg zur operationalen Definition von Aufmerksamkeit // Konzentration und Leistung / J. Janssen, E. Hahn, H. Strang (Hrsg.). Gottingen: Hogrefe, 1991. S. 11–26.
9. Kahneman D. Attention and effort. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1973.
10. LaBerge D.L. Attention // Psychological Science. 1990. V.1. No.3. P. 156–161
11. Moray N. Attention: Selective process in vision and hearing. NY: Wiley, 1970.
12. Neisser U. Cognition and reality: principles and implications of cognitive psychology – San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1976. 232 p.
13. Posner M.I. Cognitive neuroscience of attention. NY: The Guilford Press, 2004.

ТЕМА ВЕЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Б. ЗАЙЦЕВА "РЕКА ВРЕМЕН"

THEME ETERNITY IN THE STORY BORIS ZAITSEV "RIVER OF TIME"

H. Poltavskaya

Annotation

B. Zaitsev's story "The river of times" that crowns the writer's creative career is analyzed in the article. Various forms of expression of the author's consciousness are examined, such as semantics of the title of the work, the heroes' contrastive characteristics, colour symbolism, poetization of holiness etc. It is shown that the problem "temporal / eternal" in B. Zaitsev's story is being solved through the reader's turning to the Eastern Christianity values.

Keywords: the theme of eternity, semantics of the title, the principle of contrast, poetization of holiness, Eastern Christianity values, B. Zaitsev.

Полтавская Елена Андреевна

*Соискатель каф. новейшей
русской литературы Литературного
Института им. А.М. Горького*

Аннотация

В статье анализируется повесть Б.Зайцева "Река времен", завершающая творческий путь писателя. Рассматриваются различные формы выражения авторского сознания: семантика названия произведения, контрастная характеристика героев, цветовая символика, поэтизация святости и др. Показывается, что проблема "преходящее / вечное" в повести Б.Зайцева решается через приобщение читателя к ценностям православия.

Ключевые слова:

Тема вечности, семантика названия, принцип контраста, поэтизация святости, ценности православия, Б.Зайцев.

Б. Зайцев – один из наиболее ярких представителей русской литературы XX века. Его проза носит лирический характер, – соответственно, в структуре каждого из его произведений доминирует авторское начало: как правило, лирический герой его произведений воспринимается как *alter ego* автора. Жизнь Б. Зайцева состоялась в контексте эпохи (революции 1905 г., 1917 г., война 1914 г., гражданская война, вынужденная эмиграция...): на этом фоне постепенно складывался эстетический идеал писателя. Ощущение осмысленности существования к нему приходит вместе с принятием в 1910–х годах христианского (православного) мировоззрения. Художественные произведения Б. Зайцева отражают динамику его мироощущения: если в 1900–х годах в творчестве Б. Зайцева доминировала пантеистическая проблематика ("В дороге", "Волки", "Мгла" и др.), то в более поздних произведениях ("Изгнание", "Путники", "Голубая звезда" и др.) определяющую роль играет христианская составляющая. Постепенно – особенно в период эмиграции – одним из ключевых мотивов в прозе Б. Зайцева становится мотив странничества. Герой–странник произведений Б. Зайцева (романы "Золотой узор", "Дом в Пасси", автобиографическая тетралогия "Путешествие Глеба", повести "Странное путешествие", "Река времен", и др.) на метафорическом уровне ассоциируется с идеей вечного поиска пути к истине ... В зрелой прозе писателя мотив пути представлен в контексте христианского мировосприятия: по Б. Зайцеву, обретение человеком лич-

ного пути, следование ему невозможно без обращения к христианским ценностям и представлениям, – путь лирического героя Б. Зайцева (читай: Б. Зайцева) – путь к Богу. Так, в книге "Русская литература в изгнании" Г. Струве подчеркивает, что от таких писателей, как А. Куприн, И. Бунин или А. Толстой, Б. Зайцева отличает именно "религиозная, христианская нота". По его мнению, религиозность Б. Зайцева – светлая (!): она "благоднее, примиреннее, умудреннее", чем религиозность А. Ремизова (у него "религиозные мотивы приобретают горько-скорбный, а иногда ... и демонический" характер), и даже внешне близкого, но все же другого по подходу И. Шмелева [7, с. 80].

В современном литературоведении все чаще делается упор на религиозной составляющей творчества Б. Зайцева, которая характеризуется как "сердечное созерцание", "совестная воля", "верующая мысль", "доверительное думанье" и т.п. [6, с. 3]. Но уже давно было замечено, что Б. Зайцев "с самой ранней писательской поры своей ищет и находит в человеке крупинку святости, скрытый в нем образ Божий... Может быть, святость и есть основная цель всего пути художника Бориса Зайцева и всех его "путников"... " [2, с. 149]. Цель нашей статьи – показать, что проблемы вечности и поэтизации святости в повести Б.Зайцева "Река времен" решаются во взаимосвязи – через приобщение читателя к ценностям православия.

Повесть "Река времен" (1964) завершает творческий путь Б. Зайцева. Философия повести – спокойствие, просветленный оптимизм: писатель показывает, что на нескончаемом пути приобщения человека к Божественной реальности никогда не поздно осознать свою незначительность, ничтожность, сердцем и душой принять кроткое спокойствие, смирение. Думается, что с личностью Б. Зайцева как автора повести "Река времен" удивительно соотносимы размышления И. Ильина: "То, что художник дает людям, есть прежде всего и более всего глубокий, таинственный помысел о мире, о человеке и о Боге, – о путях Божиих и о судьбах человека и мира" [4, с. 244, 247]. Повесть Б. Зайцева "Река времен" более, чем любое другое произведение писателя – в буквальном смысле – воспринимается как "помысел о мире, о человеке и о Боге". Для названия своей повести Б. Зайцев позаимствовал центральный образ из стихотворения Г. Державина ("Река времен в своем стремлении Уносит все дела людей..."), которое является аллюзией на ветхозаветную книгу Экклезиаст ("Суета сует – все суета"). Уже в названии повести заявлена тема вечности (читай: смысла жизни), определяющая развитие сюжета, но Б. Зайцев предлагает свой – полемичный относительно Г. Державина – вариант решения этой проблемы.

Повествование строится на контрастах, – ключевые оппозиции: преходящее / вечное; земное / небесное; материальное / духовное. Главные герои повести – монахи Андроник и Савватий: "Оба хоть и архимандриты, а совсем разные... Андроник вовсе еще не стар, но с проседью уже, худой, высокий, несколько чахоточного типа, с огромными прекрасными глазами, молчаливый и всегда задумчивый. Савватий много старше, сильный, плотный, румяный, с ослепительно серебряной главой, бородой белейшею..." [1, с.5]. Контрастная характеристика героев повести в ходе повествования постоянно обогащается: вслед за портретами идет описание их жилья, – в келье Савватия "обстановка простецкая", в то время как келья Андроника несет на себе отпечаток учености хозяина, – все стены в книжных полках, рядом с древними иконами портреты Константина Леонтьева, Александра I и Леона Блуа [1, с.8].

Дальше – больше: если Савватий пришел к монашеству органично и естественно для себя, то Андроник принял монашество в ранней молодости из-за неудачной любви ("Был студентом, стал монахом. В одни сутки..." [1, с.9]). Соответственно, Андронику психологически труднее дается не только монашество, но и постижение высших истин христианства. Если Савватий не испытывает никаких сомнений психологического рода, – все его жизненные устремления связаны с мечтой получить сан епископа и приношениями прихожан ("Не оскудевает вера православная", – привычно повторяет он принимая и пирожки с рыбой от благочестивой старушки, и новый ар-

тос; "Оскудела вера православная", – жалуется он Андронику, вернувшись в монастырь от зажиточного прихожанина, который вместо ожидаемого обеда угощал его "чаем с крендельками"), то у Андроника душа мятущаяся – не случайно, молясь о "многим запутанной душе своей", он просит у Бога "стать бы детским, бездумным, ясным!" [1, с.13]. Соответственно, и сон у героев повести разный, – Андроник спит всегда плохо, терзаясь во сне мучительными воспоминаниями о прежней жизни; Савватий же спит безмятежно [1, с.9, 13–14].

В качестве дополнительной характеристики двух монахов выступает цветовая символика. Так, образ Андроника постоянно сопровождает зеленоватый отсвет каштанов, растущих в монастыре: они придают его келье "полусумеречный, спокойный тон"; в "зеленом полумраке колеблющейся листвы каштанов" он возвращается по вечерам в свою келью; ночами в просвете каштанов он видит звезды...; с образом Савватия ассоциируется цвет серебра: "сребро-белеющая голова", "серебряная борода", "кончики серебряных усов" и т.п. Противопоставление теплого, зеленого и холодного, серебряного цвета здесь, разумеется, не случайно... Можно предположить, что каждый из них выполняет роль знака-вектора, указывающего направление движения героев повести в сторону жизни или смерти.

Б. Зайцев-художник тонко поэтизирует мысль о вечной, незыблемой ценности и красоте духовных постулатов православия, их благотворящей целительной силы. В этом плане сопоставление образов Андроника и Савватия особенно показательное, – сопоставление героев становится здесь не только основным композиционным приемом, но и способом выражения авторского сознания: постоянно подчеркивая то, что отличает монахов друг от друга (цельность Савватия и двойственность Андроника), Б. Зайцев отмечает и их духовное родство, глубинную укорененность каждого из героев повести в древнейших пластах православной культуры. Роднит этих людей и присущая им сердечная доброжелательность в отношениях друг к другу, – опять-таки при подчеркиваемом несходстве не только их натур, но и путей к монашеству.

Авторская концепция бытия находит отражение в ключевых эпизодах повести. Первый из них – разговор двух архимандритов в келье Андроника: речь идет о вечном и преходящем [1, с.10–13]. Сначала выясняется, что Андронику уже дважды предлагали сан епископа (предел мечтаний Савватия), но он без видимых причин оба раза от этого сана отказывался: "Плохой бы я был архиерей. Вы меня знаете. Вот, службы в церкви, книги, рукописи, это мое, а управление епархией – другое..." [1, с.11]; затем монахи обсуждают стихотворение Г. Державина о "реке времен", заканчивающееся фатальной мыслью:

всё "вечности жерлом пожрется И не уйдет своей судьбы". Андроник, склонный периодически впадать в состояние уныния ("... и святые испытывали минуты Богооставленности" [1, с. 12]), разделяет сомнения Г. Державина, – отсюда у него постоянные раздумья о скорой смерти (предчувствие смерти); для Савватия же мысль Г. Державина о тщетности бытия оказывается неприемлемой, – прежде всего потому, что она противоречит христианскому учению: "Господь больше и выше этого жерла. У Него ничто не пропадает..." [1, с. 12]. Важно, что Андроник легко соглашается с Савватием... В сущности, – Б. Зайцев постоянно указывает на это читателю – герои повести не являются антагонистами, их спор отражает различные грани одного миропонимания: "Чужда вере нашей безнадёжность стихов этих..." [1, с. 13]. Данный эпизод во многом проясняет позицию Б. Зайцева относительно проблемы "преходящее / вечное": герои повести выражают единую с автором убежденность в спасительных началах православной веры, снимающей тоску Богооставленности своим светлым, радостным миропониманием и высоким нравственным началом.

Еще один ключевой эпизод повести – рассказ о подготовке и проведении в монастыре международного научного богословского съезда. В этом эпизоде центральное место отводится образу митрополита Иоанникия, – с ним связан мотив приподнятости над обыденным бытием, поэтизации святости. Описание его прибытия имеет глубокий символический смысл, – вместе с сопровождающими его представителями духовенства он поднимается по пологой "тропинке–лестничке" в гору, к монастырю, причем монахами этот подъем воспринимается как полет ("...он легко, как–то невесомо взлетал, точно земля и не очень притягивала его"), а внутренний монолог Андроника ("Вот, восходит, – думал Андроник: а ведь сердце у него слабое, недавно был обморок...") и комментарий автора ("И действительно, человек этот, со слабым сердцем, питавшийся больше чаем да сухариками, почти птичьим полётом возносился кверху...") превращают этот подъем–полет в ВОЗНЕСЕНИЕ [1, с. 16–17].

Мотив вознесения, поэтизации святости подготавливает кульминацию повести, которая в прозе Б. Зайцева, как правило, представляет собой воспроизведение эмоционального воздействия на героев некоего внешнего фактора, в данном случае – восхождения от ворот сторожки к монастырю митрополита Иоанникия. В лаконичной и художественно–емкой прозе Б. Зайцева отсутствуют пространственные комментарии и психологические объяснения – такие эпизоды говорят сами за себя. Но часто, как в музыкальном произведении, их основной мотив получает обогащение и дополнительное освещение в последующих фрагментах повествования. Так и здесь: тема высоты нравственного подвижничества, русской святости развивается в сцене беседы Андроника с английским

богословом. Разговор идет о сильных и слабых местах католицизма и православия: Андроник признается, что ценит "силу, порядок и дисциплину католицизма. Единство его и крепость... то, чего у православных, как раз мало"; но ответная реплика католического богослова, пораженного обликом словно возносящегося к небесам митрополита Иоанникия, воспринимается как признание нравственного превосходства православной церкви. Символично, что при расставании собеседники обмениваются братским поцелуем. В том, что герои повести "Река времен", несмотря на различие мировоззрений, не испытывают друг к другу враждебности, просматривается высоконравственная позиция автора, стремящегося реализовать свою сверхзадачу – "воцерковление искусства слова и приобщение читателя к ценностям православия" [5, с. 126].

Тема вечности, смысла жизни в повести Б. Зайцева сопряжена с темой смерти. О скорой смерти часто думает Андроник, ему же нередко приходит мысль о жизненной силе и о несомненном долгожительстве Савватия: "...на земле долго ему жить. Старше меня, а надо мной будет Евангелие читать, когда я вот тут вытянусь навсегда"; "Он всех нас переживет, хоть и всех старше..." [1, с. 21, 22, 24–25]. Скоропостижная смерть Савватия ("Епископ Савватий... переходит через реку"), получившего наконец–то, чего желала его бесхитростная, жизнелюбивая душа – епископскую митру, потрясает Андроника... Вместе с тем в смерти Савватия для Андроника открывается высший смысл бытия, – читая над телом Савватия "неиссякаемую книгу", он ощущает странную, мистическую связь с душой умершего. Б. Зайцев не объясняет суть этой связи, но она угадывается из контекста ("Владыка Савватий лежал на спине, ничего владычного не было в этом крупном теле с серебряною бородой..." [1, с. 27]) и, возможно, безотчетно осознается Андроником: всех людей уравнивает и роднит их телесная беспомощность, немощность и брэнность их физического существования, непостижимость для каждого человека знания отпущенного ему Господом земного срока. Именно сопричастность великой тайне смерти через вновь постигаемые откровения "неиссякаемой книги" совершает некий переворот в душе Андроника: "Был он теперь как–то собран, спокоен, точно тоже перешел грань" [1, с. 27].

Через насыщенную соляной символикой внешнюю изобразительность Б. Зайцев–художник убеждает читателя в том, что его герой перешел на новый, высший уровень восприятия евангельских истин: "Он начал читать. Солнце подымалось выше, золото лучей пало на золото митры. Андроник был спокоен и далек. В нем звучал как бы некий и не его голос. Чем дальше, тем торжественней он становился. И всё торжественнее золотили солнечные лучи скромные стены и скромные предметы комнаты..." [1, с. 27]. Здесь писатель создает "величественный и

прекрасный гимн вечно сияющей человеку бессмертной Божественной благодати"[3, с.151]. Мысль о ставшей возможной для Андроника непостижимой связи с высшими началами Бытия, о неиссякаемой глубинной силе христианского вероучения, которое не в силах смыть "река времен" передается и через особое восприятие героем самого себя при чтении Евангелия: "В нем звучал как бы некий и не его голос...", – и далее: "Ему показалось, что это другой голос, не его..." [1, с.27, 28]. Таким образом, со смертью Савватия лирическому герою Б. Зайцева (а именно Андроник стоит в одном ряду с любимыми зайцевскими героями, которым сопутствует звездное космическое начало: "Звезды он любил. Они действовали на него успокоительно..." [1, с.21]) удастся постичь то, что не давалось ему раньше, – глубинный смысл жизни во Христе.

Итак, Б.Зайцев прошел своеобразный путь утверждения в своем творчестве христианской духовной состав-

ляющей: сначала на смену раннему пантеизму пришло увлечение христианской метафизикой Вл. Соловьева, что наиболее полно проявилось в повести "Голубая звезда" (1918), и лишь затем, в произведениях периода эмиграции (романы "Золотой узор", 1926; "Дом в Пасси", 1933; автобиографическая тетралогия "Путешествие Глеба", 1937 – 1953; повести "Преподобный Сергей Радонежский", 1924; "Странное путешествие", 1926 и др.) писатель создает образ мира, приобщающий читателя к ценностям православия: лирические герои Б. Зайцева живут в соответствии с нравственными заповедями христианства. Мотивы любви, всепрощения, покаяния, духовного служения людям – становятся ключевыми в его произведениях периода эмиграции. Сквозные темы зрелого творчества Б. Зайцева – противостояние злу, духовное самосовершенствование человека. Закономерно, что в своем "художественном завещании" – повести "Река времен" – писатель утверждает приоритет православных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Б. Река времен // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. Кн.78.
2. Грибановский П. Б.К. Зайцев (Обзор творчества) // Русская литература в эмиграции / Сб. статей под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С.133–150.
3. Захарова В.Т. Поэтика прозы Б.К. Зайцева. Н. Новгород: НГПУ, 2014.
4. Ильин И. Что такое искусство // Ильин И. Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М.: Искусство, 1993.
5. Любомудров А. Борис Зайцев и Иван Шмелев: жизнь, вера, творчество // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб. ст.: Пятые Международные юбилейные научные чтения. Вып.5. Калуга, 2005. С.126–133.
6. Михайлова М.В. Современное состояние изучения творчества Б.К. Зайцева // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб. ст.: Пятые Международные юбилейные науч. чтения. Калуга, 2005. Вып. 5. С. 3–6.
7. Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт критического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 408 с.

© Е.А. Полтавская, (elena_poltavskay@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Литературный Институт им. А.М. Горького

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

PERCEPTION OF MODERN RUSSIAN LITERATURE BY THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA

N. Pchelkina

Annotation

The article analyses the current English press materials which in one way or another affect the modern Russian literature and works of contemporary Russian writers. The conclusions about the degree of interest of foreign press to such phenomenon as "modern Russian literature" are made through the qualitative content analysis of English journalists' publications.

Keywords: Modern Russian literature, Zakhar Prilepin, Ludmilla Ulitskaya, Victor Pelevin, Dmitry Bykov, Boris Akunin, Mikhail Shishkin, Elena Tchijova, Yevgeni Grishkovetz, English-language print media.

Пчелкина Наталия Михайловна

*Преподаватель каф. англ. языка
для гуманитарных факультетов факультета
иностраннных языков и регионоведения
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье анализируются актуальные материалы англоязычной прессы, в той или иной мере затрагивающие современную русскую литературу и творчество современных русских писателей. Через качественный контент-анализ публикаций англоязычных журналистов обобщаются выводы о степени интереса зарубежной прессы к такому явлению как "современная русская литература".

Ключевые слова:

Современная русская литература, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Виктор Пелевин, Дмитрий Быков, Борис Акунин, Михаил Шишкин, Елена Чижова, Евгений Гришковец, англоязычная пресса.

Около столетия назад русская литература была "властителем дум" не только отечественной аудитории, но и прогрессивных кругов европейской общественности. Чехов, Толстой, Достоевский, поэты Серебряного века постоянно обсуждались в зарубежной прессе. Репутация русской литературы, как литературы рефлексирющей, экзистенциальной, затрагивающей все аспекты бытия человека, с тех пор необычайно велика. Продолжает ли современная российская литература традиции предшественников? Насколько она актуальна для англоязычной аудитории? Насколько интересна для ведущих журналистов США и Великобритании, пишущих о литературе? И это вовсе не праздные вопросы. Ведь Россия, несмотря на богатую историю, вновь находится на пути поиска своей идентичности. То же можно сказать и о восприятии России другими странами, которые пытаются заново создать образ России через синтез устоявшихся стереотипов и новых идентификационных кодов (Идентификационный код, в данном контексте, средство для национальной идентификации).

Литература выступает в роли одного из сильнейших культурных кодов. Она, возможно, утратила часть своего влияния на массы по ряду причин. Не потому, что культурные потребности большинства людей изменились, а потому что изменилась сама эпоха. Огромные массивы разнообразной информации оставляют меньше времени

на вдумчивое чтение. Однако, влияние литературы по-прежнему велико, особенно на ту часть общества, которую принято считать "читающей". Также ее можно назвать той интеллектуальной прослойкой, которая во многом и формирует социокультурные запросы всего общества.

Конечно, публикаций о современных русских писателях в англоязычной прессе немного. Но и в отечественной публицистике статьи о Прилепине, Пелевине, Гришковце и других известных прозаиков современности являются редко, ведь времена феноменальной популярности "Литературной газеты" и "толстых" журналов давно прошли. В этом отношении англоязычная пресса посвящает анализу тенденций современной литературной жизни даже больше материалов, чем крупнейшие российские газеты.

И это достаточно удивительно, ведь переводов актуальных российских романов явно недостаточно, чтобы составить цельное представление о всей современной русской литературе у англоязычной аудитории. Так, журнал "*Foreign policy*" приводит такие данные: лишь 4,6% всей переводной литературы в США приходится на переводы с русского языка [2]. Это подтверждает и Ханна Дэвис из "*The Guardian*", говоря о произведениях молодых российских авторов буквально следующее: "*Getting hold*

of their work in English, however, can be a challenge" [7]. Ей вторит Клэр Эрмистед – литературный критик "The Guardian" и "Observer", которая приводит в своей статье следующее мнение: "Pelevin and Sorokin are both extremely good contemporary Russian writers, much better in my view than many of the lionised contemporary novelists of the West" [8]. И все же, несмотря на дефицит переводной литературы современных русских писателей, наиболее актуальные произведения добрались до Британских островов и США, где произвели благоприятное впечатление. Наиболее резонансные романы Прилепина, Пелевина, Улицкой доступны на английском языке, и их имена уже известны широким кругам общественности. Все это заставило Джорджа Циртеса из "The New Statesman" воскликнуть: "Russia has always been big news and, after a period of what seemed like quiet, is again big news" [10].

И все же, англоязычная пресса видит в современных российских писателях огромный потенциал, как в плане способности быть моральными авторитетами для гражданского общества, так и в сугубо творческом подтексте. Так, влиятельная английская "The Guardian" включает Алису Ганиеву в так называемый список "народной власти" из тех россиян, кому меньше 30 лет [6].

Известный афоризм Евтушенко "Поэт в России – больше, чем поэт" [13] находит горячий отклик у американских и британских журналистов, которые считают, что "русский писатель – больше, чем писатель". Для англоязычной публицистики современный русский писатель – это во многом гражданский активист, заставляющий общество задуматься о происходящем. Как в свое время Пастернак и Солженицын были гораздо ближе американским критикам, чем Шолохов и Алексей Толстой, так и современные оппозиционные прозаики получают больше внимания на страницах англоязычных газет, чем аполитичный Пелевин.

"The New York Times" даже вводит термин "literary outcry" для характеристики современной русской литературы, указывая на работы Улицкой, Лимонова и Прилепина [9]. Означает ли подобная позиция основного массива англоязычной журналистики преобладание несколько одностороннего подхода к анализу современной русской литературы? Отчасти, да. Однако, не стоит забывать и о традициях собственно англоязычной журналистики, которая всегда отличалась нарочитой остротой репортажей, однозначным толкованием ценностей. Применительно к нашей стране не следует забывать и о сложившихся стереотипах "холодной войны", которые сохраняются и в отношении литературных произведений.

Впрочем, нельзя сказать, что разбор литературных достоинств и недостатков наиболее резонансных произведений современных русских литераторов полностью

отсутствует в публикациях англоязычной прессы. Напротив, за последние годы появилось немало статей, подробно анализирующих именно литературную составляющую современных произведений. Например, объемные статьи о Захаре Прилепине появляются несколько раз в британских "Newsweek" и "The Daily News". Оуэн Мэтьюз из "Newsweek" еще в 2008 году выделяет Прилепина, давая скупую, но емкую характеристику: "Chechen war veteran Zakhar Prilepin, who writes brutal novels and short stories about day-to-day life in modern Russia". [3]. Но уже через три года тот же автор, наделяя Прилепина чертами своеобразного "рупора" интересов и чаяний широкого круга русской общественности, делает смелый вывод: "To understand Russia today, you need to understand Prilepin" [4].

Другой российский писатель – Виктор Пелевин также удостоился лестных характеристик в ряде публикаций. "Bomb Magazine" характеризует его творчество следующими словами: "Victor Pelevin has spent the last decade producing works of exceptional humor, beauty, and insight" [1]. А "The Culture Trip" сравнивает Пелевина с классиками: "Simultaneously poetic and ridiculous, Victor Pelevin's novel Omon Ra is considered a successor to the great works of Gogol and Bulgakov" [3].

Через знакомство с современной русской литературой англоязычный читатель начинает заново постигать российский менталитет, ощущать изменения в быте, ценностных установках, стремлениях целого поколения россиян. Теперь же он имеет возможность устраивать революцию и спасаться в жесткой реальности чеченской войны вместе с героями Прилепина; оказаться в сюрреалистическом постсоветском мире Пелевина; ориентироваться в водовороте обыденной жизни российского "среднего класса" в произведениях Гришковца; оценить изящную интеллектуальность "русского швейцарца" Михаила Шишкина; почувствовать связь времен и различных эпох в романах Акунина. Все это в той или иной мере проявляется на страницах американских и британских газет и журналов, затрагивающих темы развития современной русской литературы.

Определяя степень интереса англоязычной прессы к современной русской литературе, можно воспользоваться эпитетом "слабый". Однако, тенденции ясно указывают на увеличение этого интереса. В современном мире интерес к тому или иному явлению культурной жизни чужой страны, если он не подкреплен мощной маркетинговой подпиткой, возникает не спонтанно, а вытекает из общей заинтересованности в понимании иностранного менталитета. И, судя по всему, "понять Россию" вновь становится актуальным лозунгом для читающей аудитории на Западе. Большинство же журналистов, окунувшись в тему современной русской литературы, уверены, что потенциал у нее немалый. Английский "The Telegraph" начинает

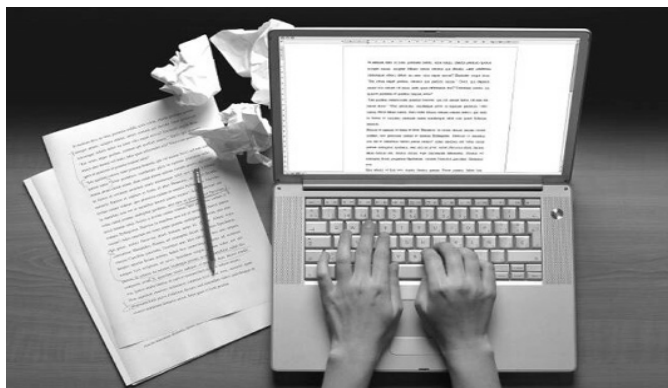
свою статью о современной русской литературе такими словами: "*Over the past 20 years, Russian contemporary writers have been trying to find their place in a new reality*" [11]. В конце статьи делается вывод о том, что современные писатели все же нашли для себя актуальные темы: "*Contemporary writers in Russia are finding new themes that reflect modern society*" [11]. Другие англоязычные публикации еще более оптимистичны. Например, такой специалист по современной русской культуре, как Оуэн Мэтьюз, пишет: "*Even if Russia is now entering another cycle of oppression, writers will be there to document every turn of the screw - and the best among them will produce classics*" [2]. Сравнения Ханны Дэвис из "*The Guardian*" также лестны для современной русской литературы: "*Authors such as Dmitry Bykov, Vladimir Makanin and Ludmilla Ulitskaya have produced works that easily compete with those of their English language contemporaries, even Martine McCutcheon*" [7]. А Селия Урен с уверенностью говорит о появлении нового смелого поколения в русской литературе "*It's a generation whose writing seems to be united less by subject matter or style or political slant than by a confidence, honesty and vibrancy*" [12].

Из приведенного обзора англоязычной прессы по-

следних лет становится понятно, что современная русская литература пока не стала значимым культурным феноменом для интеллектуальной элиты США и Великобритании. В настоящий момент образ современной русской литературы на страницах газет и журналов западных стран отличается фрагментарностью, незаконченностью и, зачастую, характеризуется весьма поверхностно. Политическая подоплека все еще сильно довлеет над англоязычными журналистами в ущерб оценке творческого потенциала русских писателей. Что касается творчества, то англоязычная пресса до сих пор более охотно пишет о Чехове, чем о современных российских писателях. И это объективно, ведь фигур масштаба Чехова пока нет в российском литературном пространстве. Однако, "безвременье" 1990-х, когда англоязычная пресса вообще не замечала современную русскую литературу, сменилось осторожным интересом. И как сказала американская журналистка из *Washington Post* Celia Wren "*That the books may give Americans a more nuanced picture of Russia is, of course, an added plus*" [12]. В результате, нынешнее поколение русских литераторов по-новому открывает Россию для англоязычной аудитории, показывая современные реалии через призму той самой "русской души", которая не изменилась со времен Чехова и Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bomb Magazine, Spring 2002. Retrieved 26 July 2011 In 2011 // Victor Pelevin by Leo Kropywiansky // <http://bombmagazine.org/article/2481/>
2. Foreign policy, March 22, 2008 // Is Russian Literature Dead? by Owen Matthews // <http://foreignpolicy.com/2015/03/24/is-russian-literature-dead/>
3. Newsweek, March 22, 2008 // Dumbing Russia Down by Owen Matthews // <http://www.newsweek.com/dumbing-russia-down-84259>
4. Newsweek, August 15, 2011 // Zahar Prilepin: Russia's Best Young Novelist by Owen Matthews // <http://www.newsweek.com/zahar-prilepin-russias-best-young-novelist-67261>
5. The Culture Trip // 12 Contemporary Russian Books Everyone Should Read By Varia Fedko-Blake // <http://theculturetrip.com/europe/russia/articles/12-contemporary-russian-books-everyone-should-read/>
6. The Guardian, 12 June 2015// Moscow 30 under 30: the people's power list // <http://www.theguardian.com/world/2015/jun/12/moscow-under-30-the-peoples-power-list>
7. The Guardian, 27 October 2009 // The unknown Booker prize by Hannah Davies // <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2009/oct/27/fiction-booker-prize>
8. The Guardian, 11 April 2011 // World literature tour: Russia by Claire Armitstead // <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2011/apr/11/world-literature-tour-russia>
9. The New York Times, May 24, 2013 // Bulgakov's Ghost by Emily Parker // <http://www.nytimes.com/2013/05/26/books/review/bulgakovs-ghost.html>
10. The New Statesman, 25 June 2015// Russian soul reawakened: startling revelations in a new anthology of Russian poetry by George Szirtes // <http://www.newstatesman.com/culture/2015/06/russian-soul-reawakened-startling-revelations-new-anthology-russian-poetry>
11. The Telegraph, 17 Sep 2012 // New Russian writers reflect modern society by Konstantin Milchin // <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/rbth/culture/9548685/new-russian-writers.html>
12. The Washington Post, February 24, 2012 // In Russia, at long last, notes from aboveground By Celia Wren // https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/2012/02/21/gIQAfHG4XR_story.html
13. Евтушенко Е. Стихотворения и поэмы в 3-х томах. Том 2 – М.: Советская Россия, 1987

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Agakishiyev I. – Candidate of historical sciences, assistant professor of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

e-mail : alمامater412@mail.ru

Alipulatov I. – Candidate of Philology, Associate Professor, Dagestan State University, Makhachkala

e-mail : Alipulatov@mail.ru

Antonova E. – Senior lecturer in Academy of Public Administration

e-mail : antonova_ev@bk.ru

Avksentieva E. – PhD in education science, assistant professor, hardware and software systems computer technology department Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, ITMO University

e-mail : avksentievaelena@rambler.ru

Baksheev A. – Candidate of historical Sciences, associate Professor Siberian Federal University

e-mail : baksh-ai@yandex.ru

Bataeva A. – Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University

e-mail : ann_01@mail.ru

Burdina G. – Senior Lecturer, Institute Elabuzhsky FGOU VPO "Kazan (Volga) Federal University

e-mail : burdinagm@yandex.ru

Karaziya A. – Post-graduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg

e-mail : Anast-K-2009@yandex.ru

Kaziakhmedova S. – Ph.D., FGBOU IN "Moscow State University of Economics and Humanities"

e-mail : svet1470@mail.ru

Kireeva I. – Ph.D., Associate Professor, FGBOU IN "Moscow State University of Economics and Humanities"

e-mail : arina_68@bk.ru

Kolupaev D. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Technical University. I. I. Polzunov

e-mail : kolupaev_dmitrij@mail.ru

Korobkova V. – Ph.D., Associate Professor, Dean of the Faculty of legal and socio-pedagogical Education Perm State Humanitarian Pedagogical University

e-mail : vkorobkova@mail.ru

Koroplyasova E. – Postgraduate student, Moscow Lomonosov State University Lomonosov

e-mail : kev9@list.ru

Kovzik G. – Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny

e-mail : chaes2@mail.ru

Kozhokina A. – Candidate of Philology, Senior Lecturer of St. Petersburg State University

e-mail : linkoj@yandex.ru

Kozyreva O. – Ph. D., associate Professor of the Department of correctional pedagogy KSPU them. In. P. Astafieva, associate Professor of the pedagogy and psychology course.

e-mail : kozyreva0a@mail.ru

Levitskaya I. – Candidate of pedagogical sciences, Head of the department of economics and management, Kuzbass State Technical University named by T. F. Gorbachev, branch of the Mezhdurechensk

e-mail : levitskaya_ia@mail.ru

Magsumov T. – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny

e-mail : nabonid1@yandex.ru

Metlakova L. – The candidate of pedagogical Sciences, Deputy Dean for academic work of the faculty of legal and socio-pedagogical education Perm State Humanitarian Pedagogical University

e-mail : Lmet-13@mail.ru

Nastinova G. – Doctor of Geographical Sciences, Kalmyk State University, Russia, Elista

e-mail : nastinova.ge@yandex.ru

Nastinova K. – Candidate of pedagogical sciences, Kalmyk State University, Russia, Elista

e-mail : nastinova.ge@yandex.ru

Pchelkina N. – Teacher of English language Department for the humanitarian faculties, faculty of foreign languages and area studies Lomonosov Moscow state University

e-mail : kudryawka.90@mail.ru

Platunova S. – Senior teacher hardware and software systems computer technology Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, ITMO University

e-mail : platunowasweta@mail.ru

Poltavskaya H. – Competitor of the Department of modern Russian literature Literary Institute. AM Gorky

e-mail : elena_poltavskay@mail.ru

Razumovsky E. – Candidate of Sociology, Associate Professor, Theatre Institute. B. Shchukin

e-mail : razumovskayal@mail.ru

Skovorodkina I. – Professor in Academy of Public Administration

e-mail : skovorodkinaiz@mail.ru

Wesley S. – Postgraduate student, Taurida Academy V. I. Vernadsky Crimean Federal University

e-mail : lindabright@mail.ru

7-10 июня 2016
Новокузнецк / Россия

УГОЛЬ и МАЙНИНГ РОССИИ

23-я Международная специализированная выставка технологий горных разработок, обогащения, выемочной и подъемно-транспортной техники
УГОЛЬ РОССИИ и МАЙНИНГ

7-я Международная специализированная выставка
ОХРАНА, БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА и ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

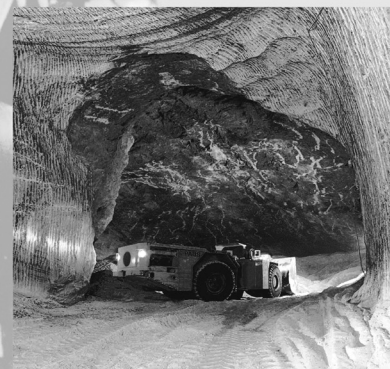
2-я Международная специализированная выставка
НЕДРА РОССИИ

уголь

руды

промышленные минералы

Для всех отраслей
горнодобывающей
промышленности

охрана и безопасность труда

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

Выставочный комплекс "Кузбасская ярмарка"

ул. Автотранспортная, 51, г. Новокузнецк.

т./ф: (3843) 32-22-22, 32-24-43

e-mail: transport@kuzbass-fair.ru, zayceva@kuzbass-fair.ru

www.kuzbass-fair.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).